Учредители:

Институт географии РАН

Географический факультет Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Институт географии Санкт-Петербургского государственного университета

Смоленский гуманитарный университет

Издатель:
Смоленский гуманитарный университет

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати РФ
Рег. св. № ПИ № 77-7284 от 19.02.01

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий ВАК

Главный редактор:
д.г.н., проф. Катровский А.П. (Смоленск)

Заместители главного редактора:

д.г.н. Артоболевский С.С. (Москва)
к.г.н., доц. Шувалов В.Е. (Москва)
д.г.н., проф. Чистобаев А.И. (С.-Петербург)

Редакционный совет:

д.г.н., проф. Алексеев А.И. (Москва); акад. РАН, д.г.н., проф. Бакланов П.Я. (Владивосток); д.э.н, проф. Вишневский А.Г. (Москва); проф. Лентц С. (Германия); член-корр. РАО, д.г.н., проф. Гладкий Ю.Н. (С.-Петербург); акад. РАН, д.г.н., проф. Касимов Н.С. (Москва); д.г.н., проф. Колосов В.А. (Москва); проф. Кришьяне З. (Латвия); д.г.н., проф. Лаппо Г.М. (Москва); д.г.н., проф. Мироненко Н.С. (Москва); д.г.н., проф. Пирожник И.И. (Беларусь); д.г.н., проф. Федоров Г.М. (Калининград)

Редакционная коллегия:

к.г.н. Агирречу А.А. (Москва); д.г.н., проф. Белозеров В.С. (Ставрополь); д.э.н., проф. Бильчак В.С. (Калининград); д.э.н., проф. Вардомский Л.Б. (Москва); д.г.н., проф. Гладкий А.В. (Украина); к.г.н., доц. Ковалев Ю.П. (Смоленск); д.г.н., проф. Кочуров Б.И. (Москва); д.г.н. Мажар Л.Ю. (Смоленск); д.г.н. Потоцкая Т.И. (Смоленск); д.г.н., проф. Родионова И.А. (Москва); проф. Розите М. (Латвия); д.г.н., проф. Смирнягин Л.В. (Москва); д.г.н., проф. Ткаченко А.А. (Тверь); д.э.н., проф. Фатеев В.С. (Беларусь); д.г.н., проф. Шарыгин М.Д. (Пермь)

Ученый секретарь:
к.г.н., доц. Ковалев Ю.П.

Адрес редакции:
214014, Смоленск, ул. Герцена, 2
Смоленский гуманитарный университет
Тел.: (4812) 68–36–88
e-mail: region@shu.ru

Подписано в печать 12.09.13 г.
Формат 70x108 1/16. Гарнитура «Times»
Тираж 300 экз.

Отпечатано:
ООО «Универсум»
214014, Смоленск, ул. Герцена, 2
Тел.: (4812) 64-70-49 Факс: (4812) 64-70-49
e-mail: uni@shu.ru

© РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ, 2013

ISSN 1994-5280

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Научный журнал
Основан в феврале 2001 года
Выходит 4 раза в год

№ 3 (41), 2013

region@shu.ru

СОДЕРЖАНИЕ / CONTENTS

ТЕОРИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ 4
THEORY OF REGIONAL STUDIES 4

Лопатников Д.Л. Экологический переход 4
Lopatnikov D.L. En ecological transition 4

Тархов С.А. Социально-экономическая география: ее сущность, предмет изучения и методы 9
Tarkhov S.A. Human Geography: its nature, subject, and methodology 9

Чубаров И.Г. Исследования глобальных городов в России и за рубежом 13
Chubarov I.G. Study of global cities in Russia and abroad 13

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НАРОДОНАСЕЛЕНИЯ 23
REGIONAL RESEARCHES OF POPULATION 23

Карачурина Л.Б. Демографические трансформации городов постсоветской России 23
Karachurina L.B. The demographic transformation of post-Soviet Russian cities 23

Калинина И.В. Изменение функций сельских населенных пунктов на рубеже XX–XIX веков (на примере Еврейской автономной области) 36
Kalinina I.V. Changing of functions of rural settlements in the turn of the century XX–XIX (on example of Jewish autonomous region) 36

Кашкина Л.В. Социально-психологический климат городской среды монопрофильного города Европейского Севера (по результатам социологического исследования) 45
Kashkina L.V. Socio-psychological climate of the urban environment mainstays of the European North (based on the survey) 45

Кузнецова Т.Ю. Тенденции и факторы демографического развития в Балтийском регионе: региональный анализ 50
Kuznetsova T. Yu. Trends and factors of geo-demographic development in the Baltic region: regional evaluation 50

Савоскул М.С. Реэмиграция российских немцев из Германии в Россию: факторы и масштабы явления 57
Savoskul M.S. Re-emigration of Russian Germans from Germany to Russia: Factors and scale of the phenomenon 57

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ 69
SOCIAL AND ECONOMIC ISSUES OF THE REGIONAL DEVELOPMENT IN RUSSIA 69

Антонов Е.В., Фаддеев А.М. Современная динамика развития промышленных городов Восточного Оренбуржья 69
Antonov E.V., Faddeev A.M. The current dynamics of the development of industrial cities in the east of the Orenburg region 69

Болычев О.Н. Факторы и особенности территориальной дифференциации развития сетей в розничной торговле субъектов Российской Федерации 79
Bolychev O.N. The factors and features of territorial differentiation of retail chain development in the constituent entities of the Russian Federation 79

Святоха Н.Ю. Активность на рынке жилой недвижимости: региональный аспект 86
Sviatokha N.U. Activity in the residential real estate: regional aspect 86

Ушаков Е.А. Влияние процессов укрупнения субъектов Российской Федерации на уровень жизни населения бывших автономных округов 95
Ushakov E.A. Influence of enlargement processes of the Russian Federation units on population's living standard of former autonomous regions 95

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЗАРУБЕЖНОГО МИРА 101
REGIONAL ISSUES OF THE WORLD 101

Великанова И.А., Миронова Г.Л. Опыт Польши по сохранению культурного наследия 101
Velikanova I.A., Mironova G.L. The Polish experience of preservation of cultural heritage 101

Гельдыева Г.В., Надыров Ш.М., Нюсупова Г.Н. Устойчивое развитие природно-хозяйственных систем как основа сбалансированного природопользования Республики Казахстан ... 107
Geldyeva G.V., Nadyrov Sh.M., Nyusupova G.N. Sustainable development of natural and economic systems as a basis for balanced nature management of the Republic of Kazakhstan ... 107

Савлов М.Е. Отраслевая и территориальная структура третичного сектора экономики Великобритании ... 114
Savlov M.E. Sectoral and territorial structure of the tertiary sector of the UK economy ... 114

Смайлов С. Ш-А. Геоэкологические последствия природопользования в степном регионе (на примере Павлодарской области) ... 121
Smailov S. Sh-A. Geoecological consequence of nature management in steppe region (demonstrated by an example of Pavlodar region) ... 121

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНОВ ... 128
SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT BORDER-LINE REGIONS ... 128

Катровский А.П. Ридевский Г.В. Пространственная экономическая асимметрия как фактор развития российско-белорусского трансграничного региона ... 128
Katrovskii A.P., Ridevskii G.V. Spatial economic asymmetry as a factor of the development of Russian-Belarusian border region ... 128

Яськова Т.И. Типология районов Смоленской области по положению в системе пространственных отношений «столица – пристоличный регион» ... 137
Yaskova T. I. Typology of the Smolensk regions location in the interconnection system «capital – near-capital region» ... 137

ПРИГЛАШЕНИЕ К ДИСКУССИИ ... 147
INVITATION TO THE DISCUSSION ... 147
Скалон А.В. Проблемы и риски развития России с точки зрения высшей школы ... 147
Skalon A.V. Challenges and risks of Russia in terms of higher education ... 147

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ ... 159
SCIENTIFIC LIFE ... 159
Резолюция V совещания-семинара заведующих кафедрами экономико-географического профиля университетов России с международным участием и заседания Секции экономической и социальной географии Учебно-методического Совета по географии УМО по классическому университетскому образованию ... 159

НАШИ ЮБИЛЯРЫ ... 162
Юбилей профессора М.Д. Шарыгина ... 162

Сведения об авторах ... 165

Требования к оформлению материалов ... 166

ТЕОРИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Лопатников Д.Л. (Москва)

ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ ПЕРЕХОД

Lopatnikov D.L.

EN ECOLOGICAL TRANSITION

Аннотация. *За крупномасштабным ухудшением экологической ситуации на протяжении индустриальной эры последовал период сложных разнонаправленных позитивных и негативных экологических тенденций как в мире в целом, так и в отдельных регионах. Эти процессы детерминированы, в частности, постиндустриализацией мирового хозяйства. Если наблюдаемый тренд изменений в глобальной экологической обстановке продолжится, можно ожидать ее стабилизации в ближайшие десятилетия.*

Abstract. *The deterioration, on a large scale, of the ecological situation during the industrial era was followed by a period of complicated multi-vectored positive and negative ecological processes in the world at large and within certain regions. If the current trend of change in the global ecological situation persists, the next few decades may see its general stabilization.*

Ключевые слова: *экологический переход, мировое хозяйство, постиндустриализм, экопотребление, эколобби, экобизнес, экоимидж.*

Keywords: *ecological transition, world economy , post-industrialism, eco-consumption, eco-lobby, eco-business, eco-image.*

Вслед за глобальным демографическим переходом идет переход экологический.

То, что мы живем в динамично меняющемся мире, давно уже стало расхожей калькой. Вместе с этим, далеко не всегда в общественном сознании и даже у специалистов есть «ощущение масштаба» происходящих перемен эпохального значения. Воистину, большое видится на расстоянии... К таким переменам можно отнести, например, глобальный демографический переход, современниками которого мы являемся. Среди тех немногих, кто понял значимость этого процесса, был С.П. Капица, который формально не был демографом [2]. Но даже старания этого столпа популяризации научной картины мира вообще, и этого феномена, в частности, не сделали осознание происходящего адекватным его масштабу. О том, что в начале нынешнего века рост народонаселения затухает, конечно, известно профессиональным демографам. А ведь еще четверть века назад казалось, что он будет идти с ускорением «до второго пришествия». Сегодня же главные споры о том, возьмет ли население планеты планку в 10 млрд человек, или не возьмет. При этом, пока только самые прозорливые видят связанные с затуханием роста народонаселения уже происходящие и грядущие качественные изменения во всей траектории развития человечества.

Еще сложнее обстоит дело с оценкой трансформации глобальной экологической картины мира, адекватной ее масштабу. Общественное экологическое сознание, которое формируется во многом средствами массовой информации, застряло в 1970-х годах и до сих пор опирается на идеи алармизма, заложенные, в частности, знаменитым докладом Римского клуба «Пределы роста». То, что, как и утверждали его оппоненты еще в те далекие годы, большинство прогнозов не оправдалось, в лучшем случае, тихо умалчивается. А без ужасов «грядущего экологического апокалипсиса», почему-то становится скучно... Это уже закон жанра. Возможно, именно с этим связано то завидное упорство, с которым некоторые ученые и политики продолжают запугивать общественное сознание антропогенным глобальным потеплением как фактом, и другими экологическими кошмарами. И это при том,

что антропогенное глобальное потепление можно рассматривать исключительно как спорную гипотезу.

Среди концепций, которые призваны быть «маяками» при формировании современной глобальной экологической политики, как научно выверенный и адекватный ответ вызовам времени в мире, наиболее востребована концепция устойчивого развития. В России не меньшей популярностью пользуется ноосферная концепция. Но нужно учитывать один принципиальный нюанс: обе эти концепции носят рекомендательный характер. Степень соответствия их реалиям современного мира большинством экологов в целом оценивается как слабая. В результате, делаются выводы, что и мир «идет не туда», и сами концепции «недоработаны» и даже утопичны. В этом контексте необходимо сопоставить идеи по спасению планеты и человечества от «экологической катастрофы» с современными трендами в развитии экологической обстановки на Земле. Среди этих трендов автор хочет обратить внимание на те из них, которые идут вразрез с укоренившимися алармистскими стереотипами и которые во многом объясняют эффект откладывающегося экологического апокалипсиса. Особенно важны, хоть пока и слабые, но все более явные экопозитивные процессы в мире. По мнению автора, они недооценены. Такой акцент неверно трактовать, как попытку сменить «черные очки» на «розовые». Это нужно для более полного, а значит, и более адекватного отражения в научном восприятии отнюдь не радужной, а именно противоречивой современной экологической картины мира, и для того, чтобы попытаться нащупать тренд ее изменения в обозримом будущем.

Есть основания говорить о том, что траектория трансформации экологической обстановки на Земле может в целом повторить демографическую траекторию. По мнению автора, мир вступил в одну из решающих стадий глобального экологического перехода, после которого должна последовать стабилизация антропогенной нагрузки на биосферу Земли, а в долгосрочной перспективе, возможно, даже ее ослабление. Это не означает, что острейшие экологические проблемы на всех уровнях территориальной иерархии, от глобального до локального, уходят в прошлое. Тем более было бы наивно утверждать, что они уходят сами собой, «естественным образом». Общая траектория трансформации глобальной экологической обстановки на планете определяется огромным и сложнейшим букетом природных и социально-экономических процессов. Но нужно видеть, что, среди этих процессов все отчетливее видятся процессы экофильные. Принципиально важно то, что они детерминированы в первую очередь экономически. А во-вторых – технологически.

Среди факторов, начинающих работать на замедление роста глобальной антропогенной нагрузки на планету и влияющих на экопозитивные сдвиги в развитии мирового хозяйства, следует назвать прежде всего «три эко»: экопотребление, эколобби, экобизнес.

Одним из локомотивов экологического оздоровления мирового хозяйства, как это ни парадоксально звучит, выступает общество потребления. Именно с обществом потребления многие экологи связывают экологические беды на планете. Рационализация, и даже добровольное сокращение потребления называется одним их важнейших условий экологизации жизни. Понимание подобной «рационализации» – самое различное и в большинстве случаев зависит не столько от особенностей профессиональных подходов и компетенции, сколько от политических пристрастий.

Борьба с обществом потребления, широко распространенная в отечественном экологическом сознании, по сути, означает борьбу с экономикой как таковой, ибо именно рост потребления является, с одной стороны, результатом продуктивного хозяйствования, с другой – главным стимулом дальнейшего развития экономики. Сдерживание общества потребления означает сдерживание экономического роста. Поэтому, как в масштабах сегодняшнего, очень экономически контрастного мира в целом, так и для большей части стран в обозримом будущем идея ограничения общества потребления, как минимум, утопична. Общество потребления – естественный плод эффективной хозяйственной деятельности и огромное достижение стран с воспитанной веками культурой труда народов в сочетании с грамотной экономической политикой их руководителей.

Сегодня неверно сводить сущность общества потребления к обогащению материальными благами. Таковым оно видится

из современной «догоняющей» России, которая находится только в начальной стадии горячки постсоветского материального обогащения. В развитых странах пик ажиотажа материального потребления прошел во второй половине ушедшего столетия. У нас он еще впереди.

Удовлетворение спроса на «экологию» развивается в соответствии с экономическими законами и зависит от степени дефицитности товара, что создает естественное в условиях рынка неравенство для пользователей. В результате, экология все в большей степени становится «привилегией богатых». В этих условиях, одним из ключевых направлений государственной политики в области экологии в постиндустриальных странах становится борьба за превращение «экологии» из «товара для избранных» в «товар массового спроса». Для этого, в частности, уже задействуются методы активного формирования экоимиджа и спроса: мощная, направленная на массового потребителя реклама экологически чистых продуктов, здорового образа жизни, экологического туризма и т.п. Многие конкретные экологические программы государства в богатых странах ориентированы на «экологические» потребности среднего обывателя.

Становление общества экопотребления идет параллельно в тесной взаимосвязи с формированием экологического лобби в лице наиболее заинтересованных в благоприятной экологической обстановке отраслей. При переходе к постиндустриальной модели хозяйственного уклада в третичном секторе формируется группа отраслей хозяйства, жизненно заинтересованных в хорошей «экологии». К таким отраслям можно отнести науку, культуру, образование, туризм. Научная и творческая элита в развитых странах активнейшим образом успешно лоббирует самые разнообразные экофильные проекты как из «идейных» соображений, так и из откровенно корыстных. Для нее экологически благополучная среда – одно из необходимых условий эффективной и доходной работы.

Опережающее развитие нематериального спроса выступает одним из важнейших опосредованных факторов экопозитивных сдвигов в хозяйстве высокоразвитых стран. Состояние окружающей среды – если оно обладает соответствующим качеством – само по себе является потребительским благом. Улучшение этого состояния или хотя бы предотвращение ухудшения создает, также как и вложения в человеческий капитал, науку и образование, положительные внешние эффекты – экстерналии. С ростом благосостояния общества, после того как уровень развития достигает определенного значения, спрос на качество окружающей среды начинает расти. Он растет быстрее, чем спрос на товары и услуги в среднем. Если рост доходов общества сопровождается сокращением дифференциации доходов, то указанные экстерналии интернализуются и рост доходов приводит к улучшению качества среды. В литературе такой феномен назван «экологической кривой С. Кузнеца» [6]. Справедливости ради, следует сказать, что у этой кривой Кузнеца есть как сторонники, так и оппоненты.

По мере роста благосостояния возрастает экофильное «давление» и со стороны богатеющего обывателя. В результате, издержки на «экологию» становятся все более весомой частью общих издержек производства предлагаемых на рынке товаров, материальных (особенно наиболее высокотехнологичных) и нематериальных. Это делает выгодным производство более экологически чистых автомобилей, поддержание в чистоте пляжей, очистку водоемов от мусора и др. экологически опасных воздействий человека. Многие экологические издержки трансформируются из внеэкономической категории в категорию экономическую. «Экология» становится значимой компонентой выгоды в самых различных проявлениях: от торговли технологическими инновациями до торговли недвижимостью из экологически чистых материалов и с видом не на заводские трубы, а на живописное озеро, полное рыбы и дичи, как, например, во многих, некогда наиболее экологически грязных районах США. Утилитарный подход к природе как был в индустриальный период, так и сохраняется в постиндустриальный. Однако экологические последствия извлечения прибыли из шахт и карьеров и извлечения прибыли из чистых пляжей и живописных пейзажей противоположны. «Экология» становится товаром, субъектом товарно-денежных отношений. Качество окружающей среды становится ресурсом для современного общества и тем самым приобретает экономическую ценность.

Значимым сегментом хозяйства высокоразвитых стран стал экоориентированный бизнес. Например, в Германии, в сфере этого бизнеса в 1990-е гг. было занято 500 тыс. чел., а к концу 2000-х гг. – уже более млн. ФРГ стала крупнейшим в мире производителем очистного оборудования – ее доля достигла 21% (США – 16%, Япония – 13%). У нас много пишут о выводе грязных производств из развитых стран в развивающиеся. Но куда меньше о том, что далеко не единичные примеры модернизации наиболее экологически опасных производств в самих высокоразвитых странах доказывают, что благодаря научно-техническому прогрессу, экологически «безнадежных» производств нет. Есть проблема, как говорят «цены вопроса».

Опыт развитых стран показывает, что, в условиях грамотного использования рыночных механизмов, когда «экология» становится выгодной, нерыночные методы решения экологических проблем нужно рассматривать только как вспомогательные – они должны применяться в тех случаях, когда доказано, что рыночные методы менее эффективны или неэффективны вовсе. Конечно, рыночные механизмы применимы для решения многих, но не всех экологических проблем и не во всех странах в равной степени. Например, меньшая их эффективность в России – прежде всего «проблема роста», а не просто «российская специфика» или тем более, родовая черта рынка вообще. Между тем, низкая эффективность рыночных подходов при решении экологических проблем до сих пор используется в России как аргумент в призывах к усилению государственного администрирования, в частности, и в сфере экологии.

В конце XX – первом десятилетии XXI в. как на планете в целом, так и в отдельных регионах и странах мира произошли значимые изменения в экологической обстановке. Анализ макроэкологической статистики 1990–2000-х гг. позволяет сделать два важных вывода:

В начале XXI в. закончилась эпоха прямой зависимости остроты экологических проблем от масштабов мирового хозяйства. Это было характерно для индустриального времени. Сегодня острота экологических проблем в большей степени зависит не от плотности населения или количества хозяйственных объектов на конкретной территории, а от их качества. Экоориентированная модернизация промышленных предприятий, даже традиционно наиболее грязных, модернизация транспорта позволяют качественно улучшать экологические параметры хозяйствования не в ущерб роста производимого продукта. Об этом свидетельствует современное развитие энергетики, черной и цветной металлургии в Германии, улучшение экологической обстановки в мегалополисе Токайдо в Японии, Чипитсе в США и многие другие примеры. В целом, экологическая статистика последней четверти века свидетельствует о том, что рост глобальных экологических издержек по базовым показателям, начиная от пресловутых выбросов CO_2, SO_3 и т.п. идет медленнее, чем рост мирового валового продукта. В ряде стран экономический рост сопровождался сокращением как удельных, так и абсолютных значений традиционных, фиксируемых статистикой, экологических издержек[1], что принципиально важно (как, например, в Германии, во Франции).

Один из наиболее масштабных сдвигов в мировой экологической панораме в конце XX–начале XXI в. – смещение традиционного, сложившегося в XX в. эпицентра экологического неблагополучия из высокоразвитых стран Центра мирового хозяйства в наиболее динамично развивающиеся страны мировой Полупериферии. Речь идет, прежде всего, о быстро развивающихся странах Азии и Латинской Америки. Именно на Полупериферии мировой экономической системы в начале нынешнего века превалировали экофобные экологические процессы над экофильными, что создало здесь новый мощный центр глобальной экологической угрозы. При этом общий уровень управляемости экологической обстановкой здесь ниже, как и слабее выражен социальный заказ на «экологию». Это позволяет как национальным, так и транснациональным компаниям работать в условиях относительно низкого уровня экологических требований. Решающий вклад в данный тренд внесли Китай и Индия. В этом же направлении, к сожалению, пока движется и Россия.

[1] Речь идет, конечно, об издержках «первого плана». Биогеоценотические и др., в частности, «латентные» издержки – более сложная тема. Но это не меняет сути происходящего.

Вместе с этим, в 2000-е гг. отмечено усиление внимания к экологическим проблемам и в развивающихся странах. Не только декларативное, но и реальное стремление к экологизации хозяйства наблюдается в Мексике, Аргентине.

В целом, модернизация экономики в конце XX – начале XXI вв. стала значимым фактором набирающих обороты экопозитивных процессов в мировом хозяйстве. Параллельное развитие как эконегативных, так и экопозитивных процессов в макрорегионах мира приводит к усилению мозаичности экологической панорамы. Стало калькой, что экологическая обстановка в мире ухудшается. По-видимому, в начале нынешнего века она скорее не ухудшается, а – пространственно усложняется. Это одно из свидетельств того, что мир вступил в стадию «экологической бифуркации». И это, в свою очередь, дает надежду на то, что после ее прохождения, следующей будет стадия эколого-экономической стабилизации.

Сегодня есть достаточно признаков, свидетельствующих о том, что экологический переход приближается к «точке перегиба». Об этом говорят набирающие обороты экопозитивные процессы в развитых странах. Они будут продолжаться и усиливаться по мере модернизации экономики, научно-технического прогресса, улучшения качества жизни людей и развития гражданского общества. Не сразу, но данные процессы неизбежно начнут все более явственно проявляться и в «догоняющих» странах. Этот непростой многоэтапный процесс в конечном итоге обеспечит, как минимум, уход от «экологического апокалипсиса» в долгосрочной перспективе. При оптимистическом сценарии он приведет к окончанию периода длительного и жесткого антагонизма между двумя «эко» – экономикой и экологией, ставшего порождением, прежде всего, индустриального и гуманитарно трагического XX века, когда было «не до экологии». Наступающее постиндустриальное время и связанные с ним наблюдаемые социально-экономические и экологические тренды дают шанс преодолеть опасную для планеты и человечества эпоху.

Библиографический список

1. Гофман К.Г., Федоренко Н.П. Экономическая защита природы // Коммунист. – 1989. – № 5 – С. 12–18 .
2. Капица С.П. Глобальная демографическая революция и будущее человечества // Новая и новейшая история. – 2004. – № 4. – С. 5–17.
3. Сакайя Т. Стоимость, создаваемая знанием, или история будущего / Новая постиндустриальная волна на Западе. Под ред. В.Л. Иноземцева. – М.: Академия, 1999. – С. 337–371.
4. Шупер В.А. Инновационное развитие в свете евразийской концепции Л.Н. Гумилева // Политическая концептология. – 2012. – № 4. – С. 123–130.
5. Bell D. The Coming of Post-Industrial Society: A Venture in Social Forecasting. – New York: Harper Colophon Books, 1974.
6. Kuznets S. Economic growth and income inequality // Am. Econ. Rev. –1955. – 49. – P. 1–28.
7. Simon J. The Ultimate Resource 2. Princeton University Press, 1996.

Тархов С.А. (Москва)

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ: ЕЕ СУЩНОСТЬ, ПРЕДМЕТ ИЗУЧЕНИЯ И МЕТОДЫ

Tarkhov S.A.

HUMAN GEOGRAPHY: ITS NATURE, SUBJECT, AND METHODOLOGY

Аннотация. *Предметом изучения социально-экономической географии является территориальная структура хозяйства и расселения. Главными ее принципами являются комплексность изучения в сочетании с использованием пространственного анализа социально-экономических явлений на земной поверхности. К основным методам социально-экономической географии относятся анализ пространственной дифференциации этих явлений, их сравнительно-географический анализ, типизация, районирование, зонирование, социально-экономическая картометрия и картография, пространственно-статистический анализ, анализ пространственного распространения нововведений и социально-экономического освоения территории.*

Abstract. *Subjects of human (i.e. social and economic) geography is spatial arrangement of human being and spatial structure of economy and settlement systems. Complexity and spatial analysis are two main pillars of this discipline. Principal methods of human geography are the analysis of spatial differentiation, comparative analysis, spatial classification (typezation), regionalization, zoning, cartometry, spatial statistics, spatial analysis of innovation's diffusion.*

Ключевые слова: *социально-экономическая география, предмет изучения социально-экономической географии, методы социально-экономической географии.*

Keywords: *socio-economic geography, the subject matter of socio-economic geography, methods of social and economic geography.*

За 40 лет моей экономгеографической карьеры под влиянием исследований, проводившихся моими коллегами и мною, большого числа публикаций и книг, благодаря участию в многочисленных научных конференциях и заседаниях у меня сложились собственные представления о сути нашей науки, сформировались четкие критерии того, что является и что не является экономгеографическим. Наступил такой момент в моей жизни, когда я должен поделиться с коллегами своими взглядами на то, как я представляю себе нашу науку.

Наша наука – важный раздел географии, изучающий пространственную дифференциацию (различия от места к месту) всех видов жизнедеятельности человека и особенности размещения самого человека по поверхности Земли. В зарубежной географии ее называют более ёмким по содержанию термином «география человека». В отечественной науке (в частности В.М. Гохманом) был предложен термин-аналог – «общественная география», который, однако, так и не прижился, хотя иногда используется некоторыми экономико-географами.

Распределение людей и их деятельности на земной поверхности изучается экономико-географами комплексно: рассматриваются все стороны и аспекты жизни людей – культурные, социальные, политические, экономические, экологические.

Социально-экономическая география изучает дифференциацию социально-экономического пространства, т.е. территориальные и региональные различия в сочетании объектов природы, хозяйства и людей. Проще говоря, их размещение.

Главным ***теоретическим объектом*** изучения социально-экономической географии являются ***территориальные системы человеческой деятельности и самих людей***, которые часто называют общественными (или в более упрощенной форме – социально-экономическими, что не совсем правильно) территориальными (пространственными) системами. Эти последние слагаются из «овеществленных» (материальных) объектов (т.е. артефактов) и «ментальных» объектов (ментифактов). Их можно разделить на простые (элементарные), отраслевые (функциональные) и комплексные (системные) объекты. Основными комплексными объектами социально-экономической географии являются страны, регионы (части больших стран или группа нескольких небольших стран), большие города, городские агломерации, районы (сегменты территории, выделенные по конкретным признакам); отраслевыми объектами – территориальные

(пространственные) системы отдельных видов социальной, культурной, политической, экономической деятельности людей; простыми – элементарные объекты, точечно или линейно выраженные на территории (отдельные с.-х. или промышленные предприятия, дороги, каналы, аэропорты, сооружения, комплексы построек, поселения, курорты и т.д.). Эти объекты социально-экономической географии (простые, отраслевые, комплексные) имеют разные пространственные размеры – от мира в целом до отдельного города или даже села. Поэтому изучение может проводиться на разных территориальных уровнях (или как говорят экономико-географы – «уровнях масштаба»): глобальном (мир в целом), макроуровне (континент, часть света или группа нескольких стран), мезоуровне (на уровне страны среднего размера или региона крупной по площади страны) и микроуровне (на уровне отдельного административного или сельского района, города или отдельного поселения).

Основным ***предметом изучения*** социально-экономической географии является ***пространственное устройство территориальных систем*** жизни и деятельности людей. Используя более строгий научный язык, предметом социально-экономической географии является пространственная организация жизнедеятельности человека, которая включает в себя пространственные структуры (конфигурации) процессов и результатов этой деятельности, принципы пространственной самоорганизации (так как людей очень много, то и их деятельность и ее результаты (хотя и детерминируются социальными, экономическими, культурными, политическими законами и принципами), тем не менее, пространственно неуправляемы, в какой-то мере хаотичны; такие сложные системы обычно самоорганизуются по внутренним принципам устройства сложных систем). В советской социально-экономической географии использовался термин «территориальная организация», который подразумевал плановое территориальное взаиморазмещение и директивное территориальное управление этим размещением.

Ключевыми понятиями социально-экономической географии являются экономико-географическое положение; размещение; географическое разделение труда; экономические, социальные и культурные районы; культурный ландшафт; расселение, территориальная структура хозяйства; полюса роста; центр и периферия; культурное и хозяйственное освоение территории.

Главным предметом ее изучения является ***территориальная структура хозяйства и расселения***. Территориальная структура – совокупность трех морфолого-функциональных подсистем:

1) сеть социально-экономических центров, очагов и ядер экономической освоенности (точечные элементы территориальной структуры);

2) каркас социально-экономических и политических осей и линий, по которым осуществляется взаимодействие между центрами и ареалами («кровеносные» и «нервные» каналы; линейные или сетевые элементы территориальной структуры);

3) социально-экономические ареалы или хозяйственные местности (площадные элементы территориальной структуры), которые представляют собой «хозяйственную ткань территории».

Территориальная структура, пожалуй, – самое главное понятие. Это – пространственное строение, разделение территории на части с различным географическим обликом, их взаиморасположение и способ сочленения.

В территориальной структуре противоборствуют два разнонаправленных процесса – 1) стремление к равномерному охвату территории и 2) концентрация в узлах, ядрах и вдоль осей развития. Их диалектика и определяет географический портрет страны или региона, то есть морфологию ее территориальной структуры. Территориальная структура включает в себя опорный каркас – сети узлов (обычно это большие города, являющиеся фокусами территориального развития) и линий (транспортных магистралей – инструментов экономического сжатия пространства). В своем развитии для территориальной структуры характерны разнонаправленные процессы: устойчивость, изменчивость, целостность, инерционность развития, надежность. Большое пространство является одновременно ресурсом и тормозом регионального развития. Территориальная структура может быть гармоничной, деформированной, сжатой, равномерной, несовершенной.

Особенностью социально-экономической географии является «двухэтажный» слой из-

учаемых ею объектов. Ею используется первичная информация об отдельных элементах человеческой деятельности на земной поверхности (она черпается из множества смежных научных дисциплин, справочников, Интернета, карт), которая потом обобщается, поскольку ее собственные объекты исследования – общественные (социально-экономические) территориальные системы – сложнее и слагаются из этих элементов. Таким образом, социально-экономическая география извлекает необходимую первичную информацию, преобразует ее в виде информации о своих собственных территориальных системах, а затем уже анализирует устройство, закономерности формирования и развития этих систем. Например, чтобы провести географическое изучение какой-либо страны или региона, необходимо собрать информацию о природе, населении, обо всех городах, видах хозяйственной деятельности (сельском и лесном хозяйстве, промышленности, транспорте, услугах), политическом устройстве, особенностях культуры жителей страны или региона, истории их развития. Затем эта информация привязывается к территории (точкам, линиям, ареалам), т.е. проводится анализ размещения объектов каждого типа (вида). Следующая стадия уже собственно экономико-географического анализа состоит в выявлении в этой сложной картине размещения всех этих объектов и явлений генерализованной территориальной структуры, т.е. каркасного «рисунка» размещения всех совокупностей этих объектов. Выявление и дальнейший анализ территориальной структуры изучаемых социальных, политических, культурных, экономических явлений и процессов может сделать только экономико-географ. В этом и состоит суть нашей науки.

Главными принципами изучения являются ***комплексность*** (поиск и анализ взаимосвязей между частями и элементами территориальных систем) и ***пространственный анализ*** (изучение особенностей пространственного устройства (пространственной структуры) социально-экономических территориальных систем, или, проще говоря, пространственных особенностей соразмещения объектов, изучаемых социально-экономической географией). Если комплексность предполагает изучение функциональных особенностей формирования и развития общественных территориальных систем, роли каждого объекта в функционировании всей территориальной системы, их функционального взаимодействия; то пространственный анализ – это изучение пространственной «геометрии» («рисунка») каждой территориальной системы, т.е. внутренней и внешней ее формы (конфигурации). В сочетании этих двух принципов изучения своих объектов и заключается суть социально-экономической географии. Этим она и отличается от смежных дисциплин: региональной экономики, региональной социологии, региональной политологии, региональной культурологии.

Основными методами социально-экономической географии являются:

1) обнаружение и анализ существующих территориальных различий между ее объектами (выявление территориальной дифференциации экономических, социальных и политических явлений) и региональных диспропорций в их размещении;

2) сравнительно-географический анализ разных «отраслевых» территориальных систем, районов, территорий, стран;

3) типология (типизация) и классификация изучаемых объектов и территориальных систем (стран, районов, городов);

4) районирование (пространственная классификация) – выделение частей территории, различающихся по определенным признакам друг от друга; такие части территории называются районами; его разновидностями являются социально-экономическое, культурно-географическое и другие виды районирования;

5) зонирование – выделение полос вдоль каких-либо социальных, культурных, экономических, политических линий и границ или очагов или концентрических зон вокруг социальных, культурных, экономических и политических центров;

6) социально-экономическое картографирование – составление карт, отображающих территориальное распределение конкретных объектов, изучаемых социально-экономической географией;

7) социально-экономическая картометрия, т.е. измерение и количественная оценка особенностей размещения этих объектов по картам и космическим снимкам, и картографический анализ такого размещения;

8) пространственный анализ размещения социальных, политических и экономических явлений: выделение границ, центра

и периферии в территориальной системе по конкретному признаку; выделение опорного каркаса и территориальной структуры; при этом используются различные количественные методы, в т.ч. центрографический;

9) анализ пространственных процессов распространения нововведений (диффузии инноваций);

10) изучение процессов социально-экономического освоения территории, определение зон и очагов культурно-хозяйственной освоенности территории и оценка уровня такой освоенности.

Главной отличительной особенностью социально-экономической географии от социальных, экономических наук, политологии, культурологии и др. смежных дисциплин (т.е. главным предметом изучения) является ***анализ пространственной самоорганизации*** изучаемых ею объектов и территориальных систем. Главное, что ищет экономико-географ, это закономерности пространственного распределения объектов и явлений, их пространственного взаимодействия друг с другом, факторов и причин формирования именно таких пространственных (территориальных) структур.

К главным пространственным закономерностям размещения социально-экономических, культурных, политических явлений и объектов относятся: пространственная концентрация и деконцентрация, пространственное агломерирование, территориальная дифференциация, пространственная поляризация, неравномерность территориального распределения, пространственные асимметрия и эксцентриситет, типы пространственной диффузии, пространственная зональность и азональность, территориальная интеграция и дезинтеграция, пространственные градиенты распространения (или распределения) изучаемых явлений и объектов, пространственная мозаичность.

Структура социально-экономической географии. Социально-экономическая география в широком смысле слова (иногда для краткости ее называют просто экономической географией, что не совсем верно, поскольку последняя изучает только размещение хозяйственной деятельности человека, т.е. размещение экономики) по типам изучаемых ею объектов делится на следующие разделы:

1) географическое страноведение (комплексное изучение стран) и регионоведение (комплексное изучение регионов, в т.ч. макрорегионов и частей стран);

2) география городов (или «геоурбанистика») – комплексное географическое изучение отдельных городов, анализ их внутренней микрогеографии, особенностей размещения отдельных городов и сети городов;

3) география населения изучает пространственные особенности расселения людей по поверхности Земли (формы и типы расселения), а также территориальных общностей людей, в т.ч. демографические и этнические особенности и различия от места к месту, направления и размеры миграций;

4) социальная география изучает пространственную дифференциацию социальных условий жизни людей, территориальные различия в социальном расслоении общества, пространственную сегрегацию разных слоев общества, географию образа жизни людей, географию преступности;

5) география культуры (или культурная география) изучает пространственную организацию культуры в самом широком смысле, пространственные особенности размещения культурных артефактов и ментифактов по земной поверхности; этнические, религиозные и языковые различия от места к месту; локальные и региональные типы культуры;

6) историческая география изучает временные закономерности формирования и развития социально-экономических, культурных и политических территориальных систем;

7) политическая география изучает территориальную дифференциацию в государственном устройстве стран, географию выборов и административно-территориального деления;

8) география хозяйства (т.е. «экономическая география» в узком смысле) изучает особенности размещения отдельных видов хозяйственной деятельности человека – первичных, вторичных, третичных и четвертичных, т.е. собирательство, сельское и лесное хозяйство, промышленность, оказание всех видов услуг, инфраструктуру, транспорт;

9) география природопользования изучает территориальную организацию использования природных ресурсов Земли в хозяйственной и иных видах деятельности человека;

10) география туризма изучает территориальные рекреационные системы, пространственную структуру сети туристских центров и сети курортов, сети туристских маршрутов и туристских потоков.

В последние десятилетия внутри социально-экономической географии сформировались новые направления исследований – поведенческая география, гуманитарная география, гуманистическая география, география благополучия и неравенства, география развития, феминистическая география, география образа жизни, теоретическая география (раздел географии, изучающий общие пространственные закономерности распределения географических объектов (как природных, так и общественных) и эволюции геосистем).

Чубаров И.Г. (Москва)

ИССЛЕДОВАНИЯ ГЛОБАЛЬНЫХ ГОРОДОВ В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ

Chubarov I.G.

STUDY OF GLOBAL CITIES IN RUSSIA AND ABROAD

Аннотация. *В статье анализируются новейшие тенденции в развитии теории и практики исследования глобальных городов за рубежом, а также приводится обзор основных российских исследований по данной проблематике за последнее десятилетие.*

Abstract. *This article analyzes the latest trends in the development of the theory and practice of research on global cities abroad, as well as an overview of the main Russian research on the subject over the past decade.*

Ключевые слова: *глобальный город, тенденции исследований глобальных городов, Россия и зарубежные страны.*

Keywords: *global city, research trends of global cities, Russian and foreign countries.*

1. Новейшие тенденции в зарубежных исследованиях глобальных городов

Исследования пространственно аспекта глобализации являются одним из важных направлений современной глобалистики. Несмотря на то, что исследования глобализации как системного явления начались ещё в 1970-х годах (Ф. Бродель, И. Валлерстайн и др.), эмпирический анализ территориальной компоненты происходящих в мировой экономике изменений начался относительно поздно, и в первую очередь связан с именами таких исследователей, как П. Дикен и С. Сассен[1]. Если П. Дикен в своём главном труде «Global Shift» основное внимание сосредоточил на анализе географической структуры и динамики производственных цепочек ТНК, то С. Сассен подошла к проблеме со стороны урбанистики и экономики городов (развитие теории подробно изложено в работах Н.А. Слуки[2]). В 1991 г. ею был введен термин «глобальный город», обозначающий качественно новое функциональное состояние ряда важнейших мегаполисов на планете, а именно Лондона, Нью-Йорка и Токио. Во втором издании (2001 г.) С.Сассен существенно дополнила свои теоретические положения, сместив акцент на сетевой характер явления (не отдельные глобальные города, а их сеть планетарного масштаба). Деятельность международных фирм, предоставляющих сложные аутсорсинговые услуги крупнейшим мировым ТНК, делает в разной степени глобальными все города на планете. Последнее десятилетие отмечено появлением и активной работой международной исследовательской группы GaWC (руководитель П. Тейлор), которая представила рейтинг городов на основе тезисов С.Сассен (филиальная сеть международных консалтинговых, страховых, бухгалтерских, юридических и других фирм)[3]. Таким образом, был эмпирически верифицирован ключевой переход от понимания глобального города как уникального и единичного явления к его трактовке как множественного и типичного, при этом имеющего определенную географическую макроструктуру и иерархию.

Несмотря на общепризнанный статус работ С.Сассен и группы GaWC, их теоре-

тические построения не раз подвергались критике, и являются далеко не единственными практическими попытками выделения и анализа сети мировых городов. Основной причиной многообразия подходов является острый недостаток статистической информации по межгородским связям. В силу этого все эмпирические подходы можно разделить на две группы по характеру косвенных показателей-субститутов, которые используются[4]. Первый посыл заключается в том, что связи между ключевыми городами в основном осуществляются и реализуются через деятельность международных коммерческих компаний, поэтому изучение территориальных закономерностей их деятельности позволяет раскрыть и пространственную иерархию глобальных городов. Во втором случае с этой же целью используются показатели инфраструктурного характера.

В рамках **корпоративного подхода** основной тенденцией последних лет является появление значительного исследований, использующих математическую модель, созданную группой GaWC, которая позволяет выстроить иерархию городов и отслеживать изменения полученной сети городов во времени[5]. К примеру, С. Крэтке применил её для анализа сетей 120 промышленных ТНК из отраслей автомобилестроения, электроники и фармацевтики чтобы показать, каким образом промышленное производство через цепочки добавленной стоимости формирует связи между городами внутри урбанистической системы [6]. В результате была построена собственная иерархия «мировых промышленных городов». Сравнивая полученные результаты с рейтингом GaWC, можно выявить, что города по-разному участвуют в современной глобализации: не все сервисные центры могут похвастаться концентрацией промышленных фирм, и наоборот. В другом случае датские ученые с использование модели GaWC выделили сеть «глобальных научных городов» со своими ядром и периферией[7]. Научный потенциал каждого из городов слагался из показателей расположенных в нём научных организаций. Для их оценки использовались валовые показатели (число научных публикаций и их уровень цитируемости) и параметры связности («междугороднее» научное соавторство, пространственное распределение цитируемости статей из определенного города, корреляция тематики научных статей между городами).

Другое плодотворное применение методологии GaWC в своей статье демонстрируют М. Хойлер и А. Уотсон[8], выделившие глобальные «медийные» города (продолжение работ С. Крэтке и П. Тэйлора [9,10], и Е. Бренды[11]) на основе данных о филиальных сетях медиа-корпораций (область их деятельности это производство и продажа музыки, телесериалов, кинофильмов и компьютерных игр, выпуск печатных и интернет-изданий и др.). Данные о филиальных сетях 24 медиакорпораций (крупнейшие из них это французская корпорация «Вивенди» и американские «Уолт Дисней» и «Тайм Уорнер») в 526 городах на первые места в рейтинге вывели Нью-Йорк, Лондон, и, с большим отрывом, Париж, Сингапур и Сидней. Сравнение с рейтингом GaWC показало, что часть городов занимает значительно более сильные позиции в медийной среде, чем в отрасли деловых услуг (Лос-Анджелес, Амстердам, Вашингтон, Сан-Франциско, Стокгольм, Варшава, Буэнос-Айрес), а часть, наоборот (Шанхай, Пекин, Гонконг, Дубаи). Кроме того, расчёты позволили идентифицировать 6 различных моделей присутствия медиагрупп в глобальных городах.

Альтернативная математическая модель используется в серии исследований, анализирующих данные о филиальных сетях ведущих мировых ТНК вне зависимости от области их деятельности[12]. Данные по 500 компаниям и более чем 6300 городам на три временные точки: 1981 г., 2000 г. и 2007 г. подтверждают гипотезу об усилении поляризации внутри городской сети.

Инфраструктурный подход оперирует статистическими данными из двух областей – транспорта и связи (телекоммуникаций). Авторы исходят из того, что закономерности пространственных связей физических носителей, занимающихся перемещением людей и информации между городами повторяют пространственные закономерности самих этих связей. Наиболее распространенным является использование статистики по пассажирообороту международных авиаперевозок, в т.ч. показателей загруженности отдельных направлений и авиаузлов. Несмотря на наличие определенного числа недостатков (крупный городской аэропорт почти всегда обслуживает не только сам город, но значительно более обширный регион, значительная часть

пассажиропотока составляют туристы, трудности с учетом пересадочных перелетов) этот подход получил широкое распространение[13, 14, 15, 16]. В наиболее серьёзной работе с применением этой методологии была построена модель и рассмотрена динамика центральности в сети мировых городов на основе статистики международных перелётов между более чем 200 городов за 1977 г., 1995 г. и 2005 г.[17]. Вынос промышленного производства из стран центра вызывает оживление авиаперевозок в городах полу-периферии и улучшает их положение в мировой сети, что фиксируется заметной тенденцией улучшения позиций части городов из полу-периферии. Статистика по продолжительности междугородних телефонных звонков использовалась ещё два десятилетия назад для выявления связей между азиатскими городами[18]. Современные исследования для измерения связности внутри городской иерархии пользуются данными о развитии сети Интернет (объём трафика, количество операторов на междугородней линии)[19, 20].

Исследование на стыке корпоративного и инфраструктурного подходов было проведено нидерландскими учеными[21]. Они обратили внимание на то, что одним из главных проявлений экономической глобализации является рост физических объёмов мировой торговли, в т.ч. через процессы контейнеризации и палетизации морских грузовых перевозок. В силу этого имеет смысл говорить о «глобальных морских городах», которые обретают свою значимость именно как центры грузовых товарных потоков. Анализ данных по 75 судоходным компаниями и 19 портовым логистическим операторам позволил поострить иерархию, на вершине которой расположились Гонконг, Гамбург и Нью-Йорк, чуть ниже Сингапур, Шанхай, Токио, Нью-Йорк, Бангкок и Лондон. Списочный состав «глобальных морских городов» в значительной степени совпадает с городами рейтинга GaWC. Помимо этого, четко выделяются три группы городов: крупнейших морских портов и одновременно важных управленческих центров морской индустрии (Гонконг, Сингапур, Шанхай, Гамбург); среднего размера порты, но при этом важные центры управления (Лондон, Нью-Йорк, Бангкок); крупные порты, но не принадлежащие к центрам принятия решений в отрасли (Шэньчжэнь, Пусан, Гаосюн).

Особняком стоит исследование, выполненное Р. Хиллом и Дж. Кимом, которые на основе собранных данных выделили два серьёзно различающихся между собой типа мировых городов (табл. 1): рыночно-ориентированный и государственно-бюрократический[22]. Эта методология была успешно апробирована на материале Тайбэя и Шанхая и представляет одно из перспективных направлений исследований[23, 24].

Другой характерной тенденцией последних лет в изучении мировых городов стал её выход из чисто академического в общественное и медийное пространство, о чём свидетельствует появление значительного числа разнообразных рейтингов глобальности городов. По всей видимости, вдохновленные успехом и признанием рейтинга от GaWC, уже несколько исследовательских команд из разных стран на регулярной основе занимаются ранжированием городов по собственным методикам. Их количество и достаточная однотипность подходов стали уже сами по себе феноменом в урбанистических исследованиях (табл. 2). Базовый подход таких рейтингов заключается в выборе нескольких (от 4 до 10) областей, ключевых для значимости города на мировой арене, а затем подбор конкретных показателей для оценки города в этой сфере. Рейтинги схожи максимально широким подходом (экономика, финансы, политика, экология, культура) и безусловным доминированием Нью-Йорка, Лондона, Парижа и Токио на вершине иерархии.

В 2010 г. глобально-городской проблематике был посвящен специальный выпуск авторитетного международного научного журнала «Urban Studies». В открывающей его статье авторы в некотором роде подытожили развитие теории и практики в этой области[25]. Отмечается широкое разнообразие используемых научных подходов, которые делает невозможным прямое сопоставление получаемых результатов и фиксируется тенденция на появление всё большего числа работ, переходящих от описательного (ранжирование, картографирование) на более высокий аналитический уровень, выдвигающих свои теории и методы для объяснения возникновения и трансформации сети мировых городов. Кроме того, отмечается, что появляются исследования, направленные на анализ ситуации в полу-периферии и даже периферии, в фокус попадает влияние глобализации на

Таблица 1

Два типа мировых городов

	Рыночно-ориентрованый (буржуазый) мировой город	Государственно-ориентированный (управленческо-бюрократический) мировой город
Прототип	Нью-Йорк, Лондон	Токио, Сеул
Региональная база	Западная Атлантика	АТР
Ведущие социальные группы	Класс международных предпринимателей	Государственная бюрократическая элита
Ведущие организации	Финансовые ТНК и вертикально-интегрированные фирмы	Министерства, тесно связанные с бизнесом через основные банки
Экономическая идеология	Либерализм Саморегулирующийся рынок	Девелопментализм Стратегические национальные интересы
Основные цели	Обогащение частных лиц Максимизация прибыли	Национальное могущество Максимизация занятости
Способность к глобальному контролю через	частные фирмы, предоставляющие услуги производителям по всему миру	министерства, государственные корпорации, политические сети
Структура занятости (социальная и пространственная)	Поляризация Отсутствие среднего (класса) Сильное неравенство Высокая степень сегрегации	Концентрация Отсутствие экстремумов Слабое неравенство Низкая степень сегрегации
Иммиграция	Слабый контроль Высокий уровень	Сильный контроль Низкий уровень
Источники городских конфликтов	Спекулятивные доходы, погоня за краткосрочной выгодой Рыночная нестабильность Поляризация	Государственный контроль над капиталом Зарегулированность Централизация
Сравнительные преимущества	Гибкость Мобильность	Стабильность Планируемость

Составлено по: [23].

Таблица 2

Характеристики основных рейтингов глобальных городов

Наименование рейтинга	Года выпусков	Число рассмотренных городов	Число групп показателей	Число использованных показателей	Первая пятерка (от 1 до 5)
Global Cities Index (A.T. Kearney)[1]	2008, 2010, 2012	66	5	24	Н-Й, Л, П, Т, ГК
Global Power City Index (Mori Foundation)[2]	2008–2012	40	6	70	Л, Н-Й, П, Т, Синг.
Global Cities Index (Knight Frank)[3]	2008–2011	40	4	~25	Н-Й, Л, П, Т, Бр.
Global City Competitiveness Index (The Economist)[4]	2012	120	8	31	Н-Й, Л, Синг., ГК, П.
Cities of Opportunities (PWC)[5]	2011, 2012	27	10	60	Н-Й, Л, Тор., П., Сток.

Примечания:
[1] 2012 Global Cities Index and Emerging Cities Outlook // A.T. Kearney, Inc. – 2012.
[2] Global Power City Index 2012 // Institute for Urban Strategies, The Mori Memorial Foundation. – 2012.
[3] The Wealth Report 2011 // Knight Frank. Citigroup. – 2012. – P. 18
[4] Hot Spots. Benchmarking global city competitiveness. 2012 // The Economist Intelligence Unit Ltd. – 2012.
[5] Cities of Opportunity 2012 // PWC, Partnership for New York City. – 2012.

уровень мирового неравенства и роль, которую играют в этом мировые города.

Отдельно следует остановиться на достаточно часто возникающем вопросе о соотношении понятий «глобальный город» (global city) и «мировой город» (world city). Само понятие зародилось и наиболее активно изучается на Западе. На первом этапе (1960–1980 гг.) речь шла исключительно о «мировых городах» и этот термин, в целом, до сих пор преобладает в академических исследованиях (в частности, группа GaWC и ведущий

журнал Urban Studies). Хотя в 1990-х С. Сассен намеренно ввела в научный оборот новый термин «глобальный город», в последующих работах зарубежного академического сообщества по этой тематике не прослеживается четкой дифференциации. Более того, дополнительно в оборот были введены такие выражения, как «глобализирующийся город» (globalising city), «глобализированный город» (globalised city) «глобальный городской регион» (global city region) и др. Однако все они отражают концепцию «городов, важных в контексте экономической глобализации»[1]. В настоящее время термин «глобальный город» занимает доминирующее положение в СМИ и популярной литературе, в т.ч. упомянутых рейтингах глобальности.

В русскоязычной литературе сложилась принципиально иная картина. В качестве основного используется термин «глобальный город», а «мировой город» трактуется как «центр, достигший высокой ступени в городской иерархии и сыгравший большую роль в развитии человеческой цивилизации»[3]. Таким образом, «мировой город» это понятие историко-философского ряда, а «глобальный город» – сложный объект междисциплинарного изучения на современном этапе. Автор считает нужным придерживать российской терминологической традиции и отдаёт приоритет термину «глобальный город».

2. Российские исследования глобальных городов

В России исследования в рамках глобально-городской проблематики в основном связаны с именем Н.А. Слуки (географический факультет МГУ), проделавшего большую работу по популяризации этого научного направления. В вышедшей в 2005 г. монографии впервые в отечественной науке были систематически изложены основные положения теории мировых городов и прослежена эволюция мирового хозяйства по мере развертывания глобализационных процессов[26,27,28]. Использование большого объёма статистических материалов позволило автору создать полноценную и непротиворечивую модель мирового хозяйства, основанную на доминирующей роли глобальных городов. Концепция «арен коллективного действия» (по И. Валлерстайну это политическая, экономическая и социокультурная) помогла разделить единое явление на крупные логические блоки, и раскрыть роль глобальных городов как геополитических, управляющих, индустриальных, сервисных, коммуникационных и культурных центров современного мирового хозяйства. Была выделена четверка ведущих глобальных центров – городов с максимальным уровнем глобального влияния, элиты городского сообщества (Нью-Йорк, Лондон, Токио и Париж). По его же инициативе впервые на русском языке были опубликованы ключевые работы С.Сассен[29] и П.Тейлора по методике GaWC[30].

В дальнейшем российские экономико-географы и ученые-глобалисты восприняли новый теоретический подход и соответствующий методологический инструментарий, что привело к появлению исследований по широкому кругу вопросов, которые можно сгруппировать по нескольким направлениям.

Во-первых, это исследования сети глобальных городов в какой-то одной функциональной «проекции», например, демографической[31,32], финансовой[33,34], туристической[35,36], с точки зрения международных отношений[37, 38] и мировой политики[39,40], авиатранспорта[41,42], культурологии[43] и архитектуры[44]. Такие работы направлены на уточнение параметров выделения глобальных городов, выявление новейших тенденций в определённых сферах, тесно связанных с процессом глобализации.

Во вторую группу входят работы, посвященные комплексному исследованию отдельных городов, таких, как Лондон [9,45,46], Франкфурт-на-Майне[47], Штутгарт[48], Шанхай[49,50], Гонконг[51], Киев[52], Токио[53,54], Нью-Йорк[55]. Особую важность, безусловно, представляют работы, посвященные российским глобальным городам, в частности, Москве. Начало исследований Москвы как глобального города было положено рядом зарубежных либо совместных с географами ИГ РАН (О.И. Вендина, О.В. Грицай, В.А. Колосов) работ, выполненных в начале 2000-х гг[56,57]. Характерен акцент на анализе специфических форм перехода городской экономики от плана к рынку, развития новых капиталистических форм хозяйствования, реорганизации пространства города в связи с изменившимися экономическими и политическими реалиями[58]. Всестороннее приложение к Москве критериев глобальности показало что город сопоставим с мировыми лидерами по демографическому и трудовому потенциалу,

но в целом относится к категории формирующихся, при этом являясь доминирующим центром национального уровня[59,60,61]. Препятствием для успешного (равноправного и взаимовыгодного) включения города в мировую сеть, помимо качества управленческих решений последних десятилетий, становится не доведенный до конца процесс деиндустриализации города[62]. Место глобального города Москвы было проанализировано в российском историко-политологическом[63] и архитектурно-градостроительном[64] контексте. Благодаря проведению с 2011 г. Московского урбанистического форума к дискуссии о месте и перспективах российской столицы на глобальной сцене подключились и авторитетные зарубежные специалисты[65]. Наиболее конкурентоспособной стороной глобального развития Санкт-Петербурга является его культурная компонента[66].

В третью категорию можно выделить работы, посвященные географическим особенностям глобальной городской сети в отдельных макрорегионах или странах. К примеру, весьма успешно с геоэкономических позиций было проанализировано положение городов Латинской Америки[67]. Среди прочего, в работе констатируется важность столичного статуса для развития международных функций для городов развивающихся стран, а некоторые города региона уже вполне заслуживают статуса «глобального». Анализ истории и современного распределения сил в сети немецких глобальных городов показал важность грамотного выстраивания кооперации и специализации внутри урбанистической сети[68]. Пример Германии, развитой страны с большим количеством мировых городов (автор выделяет пять – Франкфурт-на-Майне, Дюссельдорф, Мюнхен, Гамбург и Берлин) показателен с точки зрения, и релевантен для таких полицентрических стран как КНР и США. Характерными чертами Азиатско-Тихоокеанской географической подсистемы являются, во-первых, явное доминирование Токио, во-вторых, многочисленность и быстрая динамика его главных конкурентов – Сингапура и Гонконга[25,69]. Анализ показывает и высокую скорость встраивания в сеть китайских городов, в первую очередь Шанхая и Пекина, постепенный их выход на лидирующие позиции по ряду важных показателей[70].

Анализ городской сети России показал, что третьим российским городом, имеющем предпосылки для выхода на глобальную арену, является Екатеринбург[71]. С точки зрения развития «культурной индустрии крупнейшие города Сибири – Новосибирск, Омск и Иркутск – имеют некоторые шансы в средне- и долгосрочной перспективе добиться усиления своих позиций в транснациональной урбанистической сети[72]. В середине 2000-х коллектив авторов под руководством проф. В.М. Сергеева, опираясь на сетевую трактовку глобализации, исследовал взаимодействие «ворот» (городов) и «хор» (хинтерландов) на протяжении российской истории и в настоящее время[73]. Авторы классифицировали Москву как «глобальные квази-ворота», также были исследованы сценарии развития московского макрорегиона[74].

В отдельную, четвертую группу можно выделить собственные теоретические исследования, выполненные российскими учеными. А.В. Курасов в своей диссертационной работе[47] провел подробный разбор и критический анализ методологии выделения сети глобальных городов, применяемой GaWC. В качестве альтернативы был разработан и успешно апробирован на европейском материале оригинальный (более широкий) набор показателей для оценки положения города в городской сети. Интересен предложенный автором индекс глобальности крупных городов, который отражает меру относительного внутреннего развития глобальных городов на фоне крупных очагов урбанизации в каждой стране. Выделение различных групп стран в зависимости от значения индекса позволило эмпирически подтвердить тезис о «крупногородском» развитии как важной предпосылке «глобально-городского».

Н.А. Слука в своей второй монографии, посвященной глобальным городам, обобщил и существенно развил основные положения зарубежной теории глобальных городов[37]. Подлинным новаторством в исследованиях глобальных городов является успешно применённый им антропоцентрический подход. Автор справедливо замечает, говоря о господствующих методологических взглядах: «… чрезмерная увлеченность большинства западных ученых изучением всевозможных аспектов развития ведущих мегаполисов мира … оставляет за кадром вопрос о конкретном созидателе и исполнителе коллективных действий» (стр. 39). Вместо этого в качестве стержневого предлагается подход,

основанный на категориях геодемографии – научного направления, возникшего в рамках отраслевых дисциплин социально-экономической демографии. Доказывается, что «помещение в центр исследования населения и именно с таких позиций раскрытие закономерностей и особенностей формирования глобальных мегаполисов – путь к пониманию и предсказанию трансформации всей мировой урбанистической системы».

Для практического воплощения этого подхода используется понятие геодемографической системы (ГДС), которые было предложено Г.М. Федоровым на основе оригинальных разработок отечественной географии населения 1970–80 гг. ГДС – это «совокупность связей демографических процессов с социально-экономическими факторами определенной территории» (стр. 57), она относится к наиболее сложному классу материальных систем «природа–хозяйство–население». Рассмотрение глобальных городов именно в качестве геодемографических суперсистем и применение к ним соответствующих подходов существенно обогатило теоретико-методологический багаж науки о городах, позволила на новой основе установить тенденции и закономерности развития объективно существующей сети мировых городов.

Во-первых, главной особенностью глобальных городов является зависимость механизмов их саморазвития от внешнего воздействия.

Во-вторых, в таких городах происходит унификация трендов в развитии социально-экономических структур населения, осуществляется «единый сценарий» перестройки рынка труда, изменений в отраслевой структуре, углубления социально стратификации и др.

В-третьих, четко различаются глобальные города с «открытым» (Париж, Нью-Йорк, Лондон) и «закрытым» (Токио) вариант формирования ГДС в зависимости от уровня интеграции в глобальные людские поток. Представители первой группы во многом опровергает гипотезу о старении и сокращении естественного прироста в крупных городах, являют собой образец новейшего процесса «ревитализации» городских центров.

А.И. Трейвиш осмыслил формирование глобальных городов через призму страноведения и постиндустриальных тенденций, справедливо указав на схожесть подходов с разработанной ещё советской географией концепцией «опорного каркаса расселения»[75]. В.Л. Бабурин взглянул на мировые города (в понимании О. Шпенглера и Ф. Броделя) через призму эволюционной парадигмы, а именно через синергетический анализ волновой динамики и ритмики их внутренних и внешних структур[76]. Автор приходит к заключению, что «… мировые города, в рамках концепции многомерной ритмики, представляют собой множество полей различной природы, возраста и ритмического ряда, в которых постоянно происходят флуктуации и перестройки под воздействием инновационных процессов. Но общим рефреном их циклично-генетической динамики, дополняемой ритмическими рядами, является постоянное нарастание организованности, усиление значения целеполагающей и управленческой функции» (стр. 64). Основой их устойчивости является сверх-выгодное ЭГП, позволяющее проходить через точки бифуркации на новый уровень развития.

Н.В. Панкевич провела глубокий критический анализ перспектив становления глобального города в национальном государстве[77]. В современных реалиях для правительств многих стран перспектива создать на своей территории точку притяжения мировых политических и экономических коммуникаций представляется не просто желательным сценарием, но более того – одним из важнейших условий вхождения в мировое экономическое и культурное пространство и залог экономического роста. Однако парадигмы пространственного развития мирового города и национального государства с точки зрения автора фактически противоположны друг другу. Национальные государства ориентированы на концепцию перераспределения ресурсов между центром и периферией, сближения уровня развития территорий, нормализацию населения по уровню доходов и социальной защищенности. Глобальная сеть мегаполисов же функционирует в логике индивидуальной эффективности и конкурентоспособности. «В рамках сетевой модели… неравномерность и диспропорции, экстремальный разрыв между уровнями благосостояния в социальном и географическом отношении … не только вполне естественные, но и желательные». Поляризированный социальный и географический ландшафт

является результатом становления сетевых форм, а монополизация мегаполисами самых рентабельных секторов закрепляет и воспроизводит неравномерности территориального развития. В противоположность первоначальной идее о глобальном городе как «спасательном круге», который вытянет наверх всю остальную страну, на практике развитие суперцентров зачастую прямо пропорционально социально-экономическому упадку сопредельных территорий

Дополнительные риски заключается в том, что строгая иерархия сети стимулирует и облегчает отток людских и финансовых ресурсов из слабых узлов сети в более сильные, а по мере увеличения присутствия наднациональных акторов в экономике города процессы принятия общезначимых решений становятся всё менее прозрачными. Опыт западных городов показывает, что влияние корпоративных структур приводит к размыванию полномочий публичных демократических институтов. Автор резюмирует, что в силу различных причин «результат появления в национальном пространстве центра, включенного в мировую сеть, в политически слабом государстве предсказуем и оказывается прямо противоположным той задаче, которую он должен решать», а становление общенациональной сетевой платформы является более эффективной основой для участия в мировой политике, чем наличие единственного национального центра.

Само появление такого количества исследований по тематике конкурентоспособности городов в глобальном мире, безусловно, являет собой знак признания существенного повышения роли городов в мировом хозяйстве. Градоцентрическая модель мировой экономики, о которой говорили и писали многие ученые-географы и урбанисты, была воспринята на высоком уровне. Исследования на тему формирования глобальных городов являются крайне актуальным для отечественной социально-экономической географии в контексте острой необходимости переоценки и обновления её теоретического багажа под влиянием глобализации.[78] Представляется, что отечественная географическая наука также способна привнести немало интересных подходов и результатов в ход общемировой дискуссии.

Библиографический список

1 Jones A. Globalization: key thinkers. – Cambridge: Polity Press, 2010. – 264 P.
2 Слука Н.А. Градоцентрическая модель мирового хозяйства. – М., 2005 – 168 с.
3 GaWC – The World According to GaWC 2010. Mode of access: http://www.lboro.ac.uk/gawc/world2010t.html
4 Derudder, B. On Conceptual Confusion in Empirical Analyses of a Transnational Urban Network // Urban Studies. – L., 2006. – Vol. 43. – № 11. – P. 2027–2046.
5 Derudder B., Taylor P., Ni P., De Vos A., Hoyler M., Hanssens H., Bassens D., Huang J., Wiltox F., Shen W., Yang X. Pathways of Change: Shifting Connectivities in the World City Network, 2000-08 // Urban Studies. – L., 2010. – Vol 47. – № 9. – P. 1861–1877.
6 Kratke S. How Manufacturing Industries Connect Cities across the World: Extending Research on 'Multiple Globalisation' // GaWC Research Bulletin 391, 2011. – Mode of access: http://www.lboro.ac.uk/gawc/rb/rb394.html
7 Matthiessen C. W., Schwarz A. W., Find S.(2010) World cities of scientific knowledge: systems, networks and potential dynamics. An analysis based on bibliometric indicators // Urban Studies. – Vol. 47. – № 9. – P. 1879–1897.
8 Hoyler M., Watson A. (2013) Global Media Cities in Transnational Media Networks // Tijdschrift voor economische en sociale geografie. – 2013. – Vol. 104. – № 1. – P. 90–108.
9 Kratke S. Global Media Cities in a Worldwide Urban Network // European Planning Studies. – 2003. – Vol. 11. – № 6. – P. 605–628.
10 Kratke S and Taylor P.J. (2004) A World Geography of Global Media Cities // European Planning Studies. – 2004. – Vol.12. – № 4. – P. 459–477.
11 Yeoh B.S.A. The Global Cultural City? Spatial Imageneering and Politics in the (Multi)cultural Marketplaces of South-east Asia // Urban Studies. – L., 2005. – Vol. 42. – № 5/6. – P. 945–958.
12 Alderson A. S., Beckfeld J., Sprague-Jones J. Intercity relations and globalisation: the evolution of the global urban hierarchy // Urban Studies. – L., 2010. – Vol. 47. – № 9. – P. 1899–1923.
13 Smith D. A., Timberlake M. Hierarchies of dominance among world cities: a network approach // S. Sassen (Ed.) Global Networks, Linked Cities. – London: Routledge, 2002. – P. 117–141.
14 Derudder, B., Witlox, F. On the use of inadequate airline data in mappings of a global urban system // Journal of Air Transport Management. – 2005. – № 11. – P. 231–237.
15 Pirie G. Trajectories of North–South city inter-relations: Johannesburg and Cape Town, 1994–2007 // Urban Studies. – L., 2010. – Vol. 47. – № 9. – P. 1985–2002.
16 Córdoba Ordóñez J. A., Gago García C. Latin American cities and globalisation: change and permanency in the context of development expectations // Urban Studies. – L., 2010. – Vol. 47. – № 9. – P. 2003–2021.

17 Mahutga M. C., Ma X., Smith D. A., Timberlake M. Economic globalisation and the structure of the world city system: the case of airline passenger data // Urban Studies. – L., 2010. – Vol. 47. № 9. – P. 1925–1947.
18 Lo F.-C., Yeung Y.-M. Emerging world cities in Pacific Asia. – T.; N. Y., 1996. – 528 p.
19 Moss M. L., Townsend A. M. (2000) The internet backbone and the American metropolis // The Information Society. – 2000. – № 16. – P. 35–47.
20 Vinciguerra S., Frenken K. and Valente M. The geography of Internet infrastructure: an evolutionary simulation approach base on preferential attachment // Urban Studies. – L., 2010. – Vol. 47. № 9. – P. 1969–1984.
21 Verhetsel A, Sel S. World maritime cities: From which cities do container shipping companies make decisions? // Transport Policy. – 2009. – Vol. 16. № 5. – P. 240–250.
22 Hill R.Ch., Kim J.W. Global city and developmental states: New York, Tokyo and Seoul // Urban Studies. – L., 2000. – Vol. 37. № 12. – P. 2167–2195.
23 Wang Ch.-H. Taipei as a Global City: A Theoretical and Empirical Examination // Urban Studies. – L., 2003. – Vol 40. № 2. – P. 309–334.
24 Timberlake M., Ma, X. World City Typologies and National City System Deterritorialisation: USA, China and Japan // Urban Studies. – L., 2013. – Vol. 50. – № 2 – P. 255–275.
25 Derudder, B., Timberlake, M. and Wiltox, F. (2010) Introduction: Mapping Changes in Urban Systems, Urban Studies, 47(9), pp. 1835–1841.
26 Слука Н.А. Градоцентрическая модель мирового хозяйства. М., 2005 – 168 с.
27 Слука Н.А. Градоцентрический вектор в развитии мировой системы // Вестник Моск. ун-та. Сер. 5. Геогр. – 2006. – № 5. – С. 3–10.
28 Слука Н.А. Глобальные города в современной архитектуре мироустройства // Региональные исследования. – 2006. – № 1. – С. 5–21.
29 Сассен С. Глобальный город: введение понятия // Глобальный город: теория и реальность / Под ред. Н.А. Слуки. – М.: Аванглион, 2007. – С. 9–27.
30 П. Тейлор. К анализу сети мировых городов // Глобальный город: теория и реальность / Под ред. Н.А. Слуки. – М.: Аванглион, 2007. – С. 28–46.
31 Слука Н.А. Геодемографические феномены глобальных городов. – Смоленск: Ойкумена, 2009. – 317 с.
32 Смирнягин Л.В. Мегарегионы как новая форма территориальной организации общества // Вестник Моск. ун-та. Сер. 5. Геогр. – 2011. – № 1. – С. 9–15.
33 Горелик И.Л., Фомичев П.Ю. Глобальные города в системе финансовых центров мира // Глобальный город: теория и реальность / Под ред. Н.А. Слуки. – М.: Аванглион, 2007. – С. 105–120.
34 Мировые финансовые центры // Город в контексте глобальных процессов / Под ред. И.И. Абылгазиева, И.В. Ильина, Н.А. Слуки. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2011. – С. 131–151.
35 Слука Н.А. Глобальные города как центры международного туризма // География туризма. Учебник. – М., 2008. – С. 471–475.
36 Глобальные города в системе центров международного туризма // Город в контексте глобальных процессов / Под ред. И.И. Абылгазиева, И.В. Ильина, Н.А. Слуки. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2011. – С. 152–166.
37 Дипломатия городов как все более влиятельный фактор современной системы международных отношений // Город в контексте глобальных процессов / Под ред. И.И. Абылгазиева, И.В. Ильина, Н.А. Слуки. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2011. – С. 117–130
38 Сухарева Е.А. Феномен глобального города как международного центра силы // Социально-гуманитарные знания. – 2012. – № 4. – С. 361–368.
39 Березовский К.Г. Глобальный город в трансграничных связях: политологический анализ (на материалах г. Москвы) // Автореф. дисс. ... канд. полит. наук. Российская академия государственной службы при Президенте Российской Федерации. – М., 2009. – 27 с.
40 Савкин Д.А. Глобальный город как актор мировой политики // Автореф. дисс. ... канд. полит. наук. – СПб, 2010. – 24 с.
41 Павлуцкая Е.С. Мировые города в системе международных авиационных узлов // Глобальный город: теория и реальность. / Под ред. Н.А. Слуки. – М.: Аванглион, 2007. – С. 121–135.
42 Павлуцкая Е.С., Слука Н.А. Глобальные города в пространственно-организационной структуре крупнейших авиакомпаний мира (на примере «Люфтганза групп») // Вестник Моск. ун-та. Сер. 5. Геогр. – 2010. – № 2. – С. 26–32.
43 Фуртай Ф.В. Глобальный Город в эпоху «Глобальной деревни» (к вопросу об эволюции города в эпоху цивилизации масс) // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. – 2009. – № 2. – С. 124–134.
44 Добрицына И.А. Транснациональный капитализм и архитектура глобальных городов // Архитектура и строительство Москвы. – 2010. – Т. 551. – № 3. – С. 11–20.
45 Лондон: мировой город во все времена // Город в контексте глобальных процессов / Под ред. И.И. Абылгазиева, И.В. Ильина, Н.А. Слуки. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2011. – С. 169–198.
46 Черноморова Т.В. Лондон как глобальные ворота мировой экономики // Мегаполисы в условиях глобализации: Сб. обзоров и рефератов / РАН. ИНИОН. Центр научн.-информ. исслед. глобал. и регион. пробл. Отд. глобал. пробл. – М., 2008. – С. 58–71.
47 Франкфурт-на-Майне: от несостоявшейся столичности к международному центру деловой активности // Город в контексте глобальных процессов / Под ред. И.И. Абылгазиева, И.В. Ильина, Н.А. Слуки. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2011. – С. 197–213.
48 Гузикова М.О., Степанов А.В., Ткаченко Т.Х. Штутгартская городская агломерация: особенности развития на постиндустриальной стадии // Глобальный город: теория и реальность. – М.: Аванглион, 2007. – С. 186–197.
49 Самбурова Е.Н., Чубаров И.Г. Шанхай – мировой город «с китайской спецификой» // Глобальный город: теория и реальность / Под ред. Н.А. Слуки. – М.: Аванглион, 2007. – С. 169–185.

50 Бабуров В. Китай: уже не куколка, ещё не бабочка. Шанхай рвется в лигу «глобальных городов» // Архитектурный вестник. – 2008. – № 5 (104). – С. 70–79.
51 Чубаров И.Г. Гонконг: мировой эталон «города-ворот» // Глобальная социально-экономическая география: Сборник научных трудов памяти Н.В. Алисова / Под ред. Н.А. Слуки. – М.-Смоленск: Ойкумена, 2011. – С. 210–223.
52 Гладкий А.В., Ищук С.И. Киев на пути к глобализации // Глобальный город: теория и реальность. / Под ред. Н.А. Слуки. – М.: Аванглион, 2007. – С. 224–240.
53 Тихоцкая И.С., Шарыгин Д.Л. Глобальный город Токио: страноведческий анализ // Вестник Моск. ун-та. Сер. 5. Геогр. – 2008. – № 5. – С. 36–42.
54 Политика формирования Токио как мирового города. (Реферативный обзор) // Мегаполисы в условиях глобализации: Сб. обзоров и рефератов / РАН. ИНИОН. Центр научн.-информ. исслед. глобал. и регион. пробл. Отд. глобал. пробл. – М., 2008. – С. 72–86.
55 Капранова Л.Д. Развитие Нью-Йорка в условиях глобализации // Мегаполисы в условиях глобализации: Сб. обзоров и рефератов / РАН. ИНИОН. Центр научн.-информ. исслед. глобал. и регион. пробл. Отд. глобал. пробл. – М., 2008. – С. 41–57.
56 Brade, I. and Rudolph, R. (2004) Moscow, the global city? The position of the Russian capital within the European system of metropolitan areas. Area, 36(1), pp. 69–80.
57 Kolossov, V., Vendina, O. and O'Loughlin, J. (2002) Moscow as an Emergent World City: International Links, Business Developments, and the Entrepreneurial City. Eurasian Geography and Economics, 43 (3), pp. 170–196.
58 Gritsai, O. (1997) Business services and restructuring of urban space in Moscow. GeoJournal, 42(2), pp. 365–376.
59 Гайнутдинов Н.А. Опыт мировых городов для целей разработки стратегии развития Москвы на период до 2025 г. // Глобальный город: теория и реальность / Под ред. Н.А. Слуки. – М.: Аванглион, 2007. – С. 151–168.
60 Москва: проблемы интеграции в систему глобальных центров // Город в контексте глобальных процессов / Под ред. И.И. Абылгазиева, И.В. Ильина, Н.А. Слуки. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2011. – С. 236–252.
61 Батурина Е.Н. Перспективы Москвы как «глобального» города // Недвижимость и инвестиции. Правовое регулирование. – 2008. – №3 (36).
62 Горлов В.Н. Москва в контексте процесса деиндустриализации // Глобальный город: теория и реальность / Под ред. Н.А. Слуки. – М.: Аванглион, 2007. – С. 198–208.
63 Баяндина Е.Д. Москва – глобальный город и столица России: тенденции развития и трансформационные перспективы // Вестник Пермского университета. Серии: История и Политология. – 2009. – № 2. – С. 47–58.
64 Ильина И.Н. Москва: развитие в условиях глобализации // Архитектура и строительство Москвы. – 2008. – Т. 542. – № 6. – С. 3–8.
65 Грег Кларк. Глобальная Москва. Ведомости. 24.02.2012
66 Trumbull N. The impacts of globalization on St. Petersburg: A secondary world city in from the cold? // The Annals of Regional Science. – 2003. – Vol. 37. – № 3. – P. 533–546.
67 Калашников Н.В., Попов И.И. Крупнейшие агломерации Латинской Америки в системе геоэкономических центров мира // Глобальный город: теория и реальность / Под ред. Н.А. Слуки. – М.: Аванглион, 2007. – С. 136–150.
68 Курасов А.В. Особенности формирования глобальных городов Германии // Вопросы экономической и политической географии зарубежных стран. Вып.17. Меняющаяся география зарубежного мира. – М.-Смоленск: Ойкумена, 2007. – С. 163–184.
69 Пчелинцев В.С. Урбанизация в азиатском регионе на рубеже веков: От мегаполисов к «мировым» городам // Мегаполисы в условиях глобализации: Сб. обзоров и рефератов / РАН. ИНИОН. Центр научн.-информ. исслед. глобал. и регион. пробл. Отд. глобал. пробл. – М., 2008. – С. 87–113.
70 Чубаров И.Г., Слука Н.А. Крупнейшие агломерации КНР в системе глобальных городов // Вестник Моск. ун-та. Сер. 5. Геогр. – 2012. – № 2. – С. 32–39.
71 Курасов А.В. Формирование глобальных городов в разных географических условиях // Автореф. дисс. ... канд. геогр. наук. / Институт географии РАН. – М., 2009.
72 Метелева И.Р. Оценка отдельных предпосылок формирования в Сибири глобальных городов // Известия Иркутской государственной экономической академии. – 2008. – № 1. – С. 62–65.
73 Сергеев В.М., Казанцев А.А. Сетевая динамика глобализации и типология «глобальных ворот» // ПОЛИС. Политические исследования. – 2007. – № 2. – С. 18–30.
74 Сергеев В.М., Кузьмин А.С., Нечаев В.Д., Алексеенкова Е.С., Казанцев А.А., Дождиков А.В., Евстифеев Р.В., Усманов С.М., Чернышев С.В., Федорова И.М., Хомутова О.Ю. «Хора» московских «ворот» и сценарии её развития // ПОЛИС. Политические исследования. – 2007. – № 2. – С. 44–62.
75 Трейвиш А.И., Курасов А.В. Мировые города в постиндустриальной экономике: термины, теоретические конструкции и реальность// Мир России. – 2009. – № 1. – С. 34–46.
76 Бабурин В.Л. Волновая динамика мировых городов // Глобальный город: теория и реальность / Под ред. Н.А. Слуки. – М.: Аванглион, 2007. – С. 47–65.
77 Панкевич Н.В. Политическая стратегия российской урбанизации: от мировых городов к национальной сетевой платформе // ПОЛИС. Политические исследования. – 2013. – № 1. – С. 72–85.
78 Слука Н.А. Феномен современного города в системе представлений социально-экономической географии // Материалы международной научной конференции «Теория социально-экономической географии: современное состояние и перспективы развития», Ростов-на-Дону, 4-8 мая 2010 г. – Ростов-на-Дону: Изд-во ЮФУ, 2010. – С. 250–253.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НАРОДОНАСЕЛЕНИЯ

Карачурина Л.Б. (Москва)

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ГОРОДОВ ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ*

Karachurina L.B.

THE DEMOGRAPHIC TRANSFORMATION OF POST-SOVIET RUSSIAN CITIES

Аннотация. *В статье анализируется динамика развития урбосистемы России в течение 1989–2010 гг. С привлечением данных Всероссийских переписей населения 1989, 2002 и 2010 гг., а также текущего учета населения исследованы изменения численности населения российских городов в зависимости от их размеров и положения в системе расселения, динамика естественного и миграционного прироста населения городов.*

Abstract. *The dynamics of urbosistemy Russia for 1989–2010 years is analyzed in the article. With the attraction of the All-Russian census data of 1989, 2002 and 2010., as well as current population studied population change Russian cities, depending on their size and position in the settlement system, the dynamics of the natural and migration growth of cities.*

Ключевые слова: у*рбанизация, система расселения, город, расстояние, размер города, миграционный прирост.*

Keywords: *urbanization, the settlement system, the city, the distance, the size of the city, net migration.*

В советские годы писать про изменение системы расселения было привычно и понятно: индустриализация «выковывала» не только новые станки, печи и трубы, но и новые города, заодно «сметая» на своем пути старые деревни и поселки. Изменения были на виду и анализировать их казалось необходимым и правильным. В постсоветские – интерес к теме заметно поутих. Казалось, что всё теперь «стоит на месте»: то, что сформировалось, то и ладно. Но депопуляция, проблемы с финансами и инфраструктурой, затем различной силы институциональные факторы (например, ФЗ РФ от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»), глобализация (точнее, разное отношение и включение разных территорий в неё) поставили под серьезное сомнение тезис об устойчивости системы расселения.

Нынешняя российская система расселения в реальности уже сильно отличается от советской и качественно, и количественно. О качественной стороне дела – сращивании имперско-социалистического начала с псевдокапиталистическим – пытаются писать урбанисты, архитекторы, социологи и пр. Количественная всегда представляется более легкой, но в применении к системе расселения в СССР-России и она не выглядит простой. В 1989 г. в стране жило 147,0 млн. чел., которые размещались в 1037 городах, 2193 поселках городского типа (пгт) и 152922 сельских населенных пунктах (снп). К 2010 г. в России осталось 142,9 млн. человек, распределенных по 1100 городам, 1286 пгт и 153124 снп, из которых, правда, 19416 ед. (12,7%) остались без постоянного населения. На первый взгляд, самым большим трансформациям подверглась система пгт, число которых сократилось за 1989–2010 гг. более чем на 40% (907 ед.). Однако это не вполне так: трансформировалось многое, не только система пгт.

* Работа выполнена по гранту фонда факультета экономики НИУ ВШЭ (2012-2013 гг.) и Проекта 4.7. «Структуризация населенного пространства России в начале XXI века» Программы фундаментальных исследований Президиума РАН № 31 на 2012–2014 гг. «Роль пространства в модернизации России: природный и социально-экономический потенциал».

Прирост числа городов невыразителен: за 20 с лишним лет добавилось 63 города. Одновременно в это время были открыты миру более двух десятков городов – ЗАТО[1]. Несколько десятков пгт – стандартным советским путем развития городской системы – превратились в города. Еще порядка десяти городов стали городами, шагнув из снп, минуя стадию пгт (среди них – Московский, чеченские Урус-Мартан и Шали, северные Муравленко и Полысаево и др.). Одновременно почти 20 городов по тем или иным причинам (включение в состав других более крупных, преобразование в пгт или снп) выбыли из состава. Таким образом, по сравнению с предыдущими периодами, когда только в европейской части страны за 1946–1958 гг. образовалось 115 новых городов (то есть 9 городов в год), за 1959–1991 гг. 135 городов (4 в год) [1, с. 128], изменения действительно не выглядят значительными.

Перераспределение населения между населенными пунктами различных размеров показывает, что главные трансформации за 1990-е гг. пришлись на города с населением от 250 тыс. до 499 тыс. и от 500 тыс. до 1 млн. чел. Население из первых переместилось в пользу вторых. На фоне российской депопуляции такие изменения показывают, во-первых, тенденцию к концентрации населения не просто в городах, как это имело место в 1960–70-е гг., а в крупнейших городах.

Второе объяснение тоже исходит из депопуляции, но уже с пространственных позиций: на фоне общего снижения численности горожан, произошел рост значимости растущих городов в республиках Северного Кавказа, который повлиял на количественную картину перераспределения.

Третье объяснение лежит в административно-статистической плоскости: изменение границ городов путем присоединения к ним близлежащих населенных пунктов сыграло значимую роль в перераспределении населения. Однако и раньше под термином «численность населения города» понимались как собственно численность населения города в пределах так называемого «горсовета», так и численность «населения города с подчиненными его администрации населенными пунктами». Различались они при этом весьма существенно: в 1989 г. численность населения Брянска составляла 448026 человек, а его же, с подчиненными населенными пунктами (пгт Белые Берега, Большое Полпино и Радица-Крыловка) 469410 чел., это 5% разницы.

И раньше, и сейчас анализ затрудняется из-за погрешностей или даже отсутствия необходимых статистических данных. Чтобы понять, как менялась система расселения, желательно иметь данные о численности, структуре населения и потоках на как можно более низком иерархическом уровне и за максимально длительный период. В реальности мы не располагаем данными ни за сколько-нибудь продолжительный в историческом масштабе отрезок времени (сплошного статистического ряда нет даже для послевоенного периода), ни на уровне сельских поселений. А ведь именно это позволяет судить о реальных процессах трансформации системы расселения сельской местности. О том, как вымирает сельская местность в Центральной России или Южной Сибири, можно судить по работам, описывающим отдельные регионы. К таковым можно отнести труды Т.Г. Нефедовой и Н.Е. Покровского по Костромской области [11, 14]; Л.Е. Фукса по расселению в Западной Сибири [15]; Ж.А. Зайончковской и Г.В. Иоффе по расселенческим трансформациям в Московской области [17]; А.Г. Махровой, Т.Г. Нефедовой и А.И. Трейвиша по Московскому региону [8].

Здесь, однако, ставилась иная задача: агрегировать данные по всей стране на как можно более низком иерархическом уровне. Хотелось понять:

а) существуют ли общие для страны закономерности в развитии городских поселений; зависят ли тренды динамики от «базовой» численности населения или иных факторов пространственного положения, или в трансформационно-кризисный период значимыми оказались только социально-экономические факторы (проще говоря, что важнее – располагаться в условном «центре», быть «большим» или «сидеть на нефти»?);

б) насколько специфичны макротерритории Юга, Центра или Севера России;

в) где устойчивость городской сети выше – в том регионе, где есть один город-монстр и десяток «карликов», или там, где несколько «горок»–городов примерно равной высоты? Здесь перечислены не все вопросы и не на все из них в тексте даны последовательные и обстоятельные ответы, тем не менее, сама их постановка кажется актуальной.

[1] Подробнее об этом см. [6].

В данной статье источниками информации послужили материалы трех переписей населения (1989, 2002 и 2010 гг.) и данные текущего учета населения за 1991–2011 гг., полученные через статистический портал «Мультистат» (база данных «Экономика городов России»).

Объектом анализа являлись примерно 1100 городов России, по которым имелись непрерывные ряды данных за эти годы. Поскольку анализировалась динамика, то непрерывность рядов была едва ли не самым важным требованием к статистической информации. Поэтому из анализа на основании данных текущего учета населения были исключены 40 городов, информация о которых появлялась по мере их статистического «возникновения» (например, для ЗАТО, которые статистически существовали ранее в закрытом режиме) и реального (в связи с присвоением статуса «город») или, наоборот, исчезновения в связи с присоединением к какому-либо другому городу. Например, были выведены из анализа Кайеркан и Петергоф. Первый был слит с Норильском, второй – с Санкт-Петербургом. В исследовании нет «новых» городов, таких как Строитель (Белгородская обл.) или Магас (Ингушетия). По понятным основаниям не рассматривались также данные по Грозному.

Сопоставительный анализ данных переписей 2002 и 1989 гг. показал, что численность населения страны на 1,8 млн. превысила рассчитываемую по данным текущего учета, что было «приписано» прибытиям из стран СНГ и Балтии. Между переписями 2002 г. и 2010 г. аналогичная корректировка данных текущего учета составила почти 1 млн. При этом территориальная проекция этого недоучета была различной, о ней можно косвенно судить по разнице в данных переписи и оценках на ее дату [9]. Миграционный учет в России за постсоветский период неоднократно менялся, это тоже отражалось на численности населения конкретных городов и регионов. Территориальные органы статистики принимали нововведения по-разному: одни быстрее, другие медленнее. Анализ 5-летних кумулят и агрегированных показателей в этом случае не только облегчает анализ, снижая количество учитываемых цифр, но и помогает нивелировать влияние таких проблем по изменению порядка учета.

1. Общая динамика численности населения городов

Российская депопуляция 1990–2000-х гг. проявилась в снижении численности населения большинства городов. И в первый (1989–2002), и во второй (2002–10) межпереписные периоды их было не менее половины. При этом ситуация в 1990-е и в 2000-е гг. была различной по остроте проявления, но имела общие черты в территориальной локализации и причинах наблюдавшейся динамики.

В **1989–2002 гг.** по сравнению с 2002–10 гг. все процессы были более резкими – и связанные с ростом людности, и с ее падением. И эволюционные демографические изменения, и революционные, если таковыми считать системный экономический кризис во всех его проявлениях, более ярко проявились в 1990-е гг. Города «расслоились» под влиянием следующих демографических и социально-экономических факторов:

- старая возрастная структура и естественная убыль населения в регионах и городах старопромышленной Центральной России,
- естественный прирост на юге России, в республиках, не прошедших до конца демографический переход, и активно урбанизирующихся:
- миграционный приток в отдельные привлекательные положением или экономикой города на западе страны с одновременным резким оттоком с севера и востока.

Влияние этих разнонаправленных факторов проявилось в том, что в 1990-е гг. были как интенсивно «просевшие» города, так и столь же интенсивно выросшие.

Следует напомнить, что несколько городов лишились жителей и либо исчезли, либо были переведены в разряд пгт или даже снп и в данной статье они не рассматриваются. Такова судьба Чехова, Горнозаводска, Красногорска в Сахалинской области, Ключей в Камчатском крае и др.

Наполовину и более уменьшилась численность 5 городов: все они малые и все – северные. Они лишились своего населения в ходе массового выезда населения. Таковы Билибино и Певек на Чукотке, Игарка в Красноярском крае, Сусуман в Магаданской области, Северо-Курильск в Сахалинской.

Еще 46 городов потеряли за эти годы от 25 до 50% своего населения. Это северные

города, их 36, среди них 4 центра субъектов Федерации – Анадырь, Магадан, Петропавловск-Камчатский, Мурманск. Статус регионального центра не смог весомо препятствовать миграционным намерениям населения, в 1990-е гг. люди были готовы бежать из северных столиц в малые города и сельскую местность, но на юге или в центре России. Интенсивному сокращению людности способствовала также миграция в 1991–93 гг. из «северов» в Украину, Белоруссию – явление, которое Ж.А. Зайончковская назвала «разъездом по национальным квартирам». Несеверные города в этой группе – в основном малые, типа Горбатова в Нижегородской или Макарьева в Костромской области, или бывшие угледобывающие (например, Кизел и Гремячинск в Пермском крае).

Больше всего городов (431) в группе с падением численности населения от 5% до 25% к численности 1989 г. Среди них превалируют малые и средние, с монозависимой экономикой, но представлена и почти половина крупных (вторых) городов регионов – Северодвинск, Березники, Рыбинск, Комсомольск-на-Амуре, Нижний Тагил и др. В некоторых субъектах РФ (Свердловской, Челябинской, Кемеровской, Иркутской, Ростовской областях) почти все значительные третьи города тоже характеризуются убылью населения. В этой же группе 6 из 15 городов Московской области с численностью населения более 100 тыс. чел. (в 1989 г.). Здесь же, кроме того, находится целый ряд региональных центров (17) и федеральный город Санкт-Петербург.

Наполненность и состав группы свидетельствуют о том, что вхождение в полосу депопуляции в начале 1990-х гг. отразилось на множестве самых разных по численности населения и социально-экономическим параметрам городов. В это время население, дезориентированное трансформационным кризисом, еще не начало активной миграции из малых и средних городов в крупные, и это способствовало падению людности больших городов. В следующий межпереписной период эта группа была представлена уже преимущественно малыми и средними городами.

Относительно стабильную численность населения имели 339 городов (32%) – их людность составила 95–105% от зафиксированной в 1989 г. Среди них 26 (8%) составляли города с численностью населения 100–250 тыс. чел., 37 областных центров. При этом группа областных (краевых, республиканских) городов представлена центрами регионов, которые в 1990-е гг. не отличались сколько-либо позитивной социально-экономической динамикой: Великий Новгород, Смоленск, Курган, Пенза, Курск, Барнаул. Они характеризовались относительно невысокими ценами на недвижимость и были привлекательными для мигрантов из стран СНГ. Здесь же еще 6 подмосковных городов-стотысячников.

Наконец, две группы растущих городов, на фоне общей депопуляции и негативного изменения структуры населения, в целом предстают как оазис благополучия.

На 5–25% росли 199 российских городов. Среди них Москва, целый ряд больших, средних и малых городов Юга России, причем не обязательно с «этнической компонентой», столицы республик Сибири (Якутск, Кызыл, Абакан, Горно-Алтайск) и динамично развивавшиеся в позднесоветский период и вследствие этого еще не очень старые по своей возрастной структуре населения промышленные города Поволжья и Черноземья (Старый Оскол, Димитровград, Новочебоксарск, Нижнекамск, Волжский), из городов поменьше, но той же «природы» – Агидель, Губкин, Курчатов. К 1990-м гг. они еще не успели войти в зону интенсивной естественной убыли населения и даже незначительный миграционный прирост способствовал их общему росту. Эти же факторы, вкупе с продолжающейся миграционной подпиткой в 1990-е, обеспечивали рост населения нефтегазодобывающих городов ХМАО, ЯНАО.

Городов других сибирских и дальневосточных регионов, кроме региональных столиц (их тут 6), в этой группе почти нет (8 из 172 «нестоличных», то есть 4,6%), нет ни одного города севера европейской части страны. С другой стороны, к этой группе относятся 85% всех городов Краснодарского края, 84% Ставропольского, 75% Башкортостана, 68% Татарстана, 59% Калининградской области. Людность города оказалась менее важной, чем пространственно-географическое положение, относительно поздняя индустриализация и «этнический» фактор. Прогрессирующие города Калининградской области, кроме самого Калининграда – малые, но рента

положения сыграла и играет ключевую роль в их росте. Города Московской области еще не стали столь привлекательными для мигрантов, как это будет наблюдаться в следующий межпереписной период.

Еще больший рост – более чем на 25%, продемонстрированный за 1989–2002 гг. 38 городами, вызывает много вопросов, в первую очередь связанных с качеством статистического учета. В этой группе 12 городов Юга России. Среди них – Махачкала, Назрань, показавшая за 13 лет беспрецедентный, почти 7-кратный рост и ставшая в этом смысле абсолютным рекордсменом. Кроме южных городов, в этой группе также 8 городов нефтегазовых регионов России – ХМАО и ЯНАО, а также несколько малых городов, находящихся в непосредственной близости от региональных столиц и ставших их опорными разгрузочными центрами – Цивильск в Чувашии, Всеволожск и Сертолово близ Санкт-Петербурга, Гурьевск около Калининграда.

В следующий межпереписной период (**2002–2010 гг.)** – ситуация довольно серьезно изменилась, более ровным стал демографический фон. В противовес этому более ярко стала проявляться социально-экономическая дифференциация отдельных городов. Города с крупным социально-экономическим потенциалом (или находящиеся вблизи них) начали активно строиться и привлекать мигрантов. Причем, если в 1990-е гг. это были в основном приезжие из бывших советских республик и мечтавшие поселиться в России «хоть где-нибудь, где подешевле», то в 2000-е гг., когда сильно сократилась миграция на постоянное место жительство между Россией и странами СНГ, более значимую роль стали играть внутренние мигранты. Одновременно произошла трансформация значимости миграций: под влиянием активно развивающейся временной трудовой отошла на второй план постоянная миграция.

Вместе с заметным исчерпанием миграционного потенциала «северов» и Дальнего Востока почти исчезли группы городов, показывающие максимальный спад численности населения. Снижение более чем на 50% не характерно ни для одного российского города (кроме ЗАТО), на 25–50% сократилось население 8 городов вместо 46 в предыдущий период. Тем не менее, это по-прежнему в основном северные города и только что сильно выросшая Назрань. Взлеты и падения бывшей столицы Ингушетии связаны как с объективными реалиями – бурным всплеском вынужденной миграции в город в 1990-е гг., формальной утратой столичных полномочий, так и с качеством проведения переписей населения 2002 и 2010 гг.

В зоне снижения людности на 5-25% от первоначальной численности (2002 г.) находились 45% российских городов. В отличие от предыдущего периода, в этой группе нет ни одного города с населением свыше 500 тыс. чел. Если учесть, что в группе с падением людности на 25–50% не было городов с численностью больше 100 тыс. чел., то становится понятным, что среди крупнейших и даже крупных городов в 2000-е гг. отрицательной динамикой отличались только несколько самых проблемных городов своих регионов. На поддержание численности их населения у демографически ослабленных территорий попусту не хватало демографических ресурсов, а экономическое неблагополучие делало их неконкурентными по сравнению с другими крупными городами.

В этой многочисленной группе только 4 города – региональные столицы: Петропавловск-Камчатский, Нальчик, Мурманск, Иваново; еще 25 – вторые города своих регионов. Северные города, принадлежавшие ранее к группе с самой высокой убылью, теперь «спустились» сюда: 57% нестоличных городов Сибири и Дальнего Востока, 59% городов Северо-Запада. Есть целые регионы, депрессивные как с демографической, так и с экономической точки зрения, где все или почти все города – в этой группе. Таковы Кировская, Ивановская, Псковская, Иркутская области, Карелия. С другой стороны, в этой группе только 9% городов Подмосковья и 14% – Ленинградской области.

Другая представительная группа – города, находившиеся в относительном равновесии. Число таких городов составило 385 и увеличилось на 10% по сравнению с 1990-ми гг. Состав этой группы принципиально отличается от предыдущей. Здесь, за исключением Москвы, все города-миллионеры; 47 региональных центров. В городах этого кластера проживает 53 млн. горожан, доля населения, обитающего в динамически относительно устойчивых городах, резко выросла по сравнению с 1990-ми гг.: с 36,7% до 51,1%.

К группе растущих на 5–25% городов относятся Москва, 20 региональных центров и еще более сотни городов самых разных размеров и функций. Большинство из них – с населением до 100 тыс. чел., все они являются локальными точками ростами: Бердск в Новосибирской области, Балабаново в Калужской, Покров во Владимирской, Гагарин в Смоленской, Борисоглебск в Воронежской. Есть и другие объяснения: «эффект низкой базы», уже упоминавшиеся проблемы переписи, локальные административные преобразования, захватившие городские поселения России после принятия ФЗ о муниципальных образованиях и стимулировавшие присоединения сел и пгт к городам. Спад интенсивности «западного дрейфа» проявился в том, что сразу несколько региональных столиц, таких как Южно-Сахалинск, Сыктывкар, Анадырь, на фоне отсутствия рядом иных возможных привлекательных центров, показали рост своей людности. В городах юга России росту населения способствует сохраняющаяся повышенная рождаемость. В этой же группе – треть городов Московской области и по 60% городских поселений ХМАО и ЯНАО.

Группа городов с более чем 25%-м ростом в 2000-е гг. не увеличилась, но ее состав поменялся почти полностью, и выросла доля горожан, проживающих в таких городах. Из крупнейших городов страны это Краснодар, из крупных – Сочи и Махачкала, и 8 больших, 4 из которых – подмосковные (Железнодорожный, Химки, Королев, Балашиха). При всех пертурбациях состава групп, неизменной остаётся региональная принадлежность города-рекордсмена: если в 1990-е гг. список самых растущих городов возглавляла Назрань, то теперь ее сменил другой ингушский город, новая столица Республики – Магас.

2. Изменения людности в зависимости от размера и положения городов

Считается, что размер города определяет его мощь, устойчивость к потрясениям, и в конечном счете – успешность. В России мощность, выраженная параметрами численности населения, предопределяет еще и дополнительные возможности централизации и управления. В кризисные 1990-е гг. А.И. Трейвиш и Т.Г. Нефедова вывели закономерность, что границей благополучия для российских городов стала численность населения свыше 250 тыс. чел., всё, что свыше, имело шанс если не развиваться, то хотя бы не падать [12]. Попытаемся оценить, что происходило с трендом динамики численности населения городов разной начальной (на 1989 г.) людности.

Число городов вообще и число городов определенной группы (малые, средние, большие и т.д.) менялось с 1989 по 2010 г. значительно. Об этом было сказано выше. Анализ динамики численности населения потребовал определенной «достройки» чисел людности населения для тех населенных пунктов, которые не были городами (а существовали, например, в ранге пгт) (и там, где это возможно) на дату переписи 1989 или 2002 г. Поэтому число анализируемых городов в таблицах и рисунках существенно больше числа реально существующих городов той или иной группы на дату переписи.

Малые города. В целом это самая представительная и «разношерстная» группа, которую для конкретизации анализа разделим на самые малые («карлики») – с численностью населения до 20 тыс. чел. и малые, насчитывающие 20–50 тыс.

Города-карлики. В 1989 г. таких совсем малых городков в России насчитывалось 349. Во многих из них численность населения не только не доходила до советского городского «порога» в 12 тыс. чел., но не достигала и 3–5 тыс. чел. «Города, которые трудно назвать городами», «между городом и деревней», «не город, не село» – все эти и множество других выражений и метафор применимы в первую очередь именно к ним. Сельско-городской образ жизни, недоразвитая социальная сфера, зависимость от одного, редко двух предприятий (часто при этом филиальных) приводят к тому, что эти города могут расти скорее «вопреки», чем «вследствие».

В 2000-е гг. в России еще не проявилась, но уже обозначилась тенденция привлекательности жизни в глубинке. Сегодняшний Мышкин живет в большей степени туризмом, чем обслуживанием газопровода. Десятки сайтов и СМИ привлекают внимание к Козельску и Тарусе (Калужская обл.), Покрову и Киржачу (Владимирская обл.), Великому Устюгу (Вологодская обл.). При отсутствии других факторов роста и низкой «базовой» численности населения даже незначительное количество переселяющихся сюда людей способно в отдельные годы создать количественный рост таким городам.

Отчасти «миграционным подспорьем» для них выступают окружающие сельские территории, но этот источник сильно обмелел. Собственных демографических ресурсов роста малые города большей части страны, как правило, не имеют. Исключение составляют только южные регионы России и республики Сибири.

В целом за 1989–2010 гг. в 19 регионах страны, имеющих в своем составе больше 3-х самых малых городов, нет ни одного растущего малого города. Так обстоят дела в Архангельской, Ивановской, Кировской, Псковской, Тверской, Рязанской, Курской, Иркутской, Челябинской областях, Карелии, Мордовии и др. субъектах РФ. Обратного, кроме Белгородчины, Кабардино-Балкарии, Северной Осетии, ХМАО и ЯНАО не наблюдается, но в этих регионах только по 2 города таких размеров.

В 2000-е гг. доля растущих городов среди совсем малых снизилась с 20,7% до 9,2%. При этом положительная динамика тех отдельных городков, которые росли, обеспечивалась обычно не одним, а несколькими факторами: расположением близ крупного города, этнической структурой населения или динамично развивающейся отраслью экономики (обычно это туризм, санаторно-курортная, пищевая промышленность).

Вплоть до 250-километровой зоны однозначной предстает зависимость динамики численности населения от расстояния до центров регионов: чем дальше, тем хуже соотношение количества растущих и депопулирующих городов; тем ниже темпы роста или выше темпы спада (табл. 1). В очень удаленной зоне растущих городов совсем немного, при этом 8 из 12 растущих связаны с разведкой, добычей и/или переработкой нефти и газа: Тарко-Сале и Губкинский на Ямале, Покачи и Пыть-Ях в ХМАО, Кедровый в Томской области, Хадыженск в Краснодарском крае, Бавлы в Татарстане, Вилюйск в Якутии.

Малые города с численностью населения от 20 до 50 тыс. чел.

Таких по численности населения городов в России в 1989 г. было 360 и в них проживало 12,3% городского населения страны. Они представляют собой весьма ощутимый пласт российских городов. «*Малый город лишен благ большого, но не знает и многих его недостатков и пороков. Наиболее распространенные недостатки малых городов – невысокий уровень развития сферы обслуживания и благоустройства, экономическая слабость, удаленность от крупных центров. У их жителей ограниченный выбор места учебы, профессии, работы, способов проведения свободного времени. Но недостатками нельзя заслонить те несомненные достоинства, которые у малых городов есть и в дальнейшем будут цениться людьми все больше. Прежде всего гармония с природой*», – пишет Г.М. Лаппо [7, с. 155–156]. И он же рядом добавляет слова Т. Гуэрры про Суздаль: «*Суздаль словно ветка после дождя: каждая капля искрится, блестит алмазом. Как красиво. И как все это непрочно!*». Непрочность проявляется, в том числе в отсутствии базы демографического роста. Тот же Суздаль, численность населения которого в 2010 г. составила 10,5 тыс. чел., потерял за 1989–2010 гг. больше 10% своих жителей. А ведь этот город «Золотого кольца» России хорошо известен

Таблица 1

Зависимость динамики людности населения городов размером до 20 тыс. человек в зависимости от расстояния до регионального центра, 1989 – 2010 гг.

Расстояние до регионального центра, км	Рост				Снижение			
	Число городов, ед.	Тем-пы, %	Средняя численность, тыс. чел.		Число городов, ед.	Тем-пы, %	Средняя численность, тыс. чел.	
			1989 г.	2010 г.			1989 г.	2010 г.
До 49,9	28	149,6*	12,4	18,7	24	85,9	13,0	11,1
50–99,9	24	128,3	11,7	15,0	56	83,5	12,0	10,0
100–249,9	28	120,1	13,0	15,7	120	82,5	12,6	10,4
Свыше 250	13	134,2	13,0	17,4	74	76,8	12,9	9,9

* без Магаса – 126%

Здесь и далее в табл. 2–4 расчеты автора по данным: Городские поселения РСФСР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. – М.: РИИЦ, 1991; Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. Т 1. Численность и размещение населения. – М.: Росстат, 2004; Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. Т 1. Численность и размещение населения. – М.: Росстат, 2012.

не только российским, но и иностранным туристам (и значит, по логике – привлекателен для инвесторов). Впрочем, «мелел» не только Суздаль, число жителей падало в большинстве малых городов. Это стало особенно заметным в 2000-е гг., когда собственные демографические ресурсы в европейской части страны (где их большинство) под воздействием долговременной эволюции смертности и рождаемости, совсем исчерпались. В 1990-е гг. динамику свыше 105% за межпереписной период показывал почти каждый четвертый город с численностью 20–50 тыс. чел., в 2000-е гг. уже только каждый шестой. Выше всего доля растущих городов среди малых на Юге России (80% в Северо-Кавказском и Южном ФО), ниже – на Дальнем Востоке, где в этой категории рос только Лесозаводск в Приморском крае. Меж тем в Краснодарском крае в числе растущих были все 13 малых городов, в Ставропольском крае – 9 из 10. Пропорция в богатых нефтегазовых регионах России несколько хуже. Для роста малых городов, где люди близки к природе и отчасти живут «от природы», природно-климатическое благоприятствование оказалась весьма весомым фактором жизнестойкости.

Другим фактором возможного (но не непременного) роста оказывается положение вблизи региональных центров (табл. 2). Только в группе городов, расположенных на расстоянии до 50 км, наблюдается позитивная пропорция. Во всех остальных случаях – чем дальше, тем потенциально меньше шансов на устойчивость и рост. Растут и некоторые другие удачно расположенные города – Балтийск как новый порт на Балтике, Калач-на-Дону – как речной судостроительный центр, Кинель как железнодорожный узел.

Среди ресурсодобывающих городов многие, некогда процветавшие, провалились, среди них Бокситогорск в Ленинградской области, Удачный в Якутии – центр добычи алмазов, апатитовая столица – Кировск в Мурманской области, железорудный Качканар в Свердловской и многие другие.

Наличие статуса районного центра, а малые города в советское время почти повсеместно выполняли функции управления и обслуживания окружающих низовых территорий, теперь стоит немного: из 276 малых городов-райцентров положительной динамикой отмечены 82.

Средние города (50–100 тыс. чел.). И в первый, и во второй межпереписной периоды городам с численностью населения 50–100 тыс. чел. было непросто удержать население. С одной стороны, сказывались инерционно накопленные демографические проблемы, связанные с долговременными трендами снижения рождаемости и старения. С другой стороны – невысокая миграционная аттрактивность на фоне проблем с массовым закрытием предприятий-филиалов, безработица, социальное неблагополучие и проблемы с финансированием по остаточному принципу, в соответствии с которым всем, кто «посередине», не достается ничего или мало что.

Доля средних городов, показывающих отрицательную динамику в 1990-е гг., превышала 40%, в 2000-е снизилась до 31%. За счет этого выросло количество городов, которые значимо и не прибавляли, и не снижали численности населения.

Стабильную положительную динамику показывала пятая часть всех средних городов России, а часть из них, в первую очередь подмосковные, благодаря этому переместились в группу больших.

Устойчивый рост наблюдался в городах трех категорий:

Таблица 2

Зависимость динамики людности населения городов размером 20–50 тыс. человек в зависимости от расстояния до регионального центра, 1989–2010 гг.

Расстояние до регионального центра, км	Рост				Снижение			
	Число городов, ед.	Тем-пы, %	Средняя численность, тыс. чел.		Число городов, ед.	Тем-пы, %	Средняя численность, тыс. чел.	
			1989 г.	2010 г.			1989 г.	2010 г.
До 49,9	31	128,4	32,2	41,1	29	86,9	35,5	30,8
50–99,9	26	120,5	32,2	38,5	43	87,7	31,3	27,5
100–249,9	33	121,9	30,6	37,3	101	31,6	31,6	27,0
Свыше 250	24	121,7	34,6	41,8	68	81,9	31,1	25,5

Таблица 3

Зависимость динамики людности населения городов размером от 50 до 100 тыс. человек в зависимости от расстояния до регионального центра, 1989–2010 гг.

Расстояние до регионального центра, км	Рост				Снижение			
	Число городов, ед.	Темпы, %	Средняя численность, тыс. чел.		Число городов, ед.	Темпы, %	Средняя численность, тыс. чел.	
			1989 г.	2010 г.			1989 г.	2010 г.
До 49,9	27	126,4	70,9	89,5	11	87,5	72,9	63,3
50–99,9	10	122,9	65,2	80,6	18	86,8	64,2	55,4
100–249,9	26	117,2	68,6	81,1	41	87,4	68,2	59,5
Свыше 250	10	111,2	71,6	79,9	20	82,2	64,7	53,7

Первая – находятся в агломерационной зоне крупнейших городов (Реутов, Красногорск, Лобня и др. в зоне притяжения Москвы, Бердск близ Новосибирска, Гатчина около Санкт-Петербурга, Верхняя Пышма около Екатеринбурга).

Вторая – южные, характеризующиеся естественным приростом и молодой возрастной структурой населения; по 3–5 таких городов имелось в Дагестане, Краснодарском и Ставропольском краях и Ростовской области.

Третья, самая малочисленная группа, где рост базируется на наличии какого-либо одного, редко двух видов экономически прибыльной деятельности, что обеспечивает им миграционный прирост. Для Кумертау в Башкортостане это российского значения комплекс хранения газа и производство вертолетов, для Губкина – Лебединский ГОК, Нефтеюганска и Ноябрьска – нефтедобыча.

В ходе анализа было выявлено, что из средних растущих городов самими высокими темпами отличались города, находящиеся поблизости от региональных центров. Градиент снижения темпов по мере увеличения расстояния до регионального центра выражен нерезко, но однозначно (табл. 3). Из таблицы также видно, как с периферийностью меняется само соотношение количества растущих и сжимающихся городов. Если в первом радиусе от центра число городов, увеличивающих численность населения в 2,5 раза превышает число снижающих ее, то во всех остальных пропорция становится обратной. В итоге к 2010 г. мы имеем ощутимые различия в средней людности городов, находящихся вблизи от региональных столиц и на периферии. Для средних городов оказывается безразличной степень «периферийности» – ситуация за 120 км от центра примерно такая же, как за 250.

В предыдущих исследованиях [5, 10] было показано, что локальные центры притяжения в регионах могут находиться на расстояниях 200 и больше километров от центра, но ими почти никогда не бывают средние города. Для выполнения функций периферийных точек роста таким городам, как правило, не хватает населенческой мощности.

Большие города. Число городов с численностью населения от 100 до 250 тыс. чел. в 1990–2000-е гг. увеличилось с 85 до 91. Но рост был нелинейным, больше десятка индустриальных центров Урала, отчасти Центра и Сибири покинули эту группу, но другие, в первую очередь южные города, её наполнили и даже увеличили. С другой стороны, из 250-тысячников в эту группу переместились Рыбинск, Северодвинск, Братск, Ангарск и др.

В результате разнонаправленных процессов в целом за 1990–2000-е гг. эта группа была в относительном равновесии. 28% городов устойчиво росли, основные изменения проявлялись в том, что значительно уменьшилось количество городов с резко отрицательной динамикой. Таких было 34 в 1989–2002 гг., но 23 в 2002–10 гг. То есть в период трансформационного роста, когда увеличилась внутренняя мобильность и «разборчивость» в выборе пространственных траекторий, притягательность больших городов, а среди них 12 региональных центров, 19 вторых городов своих регионов, выросла. Однако, главный драйвер устойчивости больших городов России – все же не отдельные региональные столицы или вторые города в целом, а города Подмосковья, их здесь 15 с более чем 2-х миллионным населением, именно они определяют позитивную динамику. Не росли на протяжении последних 20-ти лет расположенные в относительном удалении

Таблица 4

Зависимость динамики людности населения городов размером от 100 до 250 тыс. человек в зависимости от расстояния до регионального центра, 1989–2010 гг.

Расстояние до регионального центра, км	Рост				Снижение			
	Число городов, ед.	Темпы, %	Средняя численность, тыс. чел.		Число городов, ед.	Темпы, %	Средняя численность, тыс. чел.	
			1989 г.	2010 г.			1989 г.	2010 г.
До 49,9	11	118,1	139,6	165,8	4	91,8	162,2	148,1
50–99,9	2	105,5	165,5	175,6	14	91,6	127,3	116,7
100–249,9	13	122,8	159,3	194,3	17	86,6	152,0	131,3
Свыше 250	3	107,8	162,5	173,2	9	89,3	124,2	111,2
Региональные центры	9	113,7	186,9	211,9	3	87,8	194,3	174,9

от Москвы Ногинск, Серпухов, Орехово-Зуево, Коломна, но и они не показывали сильной отрицательной динамики. Рост же Химок и Балашихи, особенно в 2000-е гг., когда здесь начался строительный бум, были поистине грандиозными.

Большие города, показывающие устойчивый рост на протяжении обоих переписных периодов – в основном сложившиеся промышленные центры (Старый Оскол, Новотроицк, Димитровград, Балаков, Энгельс, Нефтекамск и др). В силу своих размеров, они, как правило, полифункциональны, но именно «базовая» промышленная функция определяет их портрет. Как и в других классах, растут южные города и «столицы». Институциональные статусные преимущества в условиях моноцентричности проявляются не только на уровне страны и Москвы, но и на уровне регионов (табл. 4). А вот фактор удаленности от региональных центров для больших городов не всегда оказывается значимым . В зоне до 50 км от столиц вероятность роста существенно выше. Негативная ситуация складывается на расстоянии 50–100 км от региональных столиц. В условиях отсутствия статистической информации о направлениях внутренних перемещений можно только предполагать, что именно из этой зоны идет активное вымывание населения. Почти повсеместно оно направлено в сторону регионального центра, иногда в сторону «вторых» городов регионов, расположенных на значительном расстоянии от региональных столиц.

Города с населением свыше 250 тыс. чел. В условиях российской моноцентричности ¾ крупных городов страны являются региональными столицами, то есть имеют два потенциально «плюсовых» с точки зрения возможного роста фактора – агломерационные эффекты (размеры) и институциональные преимущества. Тем с большей тревогой надо рассматривать крупные города, которые демонстрировали отрицательную динамику людности. В 1990-е гг. так развивался каждый третий город, в 2000-е гг. – каждый 7-й. Залогом улучшения ситуации стали их рынки труда, привлекающие мигрантов в связи с многообразием предлагаемых вакансий. Повышенный спрос на рабочие руки, особенно в трудоемких отраслях сферы услуг, которая в 2000-е гг. стала нарастать в структуре занятости не только Москвы (как в 1990-е гг.) и Санкт-Петербурга, но и многих региональных столиц[2]. Так в 2000-е гг. по отношению к предшествующему периоду заметно улучшилась динамика в группе северных областных городов (Петропавловск-Камчатский, Мурманск, Архангельск и др.), среди уральских и западносибирских индустриальных центров (Челябинск, Кемерово, Екатеринбург, Новокузнецк, Пермь), в некоторых центральных областных центрах (Тверь, Тула, Владимир, Воронеж).

В целом за 1989–2010 гг. численность населения 35 крупных городов страны возросла, 41 – снизилась. В городах, которые демонстрировали в дальнейшем рост, в 1989 г. проживало 27,8 млн. чел., в 2010 г. их суммарная людность возросла до 32,4 млн. чел. Мощность противоположной группы упала с 25,9 млн. до 24,0 млн. чел. Региональные центры разделились на растущие и депопу-

[2] Подробнее см. в работах Н.В. Зубаревич, например, в [3, 4].

лирующие строго поровну. Из 18 крупных городов, которые не являются региональными центрами, только 6 прирастали населением: Волжский, Тольятти, Череповец, Набережные Челны, Сургут и Сочи. Эти большие субцентры имеют разное пространственное положение в системе расселения своих регионов, но, за исключением Сочи, общий генезис. В своем нынешнем виде они появились в СССР как промышленные узлы базовых отраслей промышленности. Как отмечает Г.М. Лаппо, у них наблюдается «незавершенность функциональной структуры, появление в ней промышленных «флюсов», повышение доли маргинального населения, недостаточная зрелость городской среды. И среди больших городов эти болезни молодости не изжиты, причем в постсоветское время устранение их сильно затруднено» [7, с. 54]. Их рост в 1990–2000-е гг. отчасти имел инерционную природу (последствия относительно молодой структуры населения).

Говоря про такую группу, в которой сосредоточены самые большие и экономически самые мощные города страны, необходимо подчеркнуть, что, когда массово «проседают» подобные города (именно такое явление мы наблюдали в 1990–2000-е гг.) – это верный признак больших демографических проблем страны. Другой вопрос – что это также проявление субурбанизационных процессов, старт которых в России был отсрочен советской нерыночной экономикой (в первую очередь, отсутствием рынков земли и труда, а также специфическим подходом к наличию загородного жилья у горожан), а затем наложен на общий социально-экономический кризис. Этот конгломерат масштабных и разновекторных процессов по-разному проявлялся в старых (и демографически, и урбанизационно) европейских и молодых северных и восточных районах страны, на «этнически окрашенных» и относительно моноэтничных территориях. Но для огромной страны, где одни процессы нивелируют другие, и при этом совершается множество административно-территориальных преобразований, в целом получается, что тренды численности разных по численности групп городов показывают некоторую флуктуацию, но не однозначные и сколько-нибудь объяснимые линии. Т.Г. Нефедова и А.И. Трейвиш считают, что это нормально, т.к. «*по мере того, как система городов становится более зрелой и устойчивой, сдвиги и смена стадий* [имеется в виду – «стадий урбанизации» – прим. ЛК] *обычно делаются менее выразительными и подверженными краткосрочным колебаниям вокруг некого среднего состояния гомеостатического равновесия*» [13]. Однозначными предстают только кривые зависимости динамики людности городов от расстояний до региональных центров: и в 1989–2002 гг., и в 2002–10 гг. растет людность любых поселений, находящихся на расстоянии до 50 км от столицы, от совсем малых до крупнейших городов. На всех остальных расстояниях возможны как рост, так стагнация или снижение численности.

3. Динамика естественного и миграционного прироста городов

Реальные механизмы городского бытия определяет «разложение» общего прироста (убыли) российских городов на две его составляющие – естественный и миграционный прирост.

На протяжении 1991–2011 гг. всем городам, и крупнейшим, и совсем небольшим, была свойственная кумулятивная естественная убыль. В 2000-е гг., вследствие более благоприятной возрастной структуры горожанок в репродуктивном возрасте, почти повсеместно выросла рождаемость, что снизило масштабы естественной убыли. По-видимому, на дифференциацию естественной убыли в последние годы повлияло некоторое уменьшение смертности в крупнейших городах страны, но соответствующими данными по городам с численностью населения до 100 тыс. чел. мы не располагаем.

В целом размеры естественной убыли принципиально не зависели ни от размера города, ни от его положения в системе расселения региона, а в отдельных случаях определялись только макроположением: на депопулирующем севере или все еще растущем юге страны находится тот или иной город. Отдельными оазисами естественного благополучия представляются молодые (как по дате своего основания, так и по возрасту жителей) центры нефтегазодобычи, а также города у построенных в позднесоветский период ГЭС или АЭС.

На протяжении 20 последних лет отмечается пониженная естественная убыль населения городов до 50 тыс. жителей, расположенных в зоне агломерационного влия-

ния региональных столиц. По-видимому, это результат не только модификации процессов рождаемости и смертности, но и миграционного прироста. Мигранты, которые, в своей основной массе, более молоды по отношению ко всему населению, обеспечивают в городах дополнительные рождения[3].

Миграционные процессы городов разной людности более дифференцированы, чем естественные. Хотя в целом за 1991–2011 гг. города всех типов показали суммарный миграционный прирост, ситуация разнится. Города-карлики начиная с 2006 г. характеризуются оттоком населения. Малые города с людностью от 20 до 50 тыс. жителей показали убыль в 2011 г., а до этого неуклонно снижали темпы миграционного роста.

Средний миграционный прирост у городов всех типов, начиная с 1996 г., хорошо подчинялся зависимости: чем дальше от регионального центра располагается город, тем ниже его миграционная привлекательность.

В 1991–95 гг. эту тенденцию нарушали – короткий дезурбанизационный тренд, и масштабное бегство населения из стран СНГ и Балтии после распада СССР. Абсолютные размеры перетока горожан в село были незначительными – около 120 тыс. чел. за 1991–92 гг., но регионально дифференцированными. Жители бывших союзных республик на первых порах селились и в сельской местности, и в далеких и близких малых и средних городах, на короткое время улучшив демографическую ситуацию в них. Из «правильного» тренда выбиваются только крупнейшие города страны. Среди них в начале 1990-х гг. особой аттрактивностью отличались города, расположенные на расстоянии 50–100 км от региональных центров (таковых всего 3 – Таганрог, Рыбинск и Тольятти), в последующем они быстро сдали свои позиции. Большинство других крупнейших городов большую часть периода миграционно росли, меньшую аттрактивность демонстрировали не самые периферийные из них (они-то – такие как Сургут, Сочи, Новокузнецк, Магнитогорск, Орск – как раз активно притягивали население), а «среднеудаленные» (на 50–250 км от региональных центров). Очевидно, что они не выдерживали конкуренции за мобильное население с региональными центрами.

Применительно к городам разной людности необходимо говорить о некоторых «сдвижках» во времени и пространстве в ходе процесса миграционного «стягивания». Для малых городов вплоть до начала 2000-х гг. наблюдалось концентрирование миграционного прироста в тех из них, которые располагались на расстоянии 100–250 км от регионального центра, в 2000-е гг. значимость центро-периферийных градиентов для этих городов усилилась и миграционный прирост аккумулировался в центральной зоне. Одновременно малые города, расположенные на расстоянии свыше 250 км от региональных центров, стали показывать устойчивую миграционную убыль.

Схожие тенденции наблюдаются и для средних и крупных городов. Отличий от малых городов два:

1) стягивание миграционного прироста в центральной зоне началось раньше, оно было заметно уже в 1996–2000 гг.

2) города, расположенные на расстоянии 100–250 км от центра, чувствовали себя лучше, чем те, что отдалены от региональных столиц на 50–100 км. Впрочем, и для них – чем дальше, тем значимее становится «центральность», которая в российском варианте стала одновременно центральностью, институциональностью и агломерированностью. В 2011 г. у средних и крупных городов весь миграционный прирост концентрировался в близлежащих к центру городах, а всё, что удалено на расстояние больше 100 км, миграционно мелело.

Для группы крупнейших городов (которые в основном являются одновременно центрами своих регионов), стягивание миграционного прироста было характерно в течение всего рассматриваемого периода.

В итоге, чем выше людность городов, тем выше значимость миграционного прироста в качестве компенсатора естественной убыли. Для малых городов – это 22%, для крупнейших – почти 65% (табл. 5). Миграция ощутимо и многосторонне, через воздействие на возрастную структуру населения, рождаемость, отчасти и смертность, влияет на самочувствие российских городов. Одним дает возможность приостановить падение, для других – является полноценным «вторым руслом». Малым и средним городам трудно было всегда. В 2000-е гг. центростремительность усилилась и этим городам, если только они не обладатели четырех «не» (не на «русском»

[3] Вопрос о влиянии на рождаемость миграции подробно обсуждается в работе С.В.Захарова и С.В.Суркова [2].

Таблица 5

Естественная убыль и миграционный прирост в городах разной людности, суммарно за 1991–2011 гг.

Людность городов, тыс. чел.	Естественная убыль, тыс. чел.	Миграционный прирост, тыс. чел.	Замещение естественной убыли миграционным приростом, %
до 19,9	-531,5	116,5	21,9
20–49,9	-1066,2	594,2	55,7
50–99,9	-1077,7	530,2	49,2
100–249,9	-1110,4	590,9	53,2
свыше 250	-4604,5	2978,4	64,7

Рассчитано по данным базы «Экономика городов России» статистического портала «Мультистат»

юге, не экспортнодобывающие, не в пределах агломераций, не «этнически окрашенные»), мигрантов хватать перестало из-за снижения внешней миграции и появления конкуренции за внутренних мигрантов. Произошло расслоение городов. «Близкие к столицам удерживали миграционный прирост на стабильном уровне, а города внутрирегиональной периферии сократили баланс до нуля, а потом – до отрицательных значений. В миграционном плане они окончательно сблизились с сельской местностью» [10, с. 427].

Каковы причины наблюдаемой концентрации и каковы её же последствия? Перечислим некоторые, наиболее очевидные:

- низкая инфраструктурная насыщенность, ведущая при депопуляции к общей разреженности пространства и движению пространства не в сторону «мозаичности», как в Европе, а скорее «лоскутности», фрагментарности [16];
- незрелость городской системы, в которой сохраняется множество некомфортных для жизни недогородов, дробность городской сети, сочетаемая с наличием, как правило, одного крупного городского центра, «дачеизация» вместо западной субурбанизации;
- радиальный рисунок транспортной сети, который, даже независимо от качества коммуникаций, дает неоспоримые преимущества пригородным территориям;
- гиперцентрализация власти и ресурсов на всех уровнях; усиление территориальной концентрации производства;
- слабое использование потенциала глобальной экономики и хозяйственной диверсификации в отдаленных малых и средних городах, бюрократизированность в построении «мелкой индивидуальной экономики»; «убитая» в советское время тяга населения к экономической инициативе;
- рост мобильности населения, при которой люди хотят жить там, где им комфортнее (есть работа, до которой относительно недалеко добираться, разнообразнее досуг, больше возможностей для самореализации и получения услуг). В нынешних российских условиях – это крупные города и территории близ них.

Библиографический список

1. Город и деревня в европейской России: сто лет перемен: Монографический сборник. – М.: ОГИ, 2001. – 560 с.
2. Захаров С.В., Сурков С.В. Миграция и рождаемость в России // Интернет-еженедельник «Демоскоп Weekly». – 2009. Ч. 1. – № 399–400. http://demoscope.ru/weekly/2009/0399/tema01.php. Ч. 2. – № 401–402. http://demoscope.ru/weekly/2009/0401/tema02.php
3. Зубаревич Н.В. Регионы России: неравенство, кризис, модернизация. – М.: Независимый институт социальной политики, 2010. – 160 с.
4. Зубаревич Е.В. Россия регионов: в каком социальном пространстве мы живем? Независимый институт социальной политики. – М.: Поматур. 2005. – 278 с.
5. Карачурина Л.Б., Мкртчян Н.В. Изменение численности населения административных районов и городов России (1989–2010): центро-периферийные соотношения // Вопросы географии. Сб. 135: География населения и социальная география / Отв. Редактор А.И.Алексеев, А.А.Ткаченко. – М.: ИД «Кодекс», 2013. – С. 82–107.
6. Карачурина Л.Б., Полян П.М. Вектор урбанизационного процесса // Население России в XX веке: исторические очерки. 1991–2000 гг. – Т. 3. – Кн. 3. – М.: РОССПЭН, 2012. – С. 20–53.

7. Лаппо Г.М. Города России. Взгляд географа. – М.: Новый хронограф, 2012. – 504 с.
8. Махрова А.Г., Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И. Московская область сегодня и завтра: тенденции и перспективы пространственного развития. – М.: Новый хронограф, 2008. – 344 с.
9. Мкртчян Н.В. Миграция как компонент динамики населения регионов России: оценка на основе данных переписи населения 2010 года // Известия РАН. Серия географическая. – 2011. – № 5. – С. 28–41.
10. Мкртчян Н.В. Миграционный баланс российских городов: к вопросу о влиянии размера положения в системе центро-периферийных отношений // Научные труды: ИНП РАН / Гл. ред. А.Г. Коровкин. – М.: МАКС Пресс, 2011. – С. 416–430.
11. Нефедова Т.Г. Костромская периферия в фокусе проблем периферийных районов России // Угорский проект: экология и люди Ближнего Севера / Ред. Покровский Н.Е. – М.: Сообщество профессиональных социологов, 2010. – С. 40–69.
12. Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И. Города и веси: поляризованное пространство России // Интернет-еженедельник «Демоскоп Weekly». – 2010. – № 437–438. http: // demoscope.ru/weekly/2010/0437/index.php
13. Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И. Теория «дифференциальной урбанизации» и иерархия городов в России на рубеже XXI века // Проблемы урбанизации на рубеже веков / Отв. ред. А.Г. Махрова. – Смоленск: Ойкумена, 2002. – С. 71–86.
14. Покровский Н.Е. Перспективы российского Севера: сельские сообщества // Мир России: Социология, этнология. – 2008. – Т. 17. – № 4. – С. 111–134.
15. Фукс Л.Е. Расселение в Западной Сибири: Самоорганизация и управление. Итоги и проблемы. – Новосибирск: Издательство ПРО: Агентство «Сибпринт», 2003. – 216 с.
16. Borsdorf A., Salet W., 2007. Spatial reconfiguration and problems of governance in urban regions of Europe: An introduction to the Belgeo issue on advanced service sectors in European urban regions. – Belgeo. № 1. – p. 3–14.
17. Ioffe, G. and Z. Zayonchkovskaya, 2011. People in transition: spatial shifts in population within the Moskow region /National Council for Eurasian and East European Research. University of Washigton. 45 p. http://www.ucis.pitt.edu/nceeer/2011_824-05g_Ioffe.pdf.

Калинина И.В. (Биробиджан)

ИЗМЕНЕНИЕ ФУНКЦИЙ СЕЛЬСКИХ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ НА РУБЕЖЕ XX–XIX ВЕКОВ (НА ПРИМЕРЕ ЕВРЕЙСКОЙ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ)*

Kalinina I.V.

CHANGING OF FUNCTIONS OF RURAL SETTLEMENTS IN THE TURN OF THE CENTURY XX–XIX (ON EXAMPLE OF JEWISH AUTONOMOUS REGION)

Аннотация. *Предложена функциональная типология, учитывающая современные особенности занятости сельского населения. Рассмотрено изменение производственной функций сельских населенных пунктов Еврейской автономной области за последние два десятилетия.*

Abstract. *We propose a functional typology, taking into account the modern features of rural employment. The change in the production functions of rural settlements of the Jewish Autonomous Region over the last two decades.*

Ключевые слова: *трансформация, сельские населенные пункты, сельская местность.*
Keywords: *transformation, rural settlements, rural area.*

Введение. Сельская местность – это сложная социально-экономическая система, элементы которой взаимодействуют между собой и с внешними системами. Как и любой элемент системы, сельский населенный пункт выполняет различные функции, причем несколько одновременно. Количество и качество функций пункта определяет его устойчивость в изменяющихся социально-экономических условиях, смена которых, в свою очередь, влечет трансформацию его функций, а зачастую статуса и благосостояния жителей.

Подходы географов-руралистов в отношении функций до некоторой степени условно разделены на две части. Во-первых,

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, грант № 13-12-79001 а(р) «Закономерности эволюции социально-экономической системы развивающегося региона с позиций синергетики (на примере Еврейской автономной области)».

изучаются функции собственно сельских населенных пунктов, в этом случае основным показателем является структура занятости населения по видам деятельности [Ковалев, 1963; Булаев, Федотова, 2000; Огарков, 2002; Морозова и др., 2004]. Во-вторых, говорят о функциях сельской местности, как целостного территориального образования, показателями которого является не только занятость, но и деятельность населения, условия и предпосылки развития функций (благоприятные природные условия, интересное историческое прошлое и пр.) [Заславская, Рывкина, 1980; Горячено, 1986; Алексеев, 1989; Костяев, Чистобаев, 1995; Артамонов и др., 2005; Логинова, 2005; Махоткина, 2007; Третьякова, 2008].

Хочется отметить, что для более эффективного анализа местности необходим комплексный подход: при характеристике сельских населенных пунктов следует учитывать также и функции сельской местности, поскольку, при отсутствии в населенном пункте, но наличии предпосылок к появлению, связанных с условиями и особенностями местности, развитие функции возможно, и, наоборот.

В Концепции устойчивого развития сельских территорий, подготовленной Министерством сельского хозяйства РФ в 2010 г., среди функций села выделяются: производственная, демографическая, трудоресурсная, жилищная, пространственно-коммуникационная функции и социальный контроль над сельской территорией [3]. Несмотря на большое количество функций, одной из ведущих является производственная, отвечающая за обеспечение жителей рабочими местами, а также продуктами и товарами собственного производства, обусловливающая жизнеспособность населенного пункта. К производственной функции сельского населенного пункта относятся сельское хозяйство, промышленность, сфера платных и бесплатных услуг, управление и пр.

Данная статья посвящена изучению изменений функций сельских населенных пунктов. На примере Еврейской автономной области (ЕАО) показана трансформация производственной функции сельских населенных пунктов за последние два десятилетия.

Функциональные типы сельских населенных пунктов. Для определения функционального типа сельского населенного пункта важным критерием служит структура занятых по отраслям экономики. В середине XX в. для подобной характеристики села С.А. Ковалевым была разработана типология, основанная на преобладающей занятости населения: 1) в сельском хозяйстве; 2) в лесном хозяйстве; 3) на транспорте; 4) в промышленности; 5) в сельском хозяйстве и в промышленности одновременно (в разные сезоны года в одном населенном пункте); 6) в учреждениях (хозяйственных, административных, культурных, медицинских, торговых), обслуживающих помимо собственного населения другие населенные пункты района; 7) в различных учреждениях, обслуживающих временное население, прибывающее в данный населенный пункт для отдыха, лечения [2].

В Западной Европе в начале XX века, а в восточноевропейских странах, например в Венгрии в 1970-х годах, с развитием индустриализации и постиндустриализации сельское хозяйство потеряло первенство в обеспечении источника занятости населения в сельской местности. Это послужило стимулом к «разработке комплексного подхода к развитию, который учитывал бы каждую из возрастающего числа отраслей хозяйства, представленных в сельской местности» [7, с. 135]. В России до 1990-х годов сельское хозяйство главенствовало в структуре занятого сельского населения, однако уже с 1970–1980-х гг. отмечается улучшение социальной инфраструктуры и, как следствие, появление новых функций. В это время активизировались маятниковые миграции, что также наметило дальнейшее изменение занятости сельских жителей. Социально-политические и экономические преобразования конца XX в. привели к сокращению коллективных сельскохозяйственных предприятий, появлению большого количества незанятых, снижению уровня доходов сельского населения и увеличению роли личных подсобных хозяйств (ЛПХ).

В изменившихся условиях выделенные Ковалевым группы (1–7) не отражают сложившейся ситуации, в связи с чем, были выделены следующие типы сельского населения:

8) самозанятые в ЛПХ [5];

9) самозанятые вне ЛПХ (в торговле, строительстве, транспорте, услугах, охотой, рыбалкой и собирательством даров леса и пр.);

10) занятые за пределами своего населенного пункта (маятниковые трудовые мигранты, вахтовики, отходники [1]);

11) не занятые производственной деятельностью: а) официальные и неофициальные безработные, б) не желающие работать.

Преобладание отдельных групп населения в сельском пункте формирует его функциональный тип. Доминирование одной из групп населения свидетельствует о монофункциональности поселения. Во время создания типологии С.А. Ковалевым, при плановом хозяйстве, можно было достаточно четко выделять монопоселения, поскольку практически все жители конкретного села были заняты одним видом деятельности. Так, в ЕАО выделялись села животноводческого или растениеводческого направления (с. Партизанское Смидовичского района, где располагалась птицефабрика или с. Дубовое, где выращивали овощи и картофель). В настоящее время, наличие главенствующей функции не свидетельствует о ее значительном преимуществе: если отличие между доминирующими видами занятости невелико, то следует говорить о преобладании нескольких функций, а о монофункциональности только в редких случаях.

Сочетание нескольких групп создает полифункциональные населенные пункты. Наличие промышленных предприятий, разнообразных объектов социальной инфраструктуры, административных учреждений формируют благоприятные условия жизни населения и способствуют развитию сельского населенного пункта, его жизнестойкости, которая в случае утери пунктом одной из функций, ослабевает. Так, село Бирофельд еще десять лет назад являлось центральным для своей администрации. Здесь функционировал совхоз, в котором работало более 500 человек, была развита социальная инфраструктура. В настоящее время совхоз не работает, а количество объектов инфраструктуры сократилось почти втрое. Однако численность населения незначительно увеличилась, за счет сохранения административных функций и миграций из соседних сел (с. Алексеевка), потерявших более 50% своих жителей.

В удаленных от центра поселениях организации здравоохранения, административного или образовательного типа выступают «градообразующими» и не потому что там занято большинство населения, а потому что они зачастую единственные в пункте. Это видно на примере с. Ручейки Октябрьского района, в котором до 2010 г. существовала школа (до 2009 г. основная, после начальная), дававшая рабочие места местным жителям и образование их детям. Однако после ее закрытия около 20% населения покинуло село.

За полстолетия существования функциональной типологии сельских пунктов дифференцировалась занятость сельского населения. Возникла самозанятость (официальная и неофициальная), появились услуги, оказываемые сельскими жителями в сельских пунктах (парикмахерские, косметические салоны, швейные мастерские, такси и пр.), усилилась возвратная миграция, отходничество. Одним из положительных моментов можно считать развитие услуг населению практически в каждом сельском пункте (другая сторона – они не всегда качественные, но это уже вопрос образования и профессионализма человека, организующего «сельский бизнес»), а их отсутствие является мощным стимулом для миграции населения. Данные изменения были учтены, и предложены следующие типы сельских населенных пунктов, выделенные на основе некоторых параметров (наличие и количество предприятий и гос.учреждений, занятость населения, ее формы, виды и география (размещении в собственном сельском пункте или за его пределами)):

1) с населением, официально занятым в экономике в месте проживания: а) в сельском хозяйстве; б) в промышленности, лесном хозяйстве, строительстве, транспорте, рекреационном обслуживании; в) в социальной сфере, торговле, управлении, сфере платных услуг.

2) с населением, официально занятым в экономике за пределами своего населенного пункта: а) маятниковые трудовые мигранты; б) работающие вахтовым способом; в) отходники.

3) с населением, среди занятий которого преобладает самозанятость как в месте проживания, так и за его пределами: а) только в ЛПХ; б) в других сферах (в торговле, строительстве, транспорте, услугах, занятые охотой, рыбалкой, собирательством даров леса и пр.).

4) с населением незанятым производственной деятельностью: а) зарегистрированные и незарегистрированные безработные; б) не желающие работать (в том числе и в ЛПХ).

В населенных пунктах первых трех типов жители, как правило, заняты и в ЛПХ – как в виде основной занятости, так и дополнительной. Значительная часть населения пунктов четвертого типа ничем не занята и не желает ничем заниматься, что приводит к появлению сел «спален» (подробнее расскажем ниже).

В современных условиях к сельскохозяйственным сельским населенным пунктам следует отнести пункты, хозяйственная деятельность населения которых связана с сельским хозяйством как коллективных, так и индивидуальных форм (крестьянско-фермерские хозяйства (КФХ), ЛПХ), а также с заготовкой недревесных, охотничьих и рыбных ресурсов [4]. По мнению Т.Г. Нефедовой занятия в ЛПХ есть в каждом сельском пункте, даже если там осталось всего несколько пенсионеров. Но, наши исследования показывают, что в ЕАО далеко не во всех сельских пунктах жители ведут «хозяйство». В селах, где нет официальной занятости (Икура, Урми, Союзное и др.) или где располагаются только отдельные государственные учреждения (Русская Поляна, Горное, Башмак и др.) значительная часть населения не хочет заниматься даже личным хозяйством. Конечно, говорить о том, что все жители отказываются вести подсобное хозяйство, не приходится, но подавляющее большинство не работающих, отличающихся девиантным поведением, не желает трудиться на земле, предпочитая жить на пособия от государства и случайных заработках. В этом случае, можно говорить о появлении «спальной» функции сельских населенных пунктов и сел-спален. Однако, в отличие от поселков-спален, появившихся в советское время и располагавшихся в пригородах, где население фактически только ночевало, а работало в городе, села-спальни представляют собой пункты, удаленные от городских поселений и районных центров, в которых значительная часть населения практически ничем не занята и особо не желает ничем заниматься. Ярким примером может служить село Алексеевка, где некоторая часть жителей занята в фермерском хозяйстве, организованном местным предприимчивым жителем, они же ведут и личное хозяйство, а остальные нигде не работают.

Отдельно хочется сказать о разнице между товарными и нетоварными ЛПХ в ЕАО. Возможно, товарные личные хозяйства и следует относить к сельскохозяйственной деятельности. Однако в области нетоварное ЛПХ, обеспечивающее только нужды домохозяйства в продуктах питания и нелегальная заготовка недревесных, охотничьих и рыбных ресурсов, имеют свою специфику и могут быть отнесены к сельскохозяйственной деятельности с оговорками, одна из которых следующая: ЛПХ, как вид занятости, отличается от официальной занятости тем, что с данной деятельности не платятся налоги и пенсионные отчисления (за исключением добровольной накопительной части), об этом в своих исследованиях упоминает и З.И. Калугина [1].

К несельскохозяйственным типам сельских населенных пунктов в настоящее время (как и во время Ковалева) следует отнести: выполняющие рекреационные функции (населенные пункты при пансионатах, туристических базах, и др., а также пункты, где жилье сдается в наем для рекреационных целей); дачные поселки и загородные жилые поселки. Значительная часть населения данных населенных пунктов проживает в них сезонно. Последний тип сельских населенных пунктов распространен в ближней пригородной зоне крупных городов. Он образует своеобразные «жилые филиалы» города [4]. В конце 2000-х годов появилось понятие дальние дачи, расположенные от крупных городов (Москва, Санкт-Петербург) на расстоянии 300–600 км [6]. Однако для территории ЕАО дальние дачи не актуальны, поскольку, во-первых, зачастую сложно сохранить от разорения и вандализма даже дачу, расположенную вблизи места постоянного проживания, а во-вторых, на расстоянии 300–600 км от сельского населенного пункта на Дальнем Востоке могут отсутствовать не только пути сообщения, но и, собственно, населенные пункты.

Примером несельскохозяйственного населенного пункта также может служить административный муниципальный центр района, в котором концентрируются и административные, и производственные, и социальные функции. Примером таких поселений в ЕАО выступают районные центры – села Амурзет, Ленинское, где проживает 5051 и 6109 чел. соответственно. Эти села по своей сути являются переходными между городскими и сельскими пунктами, привлекая жителей соседних сел, поскольку обладают «городскими» условиями жизни (многоэтажная застройка, частичное обеспечение канализацией и водопроводом, наличие объектов

здравоохранения, образования и культуры и пр.) и в то же время, сохраняют сельские льготы (коммунальные платежи, сокращенный рабочий день для женщин и пр.).

Центр сельского поселения, как и районный центр, но в меньшем объеме, выполняет административные и социальные функции, но он менее устойчив, поскольку изменение сетки муниципальных образований может лишить данный сельский населенный пункт его функций, а значит ухудшить его жизнестойкость. В качестве примера могут служить села Благословенное Октябрьского района, Двуречье Облученского района, которые являлись центральными селами, а после 2003 г. вошли в состав поселений, потеряв центральные функции, что явилось причиной сокращения в них объектов соц. инфраструктуры и потери 1/4 населения.

В агроиндустриальных населенных пунктах сельской местности население, занято как в сельском хозяйстве (личное (КФХ, ЛПХ) и коллективное (сельскохозяйственные организации)), так и других сферах (промышленности, услугах). Можно выделить несколько типов данных населенных пунктов: с предприятиями по переработке сельскохозяйственной продукции; с организациями сферы услуг; с предприятиями разных отраслей занятости, использующими привозные или местные минерально-сырьевые ресурсы. К сожалению, для ЕАО это, в основном, пункты с сельским хозяйством (как правило, ЛПХ и КФХ) и сферой услуг (школы, социокультурные центры, ФАПы или отделения почты). Примерами могут служить села Полевое, Благословенное, Песчаное и многие другие в которых расположены один, в лучшем случае, два объекта социальной инфраструктуры, личные хозяйства, КФХ.

Однако в ЕАО есть агроиндустриальные села, в которых развита и промышленность, но это села иного типа – пригородные, где часть жителей занята в населенном пункте, другая часть работает в ближайшем городе (Биробиджан, Облучье, Хабаровск). Примером могут быть села им. Тельмана, Волочаевка-1, Птичник и др.

Трансформация функций сельских населенных пунктов и сельской местности ЕАО. Для анализа трансформации производственных функций сельских населенных пунктов ЕАО были проведены их типологии на 1990 и 2008 гг. Использовалась статистическая информация о предприятиях и организациях, расположенных в сельских населенных пунктах области: общее количество и средний размер по числу занятых. Были учтены все зарегистрированные организации и предприятия, способные предоставить рабочие места, и ЛПХ, в которых трудится более половины сельских жителей области. Функциональные типы были выделены в соответствии с видами занятости населения, которые определялись составом предприятий всех форм собственности (с учетом отраслевой принадлежности) и количеством ЛПХ (с учетом показателей их деятельности), зарегистрированных в каждом населенном пункте, удаленностью от административного центра, людностью.

В результате было выделено шесть функциональных типов сельских населенных пунктов ЕАО (рис. 1). К аграрному типу (I) относятся, как правило, небольшие пункты с населением менее 100 чел., которое занято сельским хозяйством в крестьянских фермерских хозяйствах (КФХ) или коллективных сельскохозяйственных организациях. Эти населенные пункты не имеют объектов социальной инфраструктуры; торговое обслуживание осуществляется индивидуальными предпринимателями. Как правило, они удалены от центров районов (на 30–100 км).

К аграрно-сервисному типу (II) относится наибольшее количество сельских населенных пунктов. В этот тип входят пункты различной людности (как мелкие, так и крупные), большая часть – с числом жителей от 200 до 2000 чел. В них размещаются объекты социальной инфраструктуры, сферы платных услуг, сельскохозяйственные предприятия, КФХ.

Для индустриально-сервисного типа (III) характерны населенные пункты с численностью населения 200–800 чел., расположенные вблизи административных центров районов, имеющие некоторые объекты социальной инфраструктуры (здравоохранения, образования, транспорта и др.) и промышленные предприятия, вынесенные из центров.

К аграрно-сервисно-индустриальному типу (IV) относятся наиболее крупные сельские населенные пункты, с численностью жителей 700–6000 чел., имеющие статус поселенческого или районного центра. Возможности занятости для населения здесь наиболее разнообразны, поскольку развита

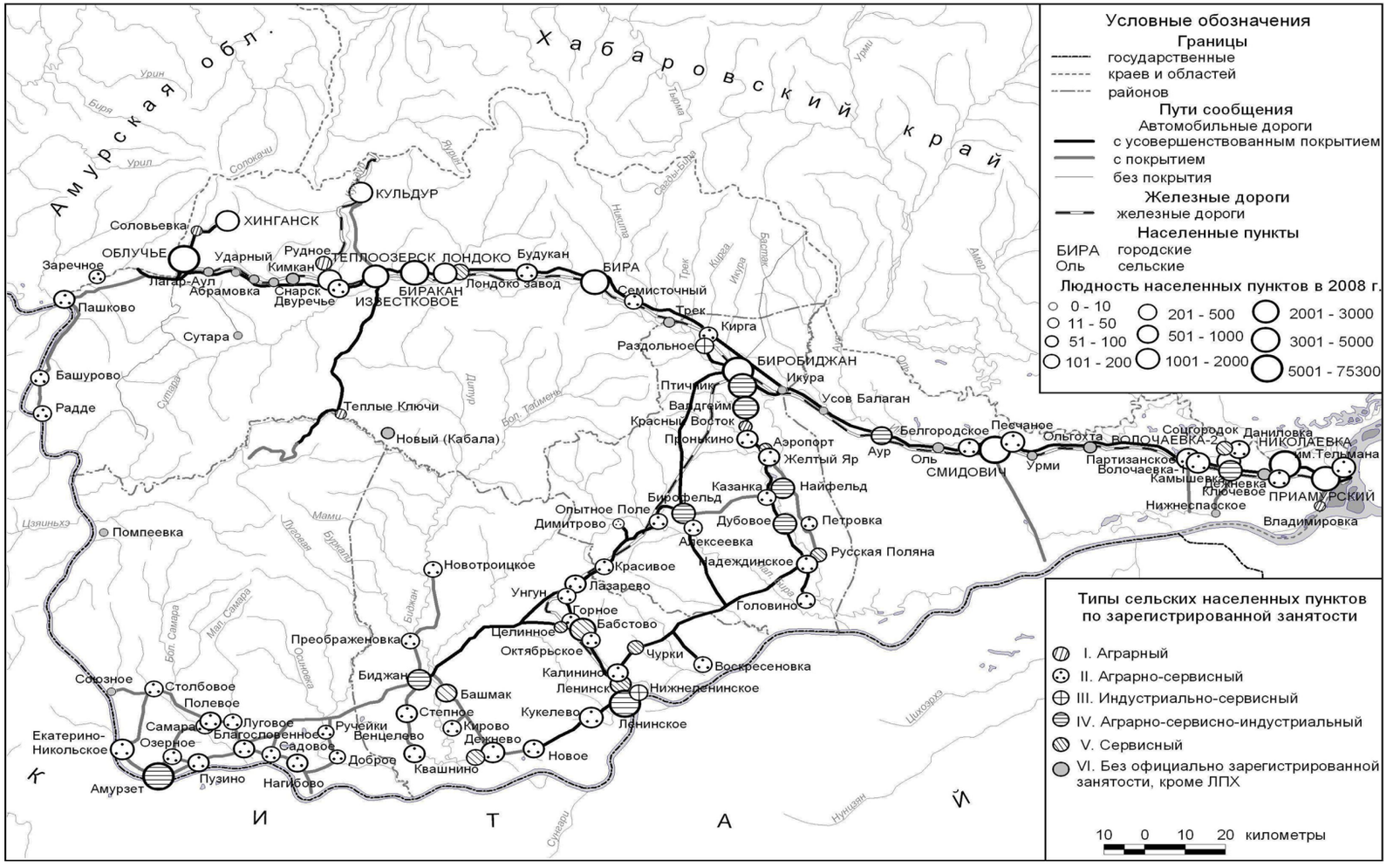


Рис. 1. Функциональные типы сельских населенных пунктов ЕАО в 2008 г.

социальная инфраструктура, сфера управления и платных услуг.

К сервисному типу (V) относятся населенные пункты среднего размера с численностью жителей от 200 до 1200 чел. В советское время во многих из них работали промышленные предприятия, наиболее крупные пункты были центральными усадьбами колхозов и совхозов, поэтому в них размещались организации социальной сферы. После кризиса 1990-х годов этим пунктам было особенно сложно адаптироваться к изменяющимся условиям в связи с бедственным положением объектов социальной инфраструктуры, которые раньше содержались на балансе сельскохозяйственных и других предприятий, прекративших свое существование.

Тип сельских населенных пунктов без официально зарегистрированной занятости, кроме ЛПХ, (VI) представлен небольшими населенными пунктами с численностью жителей до 100 чел., в основном 11–50 чел., быстро теряющими население в состоянии социального кризиса. Частично они утратили свои производственные функции еще в советское время, часть их жителей переехала в более крупные населенные пункты. Большая часть данного типа располагается около железной дороги, что обусловливает возможность работы в других населенных пунктах вахтовым методом или отходничеством. Оставшееся население занято в ЛПХ и других сферах и теми, кто живет на пособия и даже не содержит ЛПХ. Здесь развивается алкоголизм и наркомания, что приводит к деградации населения.

Из таблицы видно, что за последние 20 лет произошло изменение соотношения выделенных типов сельских населенных пунктов. В 1990 г. самыми распространенными были II и V типы, к которым относилось 2/3 сельских населенных пунктов, а также VI тип. К 2008 г. увеличение во II типе числа пунктов до половины от их общего количества и сокращение их в V типе связано с развитием фермерского движения в области. Как правило, в данных населенных пунктах располагалось до трех-четырех КФХ, что для области стандартно, поскольку более 50% фермеров зарегистрировано в г. Биробиджан, и пригородных пунктах Валдгейм, Наифельд и др.

Как упоминалось, практически во всех сельских населенных пунктах области население занимается ЛПХ (в 2008 г. было официально зарегистрировано 35,86 тыс. хозяйств). Подавляющая часть хозяйств населения не являются товарными и только обеспечивают семьи продуктами питания, не принося дохода. Размеры ЛПХ в области невелики: на одно хозяйство приходится 2,1 чел. занятых, посевных площадей – 0,24 га, КРС – 0,45 голов; около 6% ЛПХ не производят никакой продукции или заброшены. Показатели ЛПХ сильно дифференцированы по районам и поселениям, например, на одно хозяйство в Биробиджанском районе приходится 0,36 га посевных площадей, а в Смидовичском – 0,13 га. Хотя ЛПХ распространены повсеместно, в пунктах разных функциональных типов их значимость разная, в частности, там, где имеется другая занятость, население тратит меньше времени на работу в своем хозяйстве, где другой занятости нет – больше; поэтому ЛПХ отдельно выделены только в VI типе.

Представленная здесь функциональная типология сельских населенных пунктов ЕАО, по существу, отражает только отраслевую структуру занятости населения. Такие параметры, как самозанятость, география занятости, принимаются во внимание в качестве дополнительных характеристик того или иного типа. Для включения их в анализ наравне с официально зарегистрированной занятостью необходимо проведение более глубоких опросов населения и интервью с главами муниципальных образований.

На основе экспертных оценок, построенных на материалах опросов и бесед в администрациях муниципальных образований (поселений и районов), оказалось возможным, в качестве примеров, отнести отдельные населенные пункты ЕАО в соответствии с типологией, предложенной выше:

Таблица

Структура функциональных типов сельских населенных пунктов ЕАО, ед.

Год	I тип	II тип	III тип	IV тип	V тип	VI тип
1990	1	35	4	6	30	23
2008	5	51	2	10	10	21

- с населением, занятым в экономике не в месте проживания, а в других населенных пунктах: а) маятниковые трудовые мигранты – Икура, Белгородское; б) работающие вахтовым способом – Бабстово, Дежневка; в) отходники – Заречное, Ольгохта;
- с населением, среди занятий которого преобладает самозанятость как в месте проживания, так и за его пределами: а) только в ЛПХ – Новый, Союзное; б) в других сферах и дополнительно в ЛПХ для самообеспечения – Кимкан;
- не занятые производственной деятельностью (в том числе и в ЛПХ): а) зарегистрированные безработные – ст. Бабстово; б) не желающие работать – Петровка, Алексеевка.

Трансформация функций сельских населенных пунктов на микроуровне. С целью более глубокого анализа трансформации функций сельских населенных пунктов ЕАО были отобраны 15 сел (по три в каждом районе). Критерием отбора выступали занятость населения, людность населенного пункта (менее 1,5%, 10% и 16% от населения района, исключением был Облученский район), удаленность от районного центра (до 12 км, до 67 км и больше 70 км), размещение относительно р. Амур (один из отобранных населенных пунктов каждого района располагается на берегу Амура). Дополнительная информация была получена интервьюированием глав МО сельских поселений и анкетированием местных жителей.

За последние двадцать лет численность населения данных пунктов сократилась, за исключением населенных пунктов Биробиджанского (Валдгейм) и Смидовичского (Владимировка) районов, что объясняется их близостью к городам. Пункты, наиболее удаленные от районных центров (Степное, Ручейки), потеряли больше населения, чем расположенные вблизи (Партизанское, Нижнеленинское, Благословенное), что подтверждает общероссийские тенденции [6]. Села, близко расположенные к Хабаровску (с. Владимировка), выполняют роль дачных поселков для хабаровчан. Удаленные села Биробиджанского района (в данном случае – Русская Поляна) увеличивают свое население за счет мигрантов из бывших республик Средней Азии. Крупные населенные пункты незначительно сократили численность населения (Валдгейм, Екатерино-Никольское, Биджан и др.), что было связано с большим разнообразием рабочих мест после свертывания колхозов и совхозов (здесь располагались различные предприятия или организации, основной специализацией которых являлись сельское хозяйство, сфера услуг, промышленность (в основном переработка сельскохозяйственной продукции)). Средние и малые сельские населенные пункты, в которых располагались только объекты социальной инфраструктуры и отделения колхозов (села Ручейки, Надеждинское), после свертывания сельскохозяйственной деятельности потеряли больше населения, чем крупные села.

С 1989 по 1999 гг. сократилось среднее число занятых, приходящихся на одно предприятие, например, в Биробиджанском районе более чем на 80%. Это связано с тем, что до 1991 г. в крупных сельских населенных пунктах располагались колхозы и совхозы, в которых работали по 300–600 чел., а в ходе экономических преобразований начала 1990-х гг. данные сельхозпредприятия распались на множество малых, где работали по 5–15 чел. Пункты, в которых находились крупные сельскохозяйственные предприятия (Валдгейм, Надеждинское, Биджан, Степное, Благословенное, Екатерино-Никольское, Ручейки, Пашково и Партизанское), сильнее пострадали от экономических кризисов 1990-х годов. Многие бывшие колхозники стали фермерами, но не все смогли адаптироваться к рыночным условиям, что к 2008 г. привело к уменьшению количества КФХ на 38 ед. (чуть больше 11%).

Во всех 15 населенных пунктах отмечался рост числа предприятий к 1999 г. в основном за счет массовой организации частных предприятий, но к 2008 г. последовало их сокращение. На наш взгляд, значительное влияние на жизнестойкость предприятий оказывали управленческие способности их руководителей по организации производства и менеджменту в изменяющихся рыночных условиях.

В каждом районе области был выбран один сельский населенный пункт, расположенный у Амура (за исключением Биробиджанского района, не имеющего подобных), с целью проследить возможное влияние крупной реки на хозяйственную деятельность на-

селения. В с. Владимировка Смидовичского района расположен рыборазводный завод. При этом здесь отсутствуют объекты социальной инфраструктуры, что лишает село привлекательности для активного населения, а местные жители заняты личным подсобным хозяйством. В Ленинском и Облученском районах (в селах Нижнеленинское и Пашково соответственно) располагаются пункты пропуска через границу в Китай (таможенные переходы), но на данных предприятиях местные жители практически не работают (за исключением технического персонала). В Октябрьском районе жители с. Екатерино-Никольское, распложенного у Амура, заняты в сельском хозяйстве. Но, отсутствие перерабатывающих производств и значительное удаление от рынка сбыта (городов Биробиджан и Хабаровск) приводит к снижению сельскохозяйственного производства. Во всех районах, имеющих выход к Амуру, использование речных ресурсов и даже пляжа для местных жителей в летнее время запрещается в связи с пограничным статусом реки. Следует подчеркнуть, что китайские жители в полной мере пользуются богатствами Амура, и зачастую производят отлов рыбы на нашей стороне, особо не опасаясь пограничников.

Выводы. Смена функций сельских населенных пунктов вследствие социально-политических и экономических преобразований последних 20 лет обусловила необходимость выделения новых функциональных типов сельских пунктов: а) с населением, официально занятым в экономике (с различным сочетанием отраслей, КФХ, ЛПХ); б) с населением, официально не занятым (самозанятым населением в разных сферах; вообще не желающим работать). Функциональный тип сельского населенного пункта определяет его устойчивость.

На территории ЕАО выделено пять типов сельских населенных пунктов, различающихся по набору видов занятости населения. Также выделен тип сельских населенных пунктов без официально зарегистрированной деятельности населения, кроме ЛПХ. Показано, что принадлежность сельских населенных пунктов к типам с течением времени изменяется.

При изучении сельской местности ЕАО на микроуровне были подтверждены общероссийские тенденции: сравнительная стабильность крупных сел (Валдгейм, Партзанское и др.), имеющих выгодное положение относительно областного и районного центров, и ухудшение состояния малых сел (Ручейки, Рудное), удаленных от центральных мест. В лучшем положении находятся пригородные села, однако мелкие села, расположенные на федеральной трассе быстрее теряют население из-за большей доступности миграции.

Библиографический список

1. Калугина З.И. Инверсия сельской занятости: практика и политика // Регион: экономика и социология. – 2012. – № 2 (74). – С.45–67.
2. Ковалев С.А. Сельское расселение (географическое исследование) / Под ред. Ю.Г. Саушкина. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1963. – 371 с.
3. Концепция устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2020 года от 30 ноября 2010 г. № 2136-р.
4. Нефедова Т.Г. Сельская Россия на перепутье: Географические очерки. – М.: Новое издательство, 2003. – 408 с.
5. Нефедова Т.Г. Территориальная организация сельскохозяйственной деятельности в Европейской части современной России / Автореф. дисс. … докт. геогр. наук. – М., 2004. – 46 с.
6. Нефедова Т.Г. Поляризация городов и сельской местности и расширение российской периферии // Региональное развитие и региональная политика России в переходный период. – М.: Изд. МГТУ им. Баумана, 2011. – С. 280–299.
7. Региональное развитие и региональная политика Венгрии и Центрально-Восточной Европы в переходный период / [сост. Д. Хорват, С.С. Артоболевский; пер. с англ.]. – М.: Изд-во МГТУ им. Н.Э. Баумана, 2011. – 279 с.

Кашкина Л.В. (Архангельск)

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ КЛИМАТ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ МОНОПРОФИЛЬНОГО ГОРОДА ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

Kashkina l.V.

SOCIO-PSYCHOLOGICAL CLIMATE OF THE URBAN ENVIRONMENT MAINSTAYS OF THE EUROPEAN NORTH (BASED ON THE SURVEY)

Аннотация: *В анализируются результаты социологического исследования социально-психологического климата городской среды в моногорода, представлена динамика изменений по результатам сравнительного анализа.*

Abstract. *The article presents results of study of social-psychological climate of the city environment monoprofile town with consideration of the peculiarities of this type of settlement and the analysis of the dynamics of its changes on the results of the comparative analysis.*

Ключевые слова: *социально-психологический климат, монопрофильный город, городская среда, социальное самочувствие, социальный оптимизм.*

Keywords: *socio-psychological climate, monoprofile town, city environment, sociological study, social wellbeing, social optimism.*

Формирование социально-психологического климата монопрофильного города, как и любого другого поселения, во многом зависит от особенностей и характера межличностного и межгруппового взаимодействия в пространственно-временных рамках данного типа населенного пункта, а также от уровня благосостояния и восприятия населением условий существования. Однако, следует понимать, что монопрофильный город существенно отличается от других населенных пунктов тем, что является особым типом городского поселения, который характеризуется единством города и градообразующего предприятия, а также моноцентричным характером экономики [1]. Феномен монопрофильных городов состоит в том, что они достаточно быстро могут превратиться из социально благополучных, профицитных поселений в кризисные и убыточные. Этому способствуют множество негативных факторов и специфических проблем, присущих именно монопрофильным городам. Среди них – зависимость от градообразующего предприятия, удаленность от крупных населенных пунктов, низкая диверсификация сфер занятости населения, неразвитость или отсутствие городской инфраструктуры.

Для исследования социально-психологического климата городской среды монопрофильного города была разработана анкета, состоящая из вопросов, связанных с оценкой населением восприятия собственного положения, внутреннего состояния, удовлетворенности различными аспектами жизни, выявление факторов, вызывающих наибольшую тревогу.

Основу эмпирической базы составили данные, полученные в ходе реализации социологического исследования, направленного на изучение социально-психологического климата городской среды монопрофильного города Новодвинск Архангельской области, проведенного по проекту и под руководством автора в июле 2012 г. Анкетный опрос проводился на основе квотной репрезентативной выборки, случайным бесповторным образом, с соблюдением всех условий случайного отбора, численность составила 400 чел., а ошибка не превышает 5%. В числе опрошенных взрослое население от 18 до 90 лет, из них 44% мужчин, 56% женщин. Кроме того, в исследовании был проведен сравнительный анализ, для которого использовались результаты опроса, проведенного в г. Новодвинск в 1998 г. [2].

Анализ удовлетворённости горожан состоянием своего здоровья, представленный в табл. 1, свидетельствует о том, что удовлетворены состоянием своего здоровья 37,5% респондентов, отчасти удовлетворены 34%, таким образом, практически три четверти опрошенных посчитали приемлемым состояние своего здоровья и качество медицинских услуг. Однако одна четвёртая респондентов (25%) оценила состояние своего здоровья

Таблица 1

Удовлетворённость горожан г. Новодвинск состоянием своего здоровья (2012 г.)

	Возраст, лет						
Вопрос: «Как Вы удовлетворены состоянием своего здоровья?»	18–24	25–29	30–39	40–49	50–59	60 и старше	всего
удовлетворен (1)	7,5	5,75	13,5	7,25	1,75	1,75	37,5
удовлетворен отчасти (2)	2,0	2,5	6,0	5,25	12,0	6,25	34,0
не удовлетворен (3)	1,0	1,75	2,5	3,25	4,5	12,0	25,0
затрудняюсь ответить (4)	1,0	1,0	0	0,5	1,0	0	3,5

N = 400 (в %)

Таблица 2

Субъективная оценка здоровья населения, (%)

Вопрос: «Как Вы удовлетворены состоянием своего здоровья?»	1998 г.	2012 г.
удовлетворен	37,0	38,0
удовлетворен отчасти	30,0	34,0
не удовлетворен	27,0	25,0
затрудняюсь ответить	6,0	3,0

N = 400 (в %)

неудовлетворительно, что связано, в первую очередь, с пожилым возрастом лиц, давших такой ответ (60 лет и старше).

Анализ результатов исследований, проводившихся в 1998 г., показал, что большая часть населения (37%) считала себя здоровыми, треть (30%) практически здоровыми. По результатам опроса лишь (27%) горожан считали себя больными, среди которых большинство (56,5%) пожилые люди. Сравнительный анализ результатов исследований 1998 г. и 2012 г. (табл. 2) показал, что субъективная оценка здоровья населения практически осталась на прежнем уровне.

Опыт предыдущих лет показал жителям Новодвинска, что ждать улучшения материальной ситуации не приходится, люди опасаются, как бы не стало ещё хуже. Это существенным образом отразилось на психоэмоциональном состоянии населения. Внутреннее состояние личности определяется не только соматическим здоровьем, но и настроением, испытываемыми чувствами.

Оценивая субъективные чувства (рис. 1), появившиеся за последние 2–3 года, большинство респондентов (46%) обозначили их как «недоверие к властям», 31% – как «усталость», 26% опрошенных лиц испытывают «разочарование» и столько же (26%) – «надежду на лучшее». «Доверие к властям» и «оптимизм» (1% и 8% соответственно) оказались самыми непопулярными вариантами ответов, впрочем, как и «страх» (3%). Недоверие к властям испытывают преимущественно лица старшего поколения, т.к. на продолжении долгого времени они имели возможность оценить работу властей в периоды разных экономических и политических систем.

Сравнительный анализ психоэмоционального состояния респондентов с теми чувствами, которые испытывали жители Архангельской области 18 лет назад (1994 год, А.А. Дрегало и В.И. Ульяновский), показал, что на тот момент ведущими чувствами были обида (30,3%), усталость и безразличие (29,4%), кроме того, безысходность (13%), неуверенность (12,1%), жестокость и агрессивность (9,2%). У большинства опрошенных, состояние собственного положения на тот момент не вызывало оптимизма, а надежда на лучшее была лишь у 23,7% населения.

Таким образом, психоэмоциональный акцент, преобладающий в опросе 1998 г., через 14 лет несколько сместился в область политических чувств, однако усталость и разочарование, усиливающие жестокость и агрессивность среди горожан, до сих пор не покидают жителей г. Новодвинск. Следует отметить, что у населения возросла надежда на лучшее, в связи с этим количество желающих уехать из города в 2012 г., в сравнении с 1998 г. сократилось.

Социологическое исследование (А.А. Дрегало, В.И. Ульяновский) в июле 1994 г. показало, что тогда жители Архангельской области оценивали своё материальное положение как более бедственное, ибо к среднему

Рис. 1. Чувства, появившиеся у жителей г. Новодвинск за последние 2–3 года, %

Таблица 3

Психоэмоциональное состояние населения монопрофильного города

Вопрос: «Какие чувства появились у Вас за последние 2–3 года?»	1998 г.	2012 г.
обида, разочарование	30,3	26,0
усталость	29,4	31,3
безразличие	29,4	10,5
безысходность	14,0	7,8
неуверенность	12,1	12,3
жестокость, агрессивность	9,2	15,0
недоверие к властям	42,5	46,0
надежда на лучшее	23,7	25,8
желание уехать из города	39,0	21,0

N = 400 (в %)
Примечание: в целом больше 100%, т.к. респонденты имели право нескольких вариантов ответов.

уровню достатка отнесли себя лишь 33% респондентов (против 63% в 2012 г.), а каждому пятому денег не хватало даже на покупку продуктов питания (20%). Если уровень дохода «выше среднего» в 1994 г. отмечали лишь 6% респондентов, то в 2012 г. этот процент вырос более чем вдвое (15,5%). Таким образом, можно констатировать, что, несмотря на невысокий уровень благосостояния горожан в целом, в настоящее время отмечается тенденция к увеличению доходов.

Сравнительный анализ с данными социологического опроса 1998 г. (А.А. Дрегало, В.И. Ульяновский) показал, что проблема роста цен на продукты и товары первой необходимости, которая доминировала в 1998 г. (85%), в 2012 г. оказалась на втором месте по степени значимости (63%), низкий уровень дохода, стоявший на втором месте в 1998 г., в 2012 переместился на третье место, проблема трудоустройства практически осталась на прежнем уровне (54% – 1998, 23,5% – 2012), наиболее актуальной проблемой в 2012 г. является неблагоприятная экологическая обстановка (79%).

Респондентам предлагалось сравнить жизнь в России в настоящее время с тем, какой она была 10 лет назад. Опрос показал, что почти половина респондентов (44%) считают, что жизнь стала лучше, 18% не заметили сколь-нибудь значительных различий, 19,5% затруднились дать чёткий ответ. Ответы респондентов напрямую коррелировали с возрастом: улучшение жизни отметили в основном лица от 30 лет и старше.

При оценке удовлетворённости своей жизнью (табл. 4) в целом, 44,3% респондентов отметили, что скорее удовлетворе-

Таблица 4

Удовлетворённость жизнью горожан г. Новодвинск (2012)

	возраст						
Вопрос: «В какой мере Вы удовлетворены жизнью, которую вы ведете сейчас?»	18–24	25–29	30–39	40–49	50–59	60 и старше	всего
полностью удовлетворен	4,75	2,5	1,75	1,25	1,25	1,75	13,25
скорее удовлетворен	4,5	5	13	8,25	8,5	5	44,25
скорее не удовлетворен	1,75	2,25	3,75	3,25	6	7,5	24,5
совершенно не удовлетворен	0	0,25	1,75	1,25	2,25	3,5	9,0
затрудняюсь ответить	0,5	1,0	1,75	2,25	1,25	2,25	9,0

N = 400 (в %)

Таблица 5

Установки населения г. Новодвинск на решение жизненных проблем (2012)

	возраст						
Вопрос: «На кого в решении Ваших проблем Вы надеетесь больше всего»:	18–24	25–29	30–39	40–49	50–59	60 и старше	всего
на государство	0,3	-	1,0	0,5	0,3	1,0	3,0
на помощь благотворительных организаций	-	-	-	-	-	0,3	0,3
на помощь коллектива	0,3	-	0,4	-	-	-	0,7
на свою семью и ближайших родственников	4,0	4,3	2,3	2,8	3,3	5	21,5
только на себя	6,3	6,0	16,8	11,0	11,8	5,3	57,0
ни на кого не надеюсь	0,8	0,8	1,5	2,0	4,0	8,5	18,0

N = 400 (в %)

ны, причём основную массу составили лица 30–39 лет (13%). Преимущественно неудовлетворительной свою жизнь воспринимают 24,5%, в основном лица старшего возраста (50 лет и старше), что связано с низким уровнем пенсионных выплат и невозможностью к самореализации вследствие этого. Полностью удовлетворены своей жизнью на данный момент всего 13,3% жителей г. Новодвинска, причём большая часть – это лица наиболее молодой возрастной категории (18–24 года).

В настоящее время низкий уровень ответственности государства за социально-экономическое благополучие жителей монопрофильных городов приводит к снижению политической активности населения из-за утраты доверия к властям и невозможности повлиять на сложившуюся ситуацию. Половина опрошенных жителей г. Новодвинска склонна полагаться при решении жизненных проблем только на себя (57%), ещё 22% прибегли бы к помощи семьи и ближайших родственников, а 18% заявили, что ни на кого не надеются, таким образом, проявляя недоверие, как социальным институтам, так и ближайшему окружению.

Сравнительный анализ анкетного опроса 1998 г. показал увеличение числа горожан, которые надеются «только на себя» с 52,4% до 57%, и тех граждан, которые уже « ни на кого не надеются» с 9% до 18% (табл. 6). Результаты исследования свидетельствуют о повышении у части населения личной ответственности за собственную жизнь, наряду с увеличением депрессивных тенденций среди определенного количества граждан.

Таким образом, по результатам сравнительного анализа социологических исследований социально-психологического климата городской среды монопрофильного города 1998 г. и 2012 г. можно сделать вывод о том, что субъективная оценка здоровья населения практически осталась на прежнем уровне. Психоэмоциональные состояние горожан оставляет желать лучшего, поскольку негативные чувства усталости и неуверенности по сравнению с исследованием 1998 г. несколько усилились, что в свою очередь способствует усилению агрессивности среди населения. К позитивным изменениям можно отнести увеличение у горожан надежды на лучшее и тенденции к росту уровня благосостояния населения, что возможно, оказало

Таблица 6

Установки населения г. Новодвинск на решение жизненных проблем (%)

Вопрос: «На кого в решении Ваших проблем Вы надеетесь больше всего»:	1998 г.	2012 г.
на государство	6,2	3,0
на помощь благотворительных организаций	0,2	0,3
на помощь коллектива	0,7	0,7
только на себя	52,4	57,0
на свою семью и ближайших родственников	28,7	21,0
ни на кого не надеюсь	9,0	18,0

влияние на уменьшение желающих уехать из города, что, учитывая специфику моногородов, в настоящее время является серьезной проблемой, а также повышение у части населения личной ответственности за собственную жизнь. Это может стать важным фактор для улучшения социально-психологического климата городской среды и социальной адаптации жителей моногородов, поскольку позитивные изменения в монопрофильных городах могут проходить путем преобразования внешней и внутренней среды. Внешние преобразования могут происходить при государственной поддержке на федеральном, региональном и муниципальном уровнях. Внутренние преобразования возможны при активном участии местного населения в решении городских проблем и осознавания степени личной ответственности за свою жизнь, поскольку человеческий фактор имеет высокую значимость, как для улучшения социально-психологического климата городской среды, так и для возрождения монопрофильного города в целом.

Библиографический список

1. Дрегало А.А., Ульяновский В.И. Социология региональных трансформаций: в 2-х тт. Т.1. Региональный социум 1989–1998: от надежды к разочарованию. Монография. – Архангельск: Северный (Арктический) федеральный университет, 2010. – 492 с.
2. Зубаревич Н.В. Крупный бизнес в регионах России: территориальные стратегии развития и социальные интересы. Аналитический доклад / Независимый институт социальной политики. – М: Поматур, 2005.

Кузнецова Т.Ю. (Калининград)

ТЕНДЕНЦИИ И ФАКТОРЫ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ В БАЛТИЙСКОМ РЕГИОНЕ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Kuznetsova T. Yu.

TRENDS AND FACTORS OF GEO-DEMOGRAPHIC DEVELOPMENT IN THE BALTIC REGION: REGIONAL EVALUATION

Аннотация. *Анализируется тенденции демографического развития в Балтийском регионе на национальном и региональном уровне. Исследуются компоненты, определяющие динамику численности населения в различных административно-территориальных единицах, и факторы, оказывающие наиболее существенное влияние на демографические процессы.*

Abstract. *This article analyses trends of demographic development in the Baltic region at the national and regional level. The author examines the elements of population dynamics in different administrative units and that have the most significant impact on demographic processes.*

Ключевые слова: *Балтийский регион, геодемографическое развитие, динамика численности населения, факторы демографического развития.*

Key words: *Baltic region, geo-demographic development, population dynamics, factors of demographic development.*

Исторические особенности развития стран Балтийского региона обусловили значительную неоднородность его территории в политическом, экономическом, культурном отношении.

Государства региона, рыночная экономика которых имеет уже длительную историю развития (Скандинавские станы и Германия), по своему экономическому потенциалу и состоянию социальной сферы значительно превосходят своих восточных соседей (Россию, страны Прибалтики и Польшу), длительное время существовавших в условиях административно-командной системы управления.

В свою очередь, социально-экономическое развитие стран во многом зависит от демографического фактора, который также имеет существенные отличия как в масштабе государств в целом, так и на уровне административно-территориальных единиц.

Целью нашего исследования стали анализ степени дифференциации геодемографического развития в Балтийском регионе на мезорегиональном уровне и выявление основных факторов, влияющих на данную ситуацию.

Темпы воспроизводства населения государств Балтийского макрорегиона значительно ниже среднемировых — численность их населения в период после 1950 г. растет медленнее, чем в среднем в мире, а доля в мировом населении сокращается. За 1950–2010 гг. она снизилась вдвое: с 8,5 до 4,1 % [1]. При этом стоить отметить, что аналогичные тенденции характерны и для всей Европы в целом.

Изменение численности населения по странам макрорегиона проходило неравномерно (рис. 1).

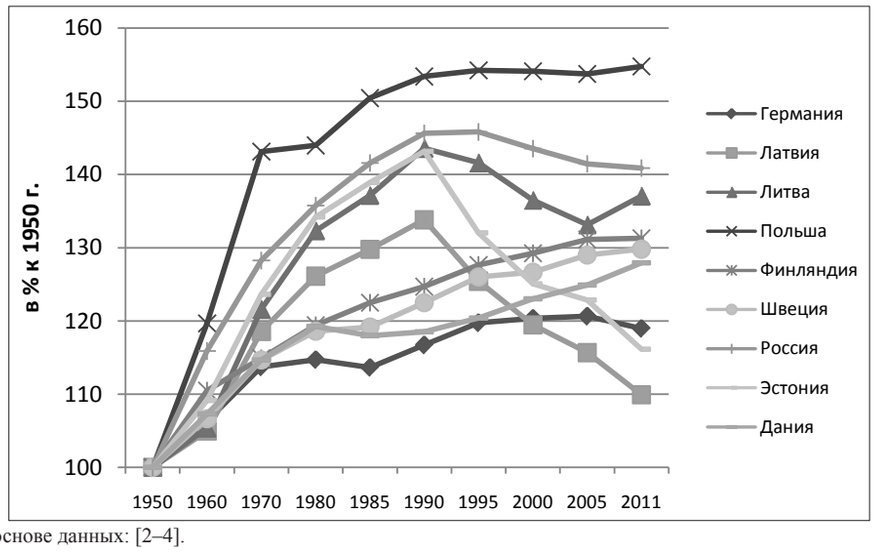
Как видно из рисунка, в странах региона динамика численности населения различается. Для Скандинавских государств характерен стабильный рост числа жителей, в Германии с 2007 г. данный показатель стал сокращаться. В Польше и бывших республиках СССР до 1990 г. отмечался интенсивный рост населения, а затем началось сокращение или стабилизация (в Польше).

Изменение численности населения, как известно, происходит в результате естественного и механического движения населения.

Исторический анализ трансформации процессов рождаемости и смертности в странах региона, проведенный с позиции теории первого и второго демографических переходов, позволяет сделать следующие выводы:

1. Процесс модернизации и связанный с ним переход от традиционного к современному типу общества наиболее активно происходил в Швеции, которая уже в 20-х гг. прошлого столетия вступила в последнюю фазу первого демографического перехода. Германия преодолела данный барьер в 1950-х гг., Финляндия, Дания, Россия, Латвия, Эстония – в 1960-х, Литва – в 1970-х, Польша – в 1980-х.

2. Дальнейшее падение рождаемости привело к началу процесса депопуляции во всех рассматриваемых странах (значе-



На основе данных: [2–4].

Рис. 1. Динамика численности населения стран Балтийского макрорегиона

ние суммарного коэффициента рождаемости варьирует от 1,3 в Польше до 1,9 в Швеции). Данная тенденция объясняется Д. Ван де Каа и Р. Лестагом в концепции второго демографического перехода [5]. По их мнению, с вступлением общества в постиндустриальную фазу развития произошла трансформация системы ценностей: традиции семьи уступили место проблемам карьерного роста, повышения благосостояния и свободе самовыражения. Все это в первую очередь привело к значительному снижению рождаемости.

Миграционные процессы в странах Балтийского региона также существенно различаются. С начала XXI в. Германия, Швеция, Финляндия, Дания и Россия (в том числе и СЗФО) имеют стабильно положительное сальдо миграции. В Польше, Латвии и Литве, напротив, характерен постоянный отток населения. Баланс механического движения населения в Эстонии в рассматриваемый период находился на стабильном уровне, близко к 0. Однако и там в 2012 г. зафиксировано значительное повышение числа выезжающих за рубеж [4].

Комплексный анализ особенностей естественного и миграционного движения населения в странах Балтийского региона позволяет сделать вывод о наличии сходных тенденций демографического развития в группах стран, что обусловлено общностью их исторических судеб и близким уровнем социально-экономического развития.

К первой группе отнесем скандинавские государства с постоянным ростом численности населения, связанным как с естественным, так и миграционным приростом (хотя следует еще раз отметить, что даже для этих стран уже характерен суженый режим воспроизводства населения, т.е. их положение можно охарактеризовать, как *пред*-депопуляционное).

В государствах Прибалтики депопуляционые процессы обусловлены механическим оттоком населения и превышением смертности над рождаемостью. Сокращение абсолютной численности населения идет высокими темпами.

Крупнейшие державы региона Россия и Германия составляют **третью группу**, для которой характерно стабильно положительное сальдо миграции на фоне естественной убыли. Численность населения сокращается.

В Польше число жителей находится на стабильном уровне, несмотря на постоянный механический отток населения. Это объясняется естественным приростом населения, который сохраняется в стране, несмотря на крайне низкий уровень рождаемости, благодаря благоприятной возрастной структуре населения.

Однако показатели демографического развития варьируют не только между странами Балтийского региона, но и внутри его государств. Анализ территориальной дифференциации демографического развития проводился в разрезе административно-тер-

риториальных единиц первого уровня (всего 86 субъектов) в пределах Балтийского региона, включающего территорию стран Прибалтики, Швеции, Финляндии, Дании, земли Шлезвиг–Гольштейн и Мекленбург–Передняя Померания Германии, Поморское, Западно–Поморское и Варминьско–Мазурское воеводства Польши и Калининградскую, Псковскую, Новгородскую, Ленинградскую области, г. Санкт-Петербург России.

Исследование проводилось за пятилетний период (2007–2012 гг.). В основу анализа были положены показатели динамики численности населения (в том числе компонентов изменения), представленных официальными статистическими ресурсами [3; 4].

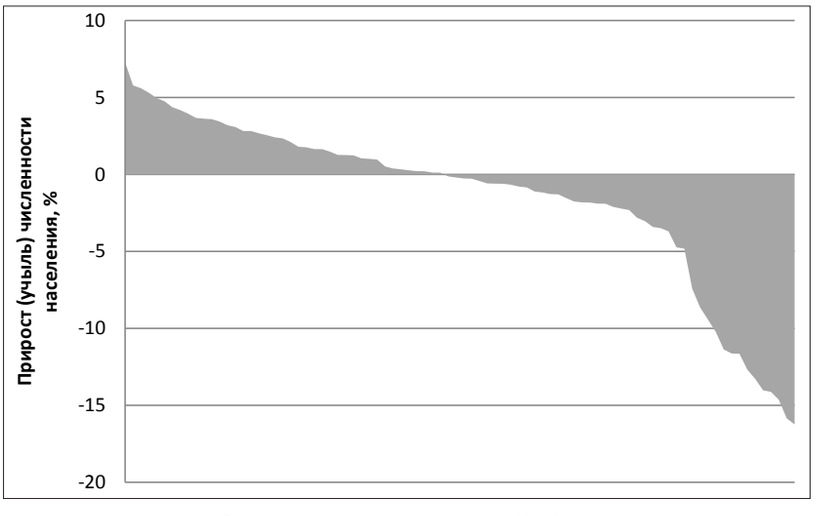
В 41 регионе в период с 2007 по 2012 г. численность населения увеличилась, при этом наиболее интенсивный рост отмечается в столичных регионах Скандинавских государств и близких к ним регионах: лёны Стокгольм и Уппсала (Швеция) – 9,4 и 5,8% соответственно, Хельсинки–Уусима и Аланды (Финляндия) – 5,6 и 5,3%, Столичный регион Дании – 4,8% и географически близкий к нему лён Сконе – 5,8%.

Однако в 45 административно-территориальных единицах число жителей сокращается, при этом, как видно из рисунка 2, амплитуда отрицательной динамики существенно больше, чем положительной. Самая негативная ситуация сложилась в Литве и Латвии. Снижение численности населения происходит во всех территориальных единицах этих стран. В 9 уездах Литвы за пятилетний период количество жителей уменьшилось более чем на 10%.

Следует отметить, что в большинстве регионов с положительной динамикой численности населения (28 из 42) увеличение числа жителей происходит благодаря как естественному, там и миграционному приросту населения. В 10 субъектах положительное сальдо миграции компенсирует естественную убыль. И только в 4 – превышение рождаемости над смертностью обеспечивает положительную динамику численности населения, несмотря на отрицательное сальдо миграции.

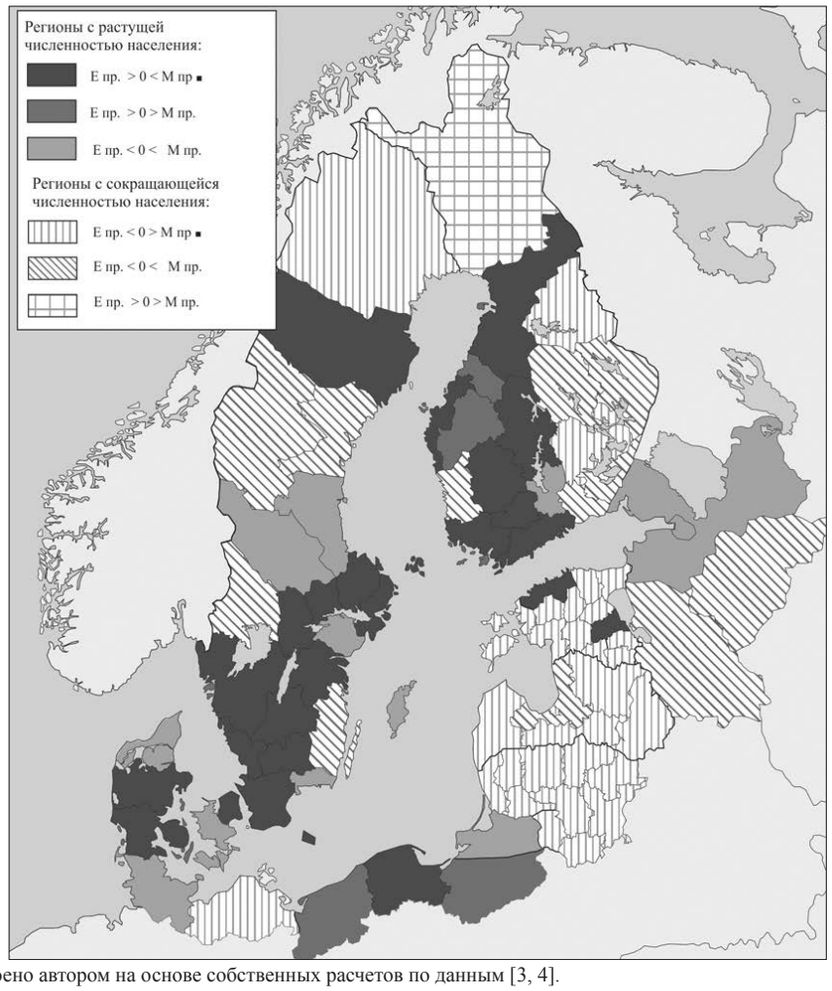
Таким образом, основой демографического роста является именно положительное сальдо миграции, влияние которого на отдельных территориях усиливается естественным приростом населения.

Противоположная ситуация прослеживается в регионах с отрицательной динамикой числа жителей. В 24 регионах (из 44) уменьшение численности населения связано как с естественной, так и механической убылью. В 19 административных единицах потеря населения в результате превышения смертности над рождаемостью частично компенсируется миграцией, и только в Лапландии (Финляндия) снижение числа жи-



Построено автором на основе собственных расчетов по данным [3; 4].

Рис. 2. Распределение динамики численности населения в административно-территориальных единицах Балтийского региона в 2007–2012 гг.



Построено автором на основе собственных расчетов по данным [3, 4].

Рис. 3. Различия динамики населения в регионах Балтийского моря, 2007–2012 гг.

телей происходит, несмотря на имеющий место естественный прирост. Все это свидетельствует о том, что сокращение численности населения связанно с суженным воспроизводством населения (рис. 3).

Группировка регионов по показателям среднего естественного и миграционного прироста за 2007–12 гг. позволяет более детально оценить степень влияния различных компонентов на динамику численности населения в Балтийском регионе (табл. 1).

Характер геодемографического развития территорий обусловлен действием комплекса факторов различной природы. Г.М. Федоров в своих работах выделил следующие группы факторов, оказывающих влияние на геодемографическую обстановку территории: собственно демографические, природно-биологические, социально-экономические, культурные (в том числе этнические и религиозные) и географические [6].

Влияние социально-экономических показателей на процессы рождаемости, смертности и миграции наиболее эффективно может быть оценено посредством анализа корреляционной зависимости величины среднедушевого валового внутреннего продукта и показателей относительного прироста численности населения за пятилетний период. В результате сопоставления данных по 86 административно-территориальным единицам Балтийского региона выявлено наличие существенной взаимосвязи (значение коэффициента корреляции (К. кор) составляет 0,62). При этом анализ уровня корреляции ВВП на душу населения и значений компонентов де-

Таблица 1

Группировка административно-территориальных единиц Балтийского региона по особенностям динамики численности населения, 2007–2012 гг.

Общий коэффициент миграционного прироста, ‰	Общий коэффициент естественного прироста, ‰					
	5 и более	2…5	0 … 2	0… -2	-2… -5	-5 и менее
5 и более	Швеция: лён Стокгольм*	Швеция: лёны Уппсала, Сконе Дания: Столичный регион, Финляндия: области Пирканмаа, Хельсинки-Уусимаа	Швеция: лён Халланд Финляндия: области Канта-Хяме, Аландские острова	Швеция: лён Сёдерманланд Латвия: Пиерига	Россия: Калининградская область, г. Санкт-Петербург	Россия: Ленинградская область
5 …… 2		Дания: Центральная Ютландия, Финляндия: область Похьянмаа	Финляндия: область Варсинайс-Суоми; Швеция: лёны Эстергётланд, Эребру, Вестманланд, Йёнчёпинг, Крунуберг, Вестра-Гёталанд	Финляндия: область Пяйят-Хяме, Швеция: лёны Блекинге, Даларна	Германия: земля Шлезвиг-Гольштейн; Швеция: лён Евлеборг	
2……0	Финляндия: область Похьойс-Похьянмаа	Польша: Поморское воеводство, Эстония: уезды Харью, Тарту	Дания: Южная Дания Финляндия: область Кески-Суоми; Швеция: лён Вестерботтен	Дания: Зеландия Северная Ютландия Швеция: лён Готланд Швеция: лён Вермланд Эстония: уезды Пярну, Рапла	Финляндия: область Кюменлааксо Швеция: лёны Кальмар, Вестерноррланд, Емтланд Эстония: уезды Хийу, Йыгева, Ярва, Лаане, Лаане-Виру, Пылва, Сааре, Валга, Вильянди, Выра	Эстония: уезд Ида-Виру Россия: Новгородская область
0 …… -2		Финляндия: область Кески-Похьянмаа.	Финляндия: область Лапландия Польша: Западно-поморское воеводство	Финляндия: области Сатакунта, Этеля-Карьяла, Похьойс-Карьяла, Похьойс-Саво Швеция: лён Норрботтен Финляндия: области Этеля-Похьянмаа		Россия: Псковская область

Таблица 1. Окончание

-2……..-5			Польша: Варминьско-Мазурское воеводство	Литва: Вильнюсский округ	Германия: земля Меклембург-Передняя Померания Финляндия: области Этеля-Саво, Кайнуу Латвия: Земгале	
- 5 и менее				Литва: Клайпедский, Тяльшяйский округа	Литва: Каунасский, Мариям-польский, Шауляйский, Таурагский уезды Латвия: Курземе, Рига	Литва: Алитусский, Пане-вежский, Утянский округа Латвия: Латгале, Видземе

*Цветом выделены регионы с растущей численностью населения.
Источник: составлено автором на основе данных [3; 4].

мографического баланса в отдельности показывает, что в регионах Балтийского региона естественное движение населения в большей степени обусловлено уровнем социально-экономического развития (К кор. – 0, 63), чем миграция (К кор. – 0,51).

Вариация демографических факторов (таких как возрастная и половая структура населения) не столь значительна, в связи с чем существенного влияния на дифференциацию рождаемости и смертности они не оказывают [2].

Отдельного внимания заслуживает оценка взаимосвязи между характером естественного движения населения и этническим составом территории[1].

Стабильный приток мигрантов в Скандинавских странах и Германии неизбежно влияет на трансформацию этнического состава населения данных государств. Дэвид Коулмен на основе текущих и ожидаемых тенденций предсказывает увеличение в Западной Европе доли выходцев из других стран в первом или втором поколении к середине XXI века от 20 до 30% [8].

Комплексный анализ данного аспекта затруднен по причине различных подходов к сбору и представлению данных по этническому составу населения, а также из-за отсутствия информации о дифференциации демографических процессов по этносам в большинстве государств региона. Однако имеющаяся статистика позволяет рассмотреть влияние данного аспекта отдельно в некоторых странах Балтийского региона.

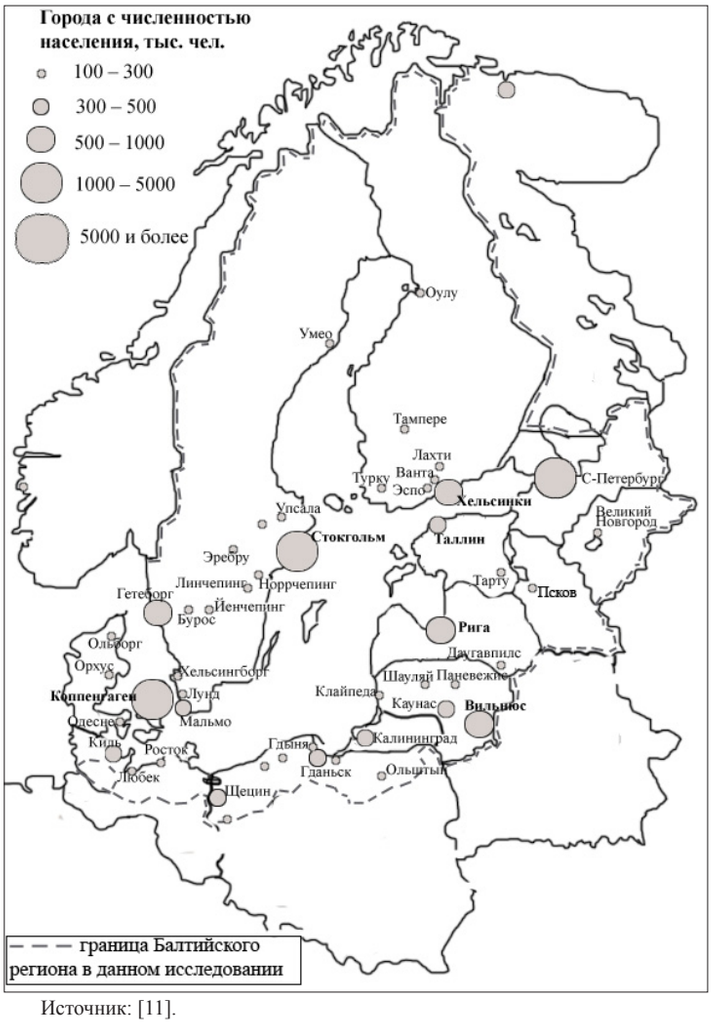
В Швеции доля жителей, рожденных за рубежом, одна из самых высоких в регионе. Свыше 45% [9] из них приехали из стран Азии и Африки, т.е. государств, население который имеет более высокие репродуктивные установки. Корреляционный анализ зависимости значений естественного прироста населения и долей лиц, рожденных в других государствах на уровне лёнов отражает наличие достаточно тесной связи между этими показателями (К кор. 0,78). Согласно прогнозу, рост населения Швеции за ближайшие пятьдесят лет на 20% будет идти в основном за счёт миграции. При этом ожидается, что число лиц, живущих в Швеции, но рождённых от родителей-иностранцев (как в Швеции, так и за ее пределами), увеличится до 33% к 2050 г. [8].

В Дании уровень рождаемости у датчан составил 9,6‰, а у иммигрантов – 19,9‰ (2012 г.) [10].

В Латвии и Эстонии для всех основных проживающих этносов (эстонцы, латыши, русские, украинцы, белорусы) характерна естественная убыль населения [7]. При этом аналогичные показатели рождаемости данные этнические группы демонстрируют и в пределах своих национальных государств.

Таким образом, несмотря на невозможность проведения комплексного сравни-

[1] Важность оценки данного фактора в Балтийском регионе обосновывает С.А. Хрущев [7].



Источник: [11].

Рис. 4. Крупнейшие города Балтийского региона

тельного анализа по всем административно-территориальным единицам Балтийского региона, имеющиеся данные позволяют сделать вывод о существенном влиянии этнического состава населения на его демографические показатели.

Влияние географического фактора на геодемографическую обстановку в Балтийском регионе также немаловажно. В первую очередь стоит отметить наличие территорий, расположенных за полярным кругом – лён Норрботтен (Швеция) и регион Лапландия (Финляндия), тяжелые климатические условия в которых способствуют оттоку населения.

Сравнительный анализ показателей территориальной дифференциации динамики населения (рис. 3) и расположения крупнейших городов (рис. 4) позволяет выявить наличие взаимосвязи: регионы с крупными городами чаще характеризуются более благоприятными показателями развития населения, так как наиболее активно численность населения растет в столичных и расположенных с ними рядом регионах.

Таким образом, под воздействием комплекса факторов, важнейшими из которых, по мнению автора, являются социально-экономические и географические, дифференциация демографических показателей в Балтийском регионе достигла значительных размеров. Положительная или отрицательная динамика численности населения в большинстве случае (67% регионов) обусловлена суммарным влиянием естественного и миграционного движения населения в сто-

рону роста или сокращения соответственно. В четверти рассматриваемых регионов тенденции изменения числа жителей обусловлены характером миграции в них. Результаты исследования показали, что сохранение и наращивание человеческих ресурсов возможно только в условиях эффективной миграционной политики, направленной на сохранение собственного демографического потенциала (особенно это актуально для Прибалтийских государств) и привлечение мигрантов. При этом пространственная дифференциация демографических процессов в Балтийском регионе указывает на необходимость усиления регионального подхода при планировании и реализации мер демографической и миграционной политики. Продуктивным может стать обмен опытом между административно-территориальными единицами разных стран региона, характеризующихся, тем не менее, сходными тенденциями демографического развития.

Библиографический список

1. Федоров Г.М., Зверев Ю.М., Корнеевец В.С. Россия на Балтике: 1990–2010 годы. – Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2013.
2. Кузнецова Т.Ю. Геодемографическая обстановка в странах Балтийского макрорегиона: проблемы и перспективы: монография / Под ред. Г.М. Федорова. – Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2009. – 158 с.
3. Федеральная служба государственной статистики РФ:[официальный сайт] URL: http://www.gks.ru (дата обращения 26.05.2013).
4. Eurostat. URL: http://epp.eurostat.ec.europa.eu (дата обращения 26.05.2013).
5. Van de Kaa. D.J. Demographic transition, second // International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences. 2001. Vol. 5. P. 3486–3488.
6. Федоров Г.М. Геодемографическая обстановка. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. – 112 с.
7. Хрущев С.А. Этнические аспекты демографических процессов в странах Балтийского региона // Балтийский регион. – 2010. – № 4. – С. 91–103.
8. Коулмен Д. Третий демографический переход. URL: http://polit.ru/article/2007/09/12/demoscope299/(дата обращения 05.07.2013).
9. Statistics Sweden. URL: http://www.scb.se (дата обращения 05.07.2013).
10. Statistics Denmark. URL: http://www.dst.dk/en (дата обращения 05.07.2013).
11. Корнеевец В.С. Международная регионализация на Балтике. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2010.

Савоскул М.С. (Москва)

РЕЭМИГРАЦИЯ РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ ИЗ ГЕРМАНИИ В РОССИЮ: ФАКТОРЫ И МАСШТАБЫ ЯВЛЕНИЯ

Savoskul M.S.

RE-EMIGRATION OF RUSSIAN GERMANS FROM GERMANY TO RUSSIA: FACTORS AND SCALE OF THE PHENOMENON

Аннотация. *В статье на примере российских немцев рассмотрены мнения экспертов и мигрантов относительно возможности массовой реэмиграции, проведен анализ факторов, способствующих принятию решения о возвратной миграции, выявлены различные варианты так называемой «трансграничной формы» реэмиграции.*

Abstract. *In the article the example of Russian Germans the opinions of experts and workers about the possibility of mass re-emigration, the analysis of the factors contributing to the decision to return migration, identified a variety of options so-called "cross-border forms of" re-immigration.*

Ключевые слова: *российские немцы, реэмиграция, Германия, Россия.*
Keywords: *Russian Germans, re-emigration, Germany, Russia.*

Российские немцы составляют одну из самых массовых волн этнических мигрантов в истории России всего двадцатого столетия. По численности насильственно переселенных российские немцы среди депортированных народов СССР являлись первыми. По данным об объемах внешних этнических миграций на постсоветском пространстве, российские немцы также стали самой массовой группой, сменившей место жительства.

В период с 1990 по 2011 г. из бывшего СССР и стран СНГ и Балтии в Германию въехало более 2,104 млн. чел. российских немцев и членов их семей, получивших юридический статус поздних переселенцев[1], в основном из Казахстана и России.

Вхождение в жизнь принимающего общества такого огромного количества новых граждан не всегда проходит безболезненно. В медиа-пространстве и России и Германии появляются сообщения о том, что часть российских немцев не смогла прижиться в новой для них стране и возвращается на прежнее место жительства. Некоторые предрекают массовую возвратную миграцию российских немцев.

В научных дискуссиях о миграции рассмотрение вопроса о реэмиграции не является новой темой, хотя в отношении российских немцев она затрагивается не так часто. Наиболее значимыми в этом вопросе стали публикации американской исследовательницы Анны Ли Саксениан (Anna Lee Saxenian), посвященные изучению возвратной миграции мигрантов, занятых в Силиконовой долине[2]. Результаты исследования Саксениан показывают, что процесс «утечки умов», ставший массовым явлением для Индии и других развивающихся стран Азии в 1970–1980-е гг. и носивший безвозвратный характер, в конце 1990-х гг. начинает трансформироваться в «циркуляцию умов», то есть происходит возвращение высококвалифицированных специалистов на Родину. Хотя вопрос насколько это явление становится массовым и влияет на развитие этих стран пока остается открытым.

Следующий аспект, который затрагивается в многочисленных исследованиях, посвященных международным миграциям и различным формам возвратных миграций – формирование мигрантами нового трансграничного социального и экономического пространства. Наиболее известны в этой сфере работы немецкого ученого Томаса Файста (Thomas Faist)[3], посвященные таким аспектам трансграничных миграций, как изменение роли государства в ходе увеличения масштабов международной миграции, экономическая роль трансграничных миграций, политическая и государственная идентичность мигрантов и т.д.

Мигранты не разрывают социальные связи со страной выхода и часто используют их для реализации определенных социальных потребностей (общение, передача нового знания и т.д.). Конечно, трансграничные связи нельзя назвать в чистом виде формой возвратной миграции, но для ряда мигрантов активное участие в трансграничных социальных сетях со страной выхода может стать первым шагом к возвратной миграции. Возвратная миграция в условиях глобализации не может не сопровождаться активным участием в трансграничных связях. С другой стороны, возможность активного участия в трансграничных связях позволяет, не возвращаясь в страну выхода, реализовывать важные социальные потребности и не приводит к решению о возвратной миграции.

В статье на примере российских немцев рассмотрены мнения экспертов и мигрантов относительно возможности массовой реэмиграции, проведен анализ факторов, способствующих принятию решения о возвратной миграции, а также выявлены различные варианты так называемой «трансграничной формы» реэмиграции.

Источниками информации послужили результаты ряда научных проектов, посвященных российским немцам и миграционной политике России, которые реализовывались как в России, так и в Германии[4]. Помимо этого, использованы данные глубинных интервью, проведенные автором в 2002–13 гг., материалы интернет-форумов, статистические данные РФ и ФРГ.

В ходе исследования использовалась интегрирующая[5] стратегия исследования, были использованы как статистические, так и нестатистические (наблюдение, глубинные полуструктурированные и экспертные интервью) методы.

Миграционный фактор является определяющим в формировании географии расселения российских немцев. В течение XX столетия российские немцы ни на одной тер-

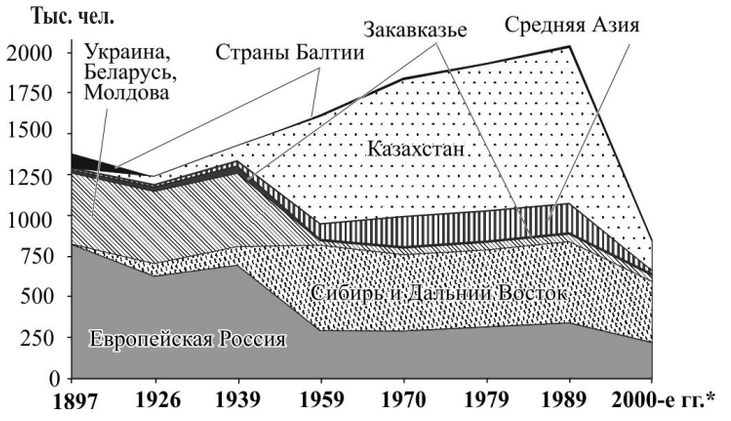
[1] Данные Федерального Агентства Германии по миграциям и беженцам http://www.bamf.de. Дата обращения 29.07.2013.

[2] *Saxenian A.L.* The new Argonauts: regional advantage in a global economy. Harvard University Press: Cambridge, 2006.

[3] *Faist T., Fauser M., Reisenauer E.* Transnational Migration. Cambridge: Polity Press, 2013.

[4] Исследования проводились в 2002, 2004, 2006, 2007, 2013 гг., во время научных стажировок в Германии, финансированных Немецкой службой межакадемических обменов (ДДАД).

[5] Подробнее о методологии социологического исследования см. *Ядов В.А.* Стратегия социологического исследования. Описание, объяснение, понимание социальной реальности. – М.: Добросвет, 2001.



Источник: данные переписей населения Российской империи, СССР, стран СНГ, расположенные на сайте www.demoscope.ru; * в странах СНГ в 2000-е годы переписи проводились в разный период, расчетные данные представлены на дату последней переписи в каждой из стран

Рис. 1. Распределение немцев по макрорегионам Российской империи/СССР/СНГ в 1897–2000-х гг., по данным переписей населения

ритории не задерживались более, чем на 30 лет (рис. 1).

Из рисунка 1 видно, что география расселения российских немцев в Российской империи, в СССР и в странах СНГ поменялась коренным образом, во многом это было вызвано депортацией немцев 1941 г.

К 1989 г. основными регионами проживания российских немцев стали Северный Казахстан и Западная Сибирь. В конце 1980-х гг. начался активный миграционный отток российских немцев в Германию, что сократило численность российских немцев на постсоветском пространстве более чем в 2 раза[6].

По данным переписи населения 2002 г. в России проживало 597,2 тыс. немцев. В 2010 г. Всероссийская перепись зафиксировала 394,1 тыс. немцев. Сокращение численности немцев в России более чем на 200 тыс. человек по сравнению с 2002 г. специалисты связывают не с массовой внешней миграцией, которая не подтверждается статистически, а с массовым изменением этнической идентичности немцев, особенно в смешанных семьях, что подтверждают данные опросов. По данным национальной переписи населения в Республике Казахстан, проведенной в 2009 г., в стране насчитывалось 178,4 тыс. немцев[7]. Таким образом, в настоящий момент на постсоветском пространстве именно Россия является страной преимущественного проживания немцев.

Миграционный потенциал немцев на постсоветском пространстве практически исчерпан. По данным статистики статус поздних переселенцев в Германии в 2009 г. получили 1918 чел., в 2010 г. – 1462 чел., в 2011 г. – 1257 чел. из России и, соответственно, 851 чел., 508 чел. и 616 чел. из Казахстана[8].

Мнение российских экспертов о возвратной миграции российских немцев из Германии в Россию. В ходе исследования проведены интервью с 11 экспертами, среди которых были представители академической науки, являющиеся специалистами в области миграционной политики; сотрудники министерства иностранных дел; сотрудники Федеральной миграционной службы; эксперты независимых аналитических агентств. Представим ниже наиболее типичные мнения экспертов относительно возможности реэмиграции.

[6] Подробнее о расселении немцев на территории Российской Империи, СССР и СНГ см.: *Савоскул М.С.* Судьба российских немцев в XX веке: связь истории и географии (этапы миграции по данным переписей населения) // Вопросы географии. Сб. 135. География населения и социальная география. – М.: Издат. дом «Кодекс», 2013. – С. 417–442; *Смирнова Т.Б.* Немцы Сибири: этнические процессы. – Омск, 2002.

[7] Национальный состав, вероисповедание и владение языками в Республике Казахстан. Итоги национальной переписи населения 2009 года в Республике Казахстан. Статистический сборник / Под ред. А. Смаилова. – Астана, 2010. – С. 5.

[8] Данные сайта Федерального агентства Германии по миграциям и беженцам http://www.bamf.de. Дата обращения 29.07.2013.

Среди аргументов в пользу возвращения российских немцев из Германии были такие, которые перекликаются с результатами исследования А. Саксениан: *«поедут молодые люди, которые получили образование, которым там достаточно сложно делать карьеру, как правило, это те, кого вывозили детьми и они интегрированы в среду, …в России у них есть возможность сделать карьеру»*[9].

Но чаще в интервью звучало следующее мнение: *«Было бы хорошо, если бы российские немцы вернулись, но думаю, что они не поедут…»*[10]

Часть экспертов останавливалась на компромиссном варианте, частичного возвращения: *…пока об реэмиграции говорить рано. Любой миграционный поток, рождает противоток, если уедут 100 тыс., хоть тысяча да вернется. Говорить о возврате можно, когда будут возвращаться 10–15–20%. Такого, не происходит. Если возвращаются люди, они возвращаются, чтобы одновременно жить и там и здесь…*

«Чем лучше экономическая ситуация в России, тем больше вероятность возвращения соотечественников, пока такого потенциала я не вижу. Чаще люди начинают тут вести бизнес, а живут там…»

«Что касается Германии, … они хотели бы вернуться в Россию, чтобы здесь жить и работать, но при этом оставаться гражданами Германии. Если бы я был российским немцем, я бы сделал так. Будет ли это полноценная реэмиграция сказать трудно. Я думаю, пока с реэмиграцией – нет.»[11]

Большая часть, опрошенных экспертов полагает, что российские немцы, как и славянское население стран СНГ, были бы желательными мигрантами для России. Особенно сейчас, когда поток трудовых мигрантов в Россию оценивается экспертами в 5–6 млн. человек ежегодно, преимущественно из стран Центральной Азии. Но состояние рынка труда и уровень заработной платы не создают в настоящее время в России, а тем более, в странах СНГ, условия для массового въезда российских немцев. Большая часть экспертов придерживается мнения, что российские немцы пока не поедут в Россию.

Другое, не очень частое мнение, встречающееся среди экспертов – это возможный компромисс между плюсами жизни в Германии и плюсами жизни в России, который можно назвать «транснациональной моделью» реэмиграции, о чем будет сказано в тексте ниже.

Мнения поздних переселенцев о возможности возвращения в Россию или страны СНГ. Вопросы возвращения в страны СНГ часто обсуждаются на русскоязычных интернет-форумах переселенцев, при этом высказываются различные мнения, модераторы сайтов устраивают интернет-голосование по этому поводу. На рисунках 2 и 3 представлены результаты одного из таких голосований.

Мнения переселенцев еще более разнообразны, чем мнения экспертов. Это видно не только на данных диаграммах, но и выясняется в беседах с поздними переселенцами, а также в обсуждениях реэмиграции на интернет-форумах.

В частности, можно встретить следующие высказывания переселенцев на русскоязычных интернет-форумах Германии, склоняющихся к возвращению:

«А я вот без России никуда, как универ закончу, обратно поеду!».

«А у меня родственники уехали обратно и живут очень хорошо, когда они уезжали в Германию, то всё продали в деревне у себя. (Они жили и живут сейчас в деревне). А когда вернулись, то всё купили обратно, даже свою корову!!!».

Но при этом не меньше мнений высказывается против отъезда из Германии:

«Детство тут провела, а не там, поэтому не могу понять, как там можно жить! …Если бы я сейчас там жила, у меня бы не было нормальной машины, я бы не ездила в Лондон, Париж, Швейцарию, я бы не достигла того, что я тут достигла!».

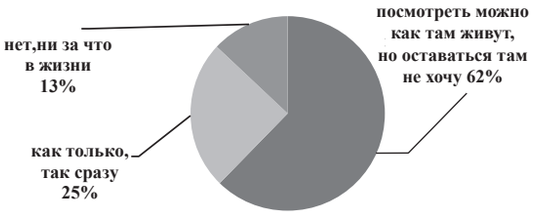
«Меня тоже не тянет особо, когда я туда приезжаю, то меня хватает на 2 дня, и уже хочу назад, в Германию. Я говорю: «Хочу домой!».

«Желаемые условия у всех разные, лично мне важна инфраструктура, законность, работа, дающая мне возможность заработать на качественную жизнь».

«Не знаю вообще ни одного, кто вернулся назад!».

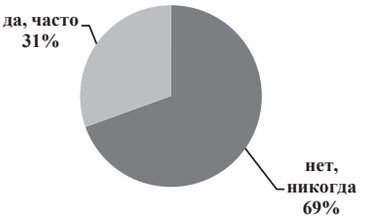
Также как и у экспертов, среди поздних переселенцев встречаются мнения относи-

[9] Доктор социологических наук, Институт социологии РАН.
[10] Сотрудник МИД, департамент по делам соотечественников.
[11] Ведущий научный сотрудник, кандидат географических наук, Интитут демографии Высшей школы Экономики.



Источник: http://region.rc-mir.com. Дата обращения 02.11.2011.

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос: «Хотели бы Вы вернуться назад в Союз?» на одном из интернет-форумов, ответили 77 человек



Источник: http://region.rc-mir.com. Дата обращения 02.11.2011.

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос: «Есть ли у Вас мысли уехать назад?» на одном из интернет-форумов, ответили 59 человек

тельно сочетания положительных сторон страны выхода и Германии, но большинство мнений сводится к тому, что постоянным местом жительства должна оставаться Германия. Вот несколько таких мнений:

«Отдыхать там классно, чем я последние два года регулярно занимаюсь. Но вот жить – нет, уж слишком мы здесь привыкли к хорошей жизни».

«Я думаю, мы должны жить здесь, но и про Родину не забывать и помогать ей, чем только можем».

«… при определённых условиях желают вернуться больше половины опрошенных! Парадокс, но люди хотят вернуться. И я не исключение. Я тоже задумываюсь над этим, правда Россию рассматриваю только как альтернативу Канаде и Новой Зеландии».

Часть из этих выдержек подтверждает слова экспертов о том, что в большинстве случаев переселенцы уже живут по германским стандартам потребления и качества жизни, особенно молодое поколение. Ностальгические настроения, которые могут привести к реэмиграции, скорее являются исключением, чем правилом. Результаты нестатистического исследования о том, что не следует ожидать массовой реэмиграции поздних переселенцев из Германии в страны СНГ, подтверждают и статистические данные.

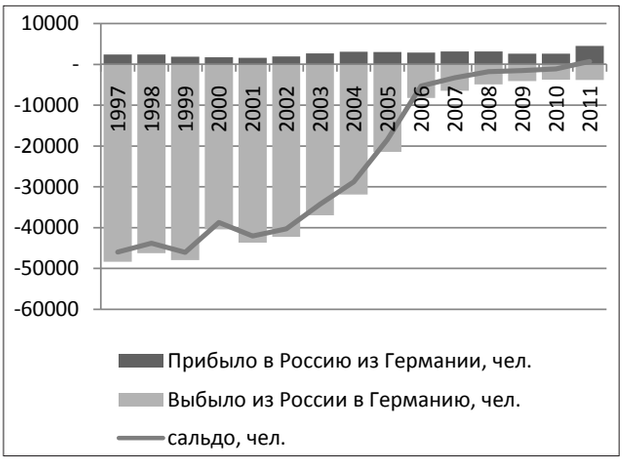
Миграционный обмен между Россией и Германией по данным статистики. Российская и германская статистика не показывают значительного обратного потока мигрантов (рис. 4, рис. 5), несмотря на определенные статистические расхождения данных о внешней миграции. Так, для статистики России характерны меньшие численные показатели как эмиграции, так и иммиграции в Германию. Например, в 2011 г. российская статистика фиксирует 4,5 тыс. чел. прибывших из Германии в Россию на долгосрочное пребывание, а статистические данные Германии за 2011 г. учли 12,3 тыс. чел. выехавших из Германии в Россию. На такой же порядок расходятся данные о прибытии мигрантов из России в Германию. По данным статистики РФ, в 2011 г. из России в Германию выехало на долгосрочное пребывание 3,8 тыс. чел., а статистика ФРГ приводит данные о 19,7 тыс. чел., приехавших в Германию из России.

Несоответствие данных внешней статистики Германии и России объясняется разной степенью точности учета внешних мигрантов в этих странах. По закону Германии, все, кто приезжает в страну на срок более 6 месяцев, должны зарегистрироваться в местном органе территориального управления, а перед отъездом известить о выезде. На основании этих данных формируется статистика внешней миграции. От этой обязанности избавлены сотрудники посольств и консульств, а также члены их семей и участники вооруженных сил иностранных государств[12].

В России внешняя миграция учитывается в ходе текущего учета миграции, но при этом листки миграционного учета на приезжающих иностранцев не заполняются, что может приводить к недоучету долгосрочных иностранных мигрантов[13]. Вероятнее всего,

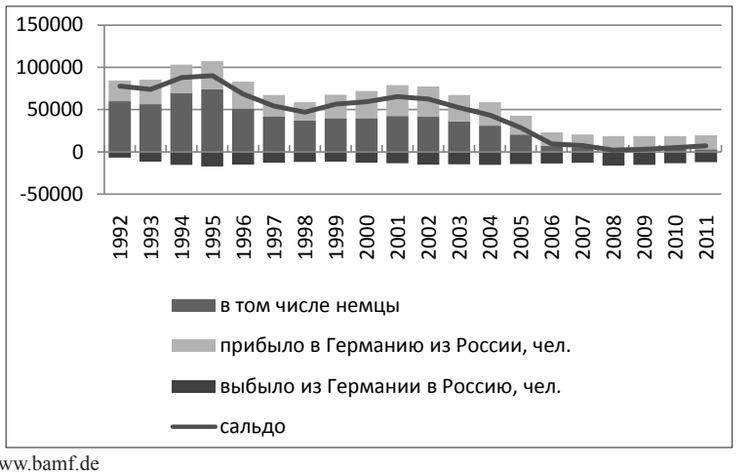
[12] Migrationbericht des Bundesamtes fuer Migration und Fluechtlinge im Auftrag der Bundesreigierung. Migrationbericht 2011. – Nuernberg, 2013.

[13] Энциклопедия статистических терминов. Т. 5. Демографическая и социальная статистика. Федеральная служба государственной статистики. – М., 2011. – С. 155.



Источник: www.gks.ru

Рис. 4. Миграционный обмен между Россией и Германией в 1997–2011 гг., чел., по данным статистики России



Источник: www.bamf.de

Рис. 5. Миграционный обмен между Россией и Германией в 1997–2011 гг., чел., по данным статистики Германии

в российскую статистику не попадают студенты, выезжающие в Германию из России на обучение и не снимающиеся с регистрационного учета в России, но встающие в обязательном порядке на такой учет в Германии.

Так или иначе, статистические данные и России и Германии показывают одинаковые тенденции к стабилизации миграционного обмена между двумя странами к 2005 г. с небольшим перевесом в сторону постоянного небольшого оттока из России в Германию. Как видно из рис. 4, в миграционном обмене между Россией и Германией период массового выезда из России закончился к 2005 г., в этот же период происходит стабилизация миграционного оттока немцев из России. Численность прибывающих из Германии в Россию существенным образом не меняется с конца 1990-х гг. и остается на уровне 2–3,5 тыс. чел. в год. Единственным исключением стал 2011 г., когда из Германии в Россию въехало 4,5 тыс. чел., а в Германию выехало 3,8 тыс. чел.

Таким образом, сальдо миграции в миграционном обмене между РФ и Германией впервые за многие годы стало положительным и составило 700 чел., но показатели одного года пока не свидетельствуют о смене миграционных тенденций. Скорее всего, можно говорить о стабилизации миграци-

онного обмена между Россией и Германией на уровне небольшого преимущества Германии, в миграционном обмене. В любом случае российская статистика не показывает тенденции к массовой возвратной миграции в Россию из ФРГ.

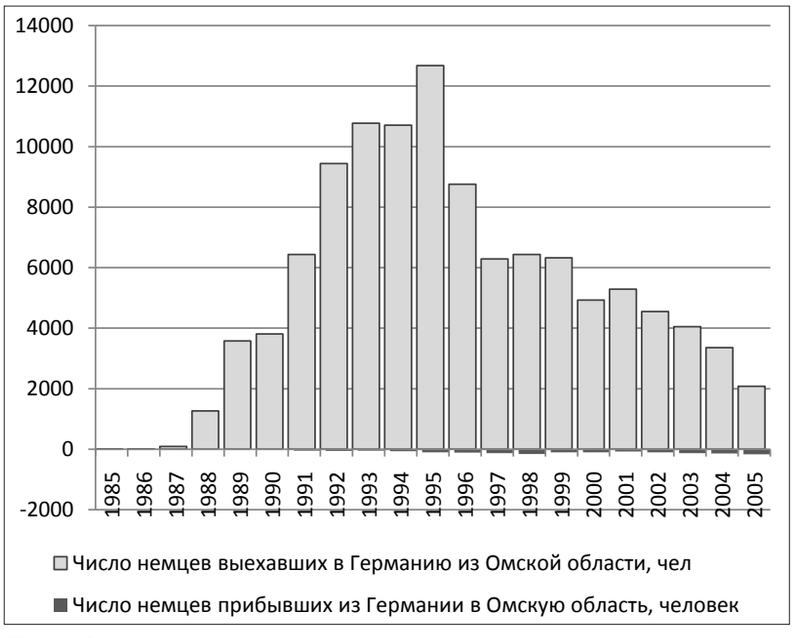
Эти же тенденции подтверждаются данными Федерального агентства Германии по миграции и беженцам (рис. 5). Немецкая статистика учитывает немцев, въезжающих на постоянное место жительство в Германию из России. Из рисунка 5 видно, что к 2005 г., когда абсолютная численность немцев, въезжающих в Германию, снизилась существенным образом, миграционный обмен между двумя странами стабилизировался, но он также не показывает оттока населения из Германии в Россию, что в случае массовой реэмиграции отразилось бы на данных статистики.

Сальдо миграции в миграционном обмене с Россией остается для Германии положительным. По данным статистики Германии, с 1992 г. минимальные значения сальдо наблюдались в 2008 и 2009 гг. – 2,2 тыс. человек и 3,1 тыс. человек, соответственно, в 2010 и 2011 гг. опять наблюдается увеличение сальдо миграции – 5,2 тыс. чел. и 7,4 тыс. чел.

На региональном уровне также подтверждаются тенденции, заметные на уровне стран. Данные Омского областного комитета статистики, полученные в ходе полевых исследований, показывают, что массовой реэмиграции российских немцев из Германии не происходит (рис. 6). Омская область является одним из регионов массового проживания немцев, здесь расположен один из двух существующих в современной России национальных немецких районов. Отсюда традиционно происходил массовый отток российских немцев в Германию. Логично предположить, что именно сюда в случае возвратной миграции был бы направлен наибольший поток российских немцев.

За период с 1985 по 2005 г. из Омской области в Германию выехало 110,5 тыс. чел., а вернулось 1,6 тыс. чел., или 1,4% от всех выехавших. По данным опросов и экспертных интервью, можно говорить не более, чем о 3% возвращающихся среди всех поздних переселенцев, выехавших в Германию.

Независимо от масштабов процесса, возвратная миграция переселенцев из Германии в страны СНГ существует, определенная часть поздних переселенцев под влиянием



Источник: Данные Омского областного комитета статистики, полученные в ходе полевых исследований.

Рис. 6. Выезд и въезд немцев из Омской области в Германию, в 1985–2005 гг., чел.

различных факторов выбирают решение о возвращении.

Ниже рассмотрены факторы, способствующие принятию решения о реэмиграции, выявленные в ходе глубинных интервью с поздними переселенцами, живущими в Германии.

Факторы, влияющие на принятие решения о реэмиграции. В ходе анализа проведенных интервью были выделены несколько групп факторов, под влиянием которых формируется принятие решения о реэмиграции. Сложно определить роль той или иной группы факторов на принятие окончательного решения вернуться в страну выхода, их проявление ситуативно и индивидуально. Скорее, благоприятное или неблагоприятное сочетание всех групп факторов определяет решение поздних переселенцев – оставаться в Германии или уезжать. Наши выводы подтверждаются также и исследованиями немецких исследователей относительно добровольной возвратной миграции различных групп мигрантов, проживающих в Германии (табл. 1)[14].

Первая группа факторов это – структурные факторы, которые касаются ситуации в стране выхода мигранта и в принимающем обществе. Это факторы, формирующие рамочные условия, в которых принимается решение о миграции, в зависимости от того, насколько сильны выталкивающие или притягивающие факторы. К ним можно отнести экономическую, политическую ситуацию в стране или в конкретном регионе, институциональные факторы, миграционную политику страны и т.д.

Вторая группа факторов – индивидуальные характеристики мигранта (пол, возраст, уровень образования, продолжительность проживания в Германии, знание немецкого языка, семейный статус и т.д.). Часто, но не всегда, эти факторы могут играть определяющую роль в принятии решению относительно реэмиграции.

Третья группа факторов – я бы их назвала деятельностные, которые проявляются в

Таблица 1

Факторы, влияющие на принятие решения о реэмиграции российских немцев из Германии в страны выхода

Группа факторов	Примеры факторов
Структурные	Социально-экономические и прочие условия в стране выезда и в стране въезда
Деятельностные	Мероприятия направленные на интеграцию в принимающем обществе, Политика и программы привлечения мигрантов в страны выхода
Индивидуальные	Пол, возраст, образование, семейное положение, социальные связи в новой стране и в стране выхода, владение немецким и русским языками
Этнокультурные	Этническая идентичность, историческая память, формирование образа Родины

Дополнено автором на основе: Black, Richard/Koser, Halid /Munk, Karen (2004) Understanding voluntary return/ Home Office Online Report 50/04. London, Home Office, Research, Development and Statistics Directorate.

организации различных политических мероприятий, формировании структур, способствующих, как интеграции, так и возвращению на Родину. Как показывают результаты глубинных интервью, эта группа факторов действует наиболее активно на этапе первичной адаптации поздних переселенцев в Германии, когда, по мнению большинства исследователей, вероятность реэмиграции наиболее велика. Чем дольше мигрант проживает в принимающем обществе, тем меньше вероятность возвращения в страну выхода. Данные интервью, проведенных с российскими немцами в Германии, также говорят о том, что эта группа факторов наиболее важна для поздних переселенцев, у которых процесс интеграции проходит достаточно сложно и которые нуждаются в интегративных мероприятиях.

Группы факторов, предложенные немецкими исследователями, мы предлагаем дополнить факторами, которые именно для поздних переселенцев играют важную роль в принятии решения о реэмиграции. Это группа этнокультурных факторов, к которым относятся этническая идентичность, исто-

[14] Black, Richard/Koser, Halid /Munk, Karen (2004) Understanding voluntary return/ Home Office Online Report 50/04. London, Home Office, Research, Development and Statistics Directorate.

рическая память, образ Родины. Интервью с мигрантами из России, которые не являются российскими немцами или членами их семей показывают, что для них этнокультурные факторы играют меньшую роль, чем для российских немцев.

В качестве примера можно привести неоднозначное формирование образа Родины у российских немцев.

Неоднозначность образа Родины у российских немцев. Среди причин, которые могут стать решающими в принятии решения о реэмиграции поздних переселенцев из Германии важную роль играет представление о Родине у российских немцев, которое в том числе может определять их этническую идентичность. Отличительной чертой в формировании представления о Родине у российских немцев является их историческая память, которая формировалась под действием политических событий, связанных, особенно в XX в., с притеснением их прав и свобод. Не случайно один из первых журналов российских немцев, который начал издаваться в Германии, называется «Volk auf dem Weg», то есть «Народ в пути».

Интервью, которые автор проводила с российскими немцами в России и Германии, показывают, что у различных поколений и социальных слоев представителей этой этнической общности можно встретить практически противоположные как в географическом, так и в идеологическом плане ответы на вопросы: «Где ваша Родина?» и «Что для Вас является Родиной?».

Например, один из меннонитов, оказавшийся в Германии в пятилетнем возрасте и проживающий там около 15 лет, ответил без колебаний: «Конечно – Бог; Россия и Германия – это места, где я временно нахожусь».

В деревне Шумановка в Алтайском крае пожилая пара, у которой дети уехали в Германию, дала такой ответ: «Наша Родина – советская власть, она дала нам все, что у нас есть, и мы не собираемся ее предавать даже сейчас».

Среди тех, кто уехал в Германию, встречаются варианты ответов: «Моя Родина и Родина моих предков – Германия, Россия это только место, где я родился» или «Моя Родина, конечно, Россия (или Казахстан и др., а еще чаще встречается ответ – СССР), а Германия – это удобное место для жительства».

Этот пример свидетельствует об отсутствии единой территории, воспринимаемой российскими немцами, как историческая Родина. На наш взгляд, для многих из них Родина – понятие не географическое, не территориальное, а скорее историческое и ментальное, недаром так часто в разговорах о Родине люди обращаются к своему прошлому или прошлому своих предков. Во многом российские немцы оказались разделены не только территориально, но и ментально, переживая кризис этнической идентичности, как в странах СНГ, так и в Германии. В зависимости от того, какой ответ на вопрос «Что такое Родина?» дает сам себе переселенец, зависит во многом и принятие решение о реэмиграции.

Соотношение миграционной привлекательности России и Германии для поздних переселенцев. Опираясь на схему из четырех групп факторов, представленную выше, на основе миграционной теории привлекающих и выталкивающих факторов (Pull и Push) проанализируем что, по мнению российских немцев, могут предложить переселенцам Германия и Россия, и какая страна в настоящее время сильнее по объективным и субъективным параметрам «притягивает мигрантов» в каждой из групп факторов (табл. 2).

Анализ представленной таблицы показывает, что Германия «лидирует» по набору структурных факторов. Практически все переселенцы и эксперты сходятся во мнении, что объективные рамочные условия жизни в Германии предпочтительнее таких же условий в странах выхода поздних переселенцев. Прежде всего, это касается более благоприятной экономической ситуации, политической стабильности, и возможности реализовать различные социальные потребности, как самим переселенцам, так и их детям.

Это же переселенцы отмечают и в отношении деятельностных факторов. По их мнению, Германия очень много делает для интеграции мигрантов, что также способствует ее привлекательности. Практически всеми отмечалось, что часто структурные факторы играют определяющую роль в принятии решения о реэмиграции.

Россия скорее может привлекать поздних переселенцев с эмоциональной точки зрения, ощущением ***дома*** или ***Родины***. Многие из респондентов старшего поколения отмечают, что им не хватает в Германии «душевности». Хотя как уже было сказано выше, это группа факторов не играет определяющей

Таблица 2

Соотношение притягивающих и отталкивающих факторов в принятии решения о реэмиграции поздними переселенцами

	Германия		Россия	
	Pull-факторы притягивающие факторы	Push-факторы выталкивающие факторы	Pull-факторы притягивающие факторы	Push-факторы выталкивающие факторы
Структурные и деятельностные факторы	соблюдение закона и прав человека, политическая стабильность экономическая ситуация социальное обеспечение возможность путешествовать климат возможность участвовать в общественной жизни, возможность изучать немецкий язык, социальные программы и социальная поддержка, возможность построить свой дом обеспеченное будущее детей	сложность в самореализации снижение социального статуса сложность в поиске высокой профессиональной позиции менталитет жителей	большая свобода действия хорошие люди привычный климат возможность достичь большего	сложная экономическая ситуация неразвитая социальная инфраструктура несоблюдение закона менталитет жителей опасение за будущее детей
Индивидуальные факторы	семья, родственники нежелание еще раз испытать переезд приобретенная позиция	ностальгия семья, родственники в стране выхода сложность в интеграции социальная нереализованность	родная среда родной язык семья, родственники	желание самореализации воссоединение с родственниками в Германии
Этнокультурные факторы	позитивная немецкая этническая идентичность, представление о Германии, как об исторической Родине возможность религиозной жизни	кризис этнической идентичности представления о Родине, связанные со страной выезда относительность моральных ценностей	позитивная историческая память тесная связь с русской культурой, позитивная этническая и «советская» идентичность	негативная историческая память, представление о Германии, как об исторической Родине, желание вернуться на историческую Родину
Механизмы переселения	немецкие организации помогающие мигрантам вернуться на родину, личные контакты		программа добровольного переселения соотечественников в Россию, личные контакты	

Составлено автором.

роли в принятии решения о миграции. Тем более, что в условиях развития технологий и коммуникаций, эти потребности можно реализовать не выезжая из Германии. А массовое возникновение русскоязычных структур в Германии (магазины, туристические агентства, медицинские центры и т.д.) позволяет широко использовать русский язык.

Группа этнокультурных факторов – самая неоднозначная для анализа. В зависимо-

сти от установок позднего переселенца эти факторы могут способствовать как выезду из Германии обратно в Россию или другую страну СНГ, так и вызывать у позднего переселенца желание остаться в Германии.

В этой группе, по мнению респондентов, наиболее значимыми факторами являются положительная этническая идентичность, причем это не обязательно немецкая идентичность. Многие успешные поздние переселенцы являются носителями двойной идентичности и это, по их словам, скорее им помогает, чем мешает. В таком случае респонденты обладают высокой мотивацией к интеграции. И наоборот, кризис этнической идентичности часто приводит к слабой мотивации на интеграцию в принимающем обществе, что в итоге может привести к решению вернуться в страну выхода.

В ходе исследования были выявлены социально-экономические характеристики поздних переселенцев, наличие которых у мигрантов с большей степенью вероятности может способствовать принятию решения о возвращении. Выявлены группы поздних переселенцев, которые с большей степенью вероятности могут стать потенциальными реэмигрантами, чем представители других групп.

Потенциальные когорты реэмигрантов. Анализ интервью показывает, что потенциальными реэмигрантами могут стать люди, обладающие следующими социально-экономическими характеристиками:

- экономическая нестабильность, в частности отсутствие постоянное работы; отсутствие семьи или сложные семейные отношения;
- слабая интеграция в принимающее сообщество и отсутствие мотивации для интеграции;
- плохое знание немецкого языка;
- негативная этническая идентичность, небольшая продолжительность жизни в Германии – менее 6–8 лет;
- существенные притягивающие факторы в стране выхода, к которым можно отнести наличие близких родственников, сохранение жилья в стране выхода, возможность найти там работу и т.д.

Сложно отнести все эти характеристики к одной из социальных, возрастных или региональных когорт поздних переселенцев в Германии, скорее это могут быть представители самых разнообразных слоев российских немцев. По мнению многих респондентов и по личным наблюдениям в ходе исследований, прежде всего такими характеристиками обладают переехавшие в Германию мигранты среднего поколения в возрасте старше 25 лет, преимущественно мужчины. Чаще всего это не российские немцы, а члены их семей, у которых не получилось интегрироваться в принимающее общество. Часто в интервью проведенных, как в России, так и в Германии, встречалось мнение, что возвращаются люди, которые «ищут легкую жизнь, они не хотят работать, ни в России, ни в Германии, а оправдания ищут не в себе, а в стране». Это могут быть те поздние переселенцы, у которых индивидуальные факторы, выталкивающие из Германии, превалируют над структурными факторами, притягивающими в Германию.

Скорее всего, в эту группу не попадут российские немцы с позитивной этнической идентичностью, обладающими сильными семейными связями в Германии, так как чаще всего переезд осуществлялся большими семьями («кланами», как говорят сами переселенцы). С малой степенью вероятности попадают в группу потенциальных реэмигрантов пенсионеры. Это объясняется экономическими причинами, наличием семьи в Германии, социальной защищенностью, возможностью реализации религиозных потребностей и т.д. Молодое поколение переселенцев, которое приехало в Германию в детстве, не может составлять группу потенциальных реэмигрантов. Они считают Германию свои домом, немецкий язык молодое поколение поздних переселенцев знает лучше, чем русский язык.

Частичная реэмиграция или «транснациональная модель» реэмиграции. Для остальных социально-экономических групп российских немцев наиболее вероятна так называемая «транснациональная модель» реэмиграции, то есть достаточно активное включение в жизнь страны выхода и продолжительное пребывание на Родине. Чаще всего такая модель поведения встречается у поздних переселенцев из России. Эта модель подразумевает осознанный выбор поздними переселенцами различных экономических, социальных, культурных, политических связей с Россией. Такой тип социального поведения предполагает, с одной стороны, частое и продолжительное посещение страны выхо-

да, активное участие в определенных сферах ее жизни, а с другой – сохранение места жительства и гражданства Германии.

Приведем ряд примеров проявления такой модели, которые встречались в ходе исследования. Такую модель использует часть поздних переселенцев-пенсионеров, у которых есть возможность длительное время проводить не в Германии. Они уезжают на лето каждый год к родственникам в Россию, а зимний период проводят в Германии. Поездки в Россию компенсируют им часть потребностей, которые они не могут удовлетворить в Германии: общение с родственниками, с бывшими коллегами, работа на своем участке и т.д.

Для некоторой части поздних переселенцев, особенно старшего и среднего поколения, становится традиционным проведение отпуска в России или Украине, но не в местах выхода, а в приморских санаториях и курортах.

Часть российских немцев – успешных мигрантов, организовавших свой бизнес в Германии, активно развивают его в России или в Казахстане. В наших исследованиях мы встречали фирмы, специализирующиеся на продаже различных строительных материалов и инструментов из России. Часто организация бизнеса требует знания русского языка и особенностей российского менталитета, а также продолжительного пребывания в России, что могут обеспечить российские немцы.

Необходимо сказать, что проявление таких моделей «трансграничной» реэмиграции вероятнее всего не приведет к реальной иммиграции, это скорее трансграничные формы интеграции мигрантов в принимающем обществе, когда мигранты используют «плюсы» нахождения одновременно в двух культурах.

В заключение статьи отметим, что России не следует ожидать активного потока реэмигрантов из числа российских немцев, эмигрировавших в Германию. С течением времени эта вероятность будет только снижаться. Но не стоит исключать возможности участия различных групп российских немцев в трансграничных связях с Россией и другими странами выхода, что может играть положительную роль в отношениях между этими странами и Германией.

Библиографический список

1. Национальный состав, вероисповедание и владение языками в Республике Казахстан. Итоги национальной переписи населения 2009 года в Республике Казахстан. Статистический сборник / Под ред. А. Смаилова. – Астана, 2010.
2. Савоскул М.С. Судьба российских немцев в XX веке: связь истории и географии (этапы миграции по данным переписей населения) // Вопросы географии. Сб. 135. География населения и социальная география. – М.: Издательский Дом «Кодекс», 2013. – С. 417–442.
3. Смирнова Т.Б. Немцы Сибири: этнические процессы. – Омск, 2002.
4. Ядов В.А. Стратегия социологического исследования. Описание, объяснение, понимание социальной реальности. – М.: Добросвет, 2001.
5. Энциклопедия статистических терминов. Т. 5. Демографическая и социальная статистика. Федеральная служба государственной статистики. – М., 2011.
6. Black, Richard/Koser, Halid / Munk, Karen (2004) Understanding voluntary return/ Home Office Online Report 50/04. London, Home Office, Research, Development and Statistics Directorate.
7. Faist T., Fauser M., Reisenauer E. Transnational Migration. Cambridge: Polity Press, 2013.
8. Migrationbericht des Bundesamtes fuer Migration und Fluechtlinge im Auftrag der Bundesreigierung. Migrationbericht 2011. Nuernberg, 2013.
9. Saxenian A.L. The new Argonauts: regional advantage in a global economy. Harvard University Press: Cambridge 2006.
10. www.bamf.de – официальный сайт Федерального Агентства Германии по миграциям и беженцам.
11. www.gks.ru – официальный сайт Федеральная службы государственной статистики.
12. www.demoscope.ru – информационного бюллетень «Население и общество»
13. http://region.rcmir.com – русскоязычный форум различных регионов мира, в том числе и Германии.

СОЦИАЛЬНО–ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ

Антонов Е.В., Фаддеев А.М. (Москва)

СОВРЕМЕННАЯ ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ ПРОМЫШЛЕННЫХ ГОРОДОВ ВОСТОЧНОГО ОРЕНБУРЖЬЯ

Antonov E.V., Faddeev A.M.

THE CURRENT DYNAMICS OF THE DEVELOPMENT OF INDUSTRIAL CITIES IN THE EAST OF THE ORENBURG REGION

Аннотация. *В статье выявлены современные проблемы индустриальных центров восточных районов Оренбургской области и дана оценка возможных вариантов их дальнейшей эволюции.*

Abstract. *In the article the current problems of the industrial centers of the eastern districts of the Orenburg region and the evaluation of possible options for their further evolution.*

Ключевые слова: *Оренбургская область, промышленные города, динамика развития городов.*
Keywords: *Orenburg region, the industrial city, the dynamics of urban development.*

Введение. Оренбургская область является одним из регионов России, экономику которого в значительной мере определяет тяжелая промышленность, сконцентрированная в нескольких промышленных узлах. Крупнейшим из них является Орско-Халиловский [9], в котором производится почти 60% промышленной продукции области [4]. Промышленные узлы являются основной формой размещения производительных сил на территории области. Узкая специализация многих промышленных центров делает их крайне уязвимыми на современном этапе развития и определяет жизнь целых городов или поселков. Прежняя модель «экстенсивного» хозяйственного освоения в современных условиях сталкивается с множеством ограничений, что выражается в экономической стагнации и обострении социальных проблем.

В январе 2012 г. была предпринята экспедиция кафедры экономической и социальной географии России в рамках научного студенческого общества географического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Исследования проводились в городах Восточного Оренбуржья: Орске, Новотроицке, Ясном, Гае, Медногорске, Кувандыке и посёлке Светлый. В ходе экспедиции в промышленных центрах осуществлялся сбор статистической информации, посещались градообразующие промышленные предприятия и проводились экспертные беседы с их руководителями, с представителями государственных и муниципальных органов управления и научного сообщества. Проводилось визуальное изучение индустриальных городов, а также социологический опрос их населения.

Целью данной работы было выявление современных проблем индустриальных центров восточных районов Оренбургской области и оценка вариантов их дальнейшей эволюции. Подробному анализу подверглись проблемы истощения местных минеральных ресурсов и низкой транспортной доступности региона.

Общая динамика промышленности в регионе. Системный экономический кризис, проявившийся с распадом СССР, не оставил в стороне и Оренбургскую область. В связи с преобладанием индустриального сектора в структуре экономики (в структуре ВРП вторичный сектор занимает в среднем около 60% за два прошедших десятилетия), в регионе наиболее ярко проявились негативные процессы, связанные с упадком промышленности. Кризисные явления стали проявляться с 1993 г. и достигли своего максимума в 1998 г., когда суммарное промышленное

Рассчитано по данным [6].

Рис. 1. Структура и динамика промышленного производства по городам Восточного Оренбуржья

производство составляло чуть более трети от уровня 1990 г. (рис.1).

Промышленное производство в городах рассматриваемой зоны имеет структуру, смещённую в сторону обрабатывающей промышленности: металлургии, машиностроения, промышленности строительных материалов и нефтепереработки.

Наиболее диверсифицированной структурой промышленного производства обладает г. Орск в силу исторической специфики. Он был единственным городом на данной территории к началу первой пятилетки, именно вокруг него были открыты многочисленные месторождения металлических руд [10]. Война способствовала размещению эвакуируемых машиностроительных предприятий именно в Орск, ставший к тому времени крупнейшими транспортным узлом. Эти предприятия появились в регионе в экстраординарных условиях, региональной спецификой никак не оправданы, и к настоящему времени находятся в тяжёлом положении [7]. В настоящее время в городе действуют крупные предприятия различного профиля: завод тяжелого машиностроения «ОРМЕТО-ЮУМЗ» (Южно-Уральский машиностроительный завод), Орский завод холодильников, Орский вагонный завод, комбинат «Южуралникель», нефтеперерабатывающий завод «Орскнефтеоргсинтез» и Орский мясокомбинат.

Во всех остальных рассматриваемых городах и поселке Светлый доля одной отрасли в промышленном производстве превышает ¾ (табл. 1). В таких городах, как Ясный («Оренбургские минералы», добыча асбеста), Новотроицк («Уральская сталь») и Гай (Гайский горно-обогатительный комбинат (ГОК), Гайский завод по обработке цветных металлов) монопрофильная структура промышленности сложилась уже к 1991 г., в Медногорске и Кувандыке существовали крупные машиностроительные предприятия (заводы электронного и кузнечно-прессового оборудования соответственно), положение которых сильно ухудшилось в переходный период и их вклад в промышленное производство снизился.

Структура производства показывает, что развитие промышленности рассматриваемых городов инерционно – нигде из них за прошедшие двадцать лет не возникло новой отрасли, которая могла бы конкурировать с изначальной, или хотя бы существенно диверсифицировать экономику. Для промышленности всех рассматриваемых городов после 1991 г. можно, наоборот, отметить упрощение производственной структуры. Для всей Оренбургской области характерно стабильное развитие лишь трёх экспортоориентированных отраслей: топливной, чёрной и цветной металлургии, а большинство предприятий остальных отраслей демонстрировали негативный тренд развития в последние 20 лет [8].

Из всех отраслей промышленности в городах наихудшую динамику демонстриру-

Таблица 1

Структура промышленного производства по городам Восточного Оренбуржья и пос. Светлый

Город	Отрасль специализации	Доля в промышленном производстве городов, %	
		1991	2009
Орск	Цветная металлургия	17	39
	Машиностроение	34	24
	Нефтепереработка	18	20
	Пищевая	12	12
Новотроицк	Черная металлургия	81	88
Гай	Добыча и обработка цветных металлов	79	82
	Машиностроение	15	<1
Ясный	Производство строительных материалов	97	90
Медногорск	Цветная металлургия	57	75*
	Машиностроение	38	19
Кувандык	Цветная металлургия	63	84
	Машиностроение	30	5
Светлинский район	Добыча и обработка чёрных металлов	н/д	92*

* Данные за 2010 г. Рассчитано по данным [4, 6].

ет машиностроение. В связи с этим можно предполагать, что города, в которых машиностроение изначально было значительно развито, должны были испытать максимальные экономические трудности: спад производства и связанные с этим обострения социальной ситуации в городе.

Динамика промышленного производства в городах восточного Оренбуржья оказывается различной. Можно выделить три периода в динамике: кризис (до 1998 г.), восстановительный рост (до 2001 г.) и конъюнктурное колебание (2002–2010 гг.). В пяти городах кризис промышленного производства был отложенным из-за изменившейся конъюнктуры на их основную продукцию. Наиболее заметным это было для Новотроицка и Кувандыка, показавших существенный прирост стоимости произведённой продукции (от 50 до 60%) в 1992 г., гораздо меньшим оно оказалось для Медногорска, Орска и Гая (до +10%); экономика Ясного с самого 1990 г. испытывает сильный спад.

Из острого кризиса города также начали выходить в разное время: первым, с 1995 г. удалось стабилизироваться и даже показать незначительный, но устойчивый рост добывающим Гаю и Ясному, главным образом по причине возросшей цены и спроса на продукцию на мировых рынках. Перерабатывающие и обрабатывающие центры промышленности – Новотроицк и Медногорск – смогли выйти на устойчивый рост только в 1996–1997 гг.; Орск, в структуре которого большую долю занимают машиностроительные производства, просел сильнее других за переходный период и смог показать небольшой рост только с 2000 г. Таким образом, в период восстановительного роста в середине 1990-х годов первыми из кризиса стали выходить именно ресурсные города и только затем обрабатывающие.

Территориальная структура промышленного производства также претерпевает изменения. В 1991 г. основная часть промышленного производства была сконцентрирована в Орске, в 1994 г. он сравнялся с Новотроицком, а в 2008–2009 гг. уже существенно проигрывал последнему. Таким образом, произошел переход от доминирования Орска в советское время к ещё большей его концентрации в Новотроицке. Формально это можно оценить с помощью индекса Херфиндаля-Хиршмана (рис. 1), изначально предназначенного для оценки степени монополизации в отрасли: в советское время происходило выравнивание промышленного производства на территории за счёт развития периферийных по отношению к Орску и Новотроицку городов Восточного Оренбуржья, в 1993–1994 гг. за счёт сильного падения доли этих городов степень локализации промышленного производства несколько возрастала; после 2001 г. при снижении доли Орска

индекс Херфиндаля-Хиршмана снижался, и затем вновь начал расти уже благодаря росту стоимости произведённой продукции в металлургическом Новотроицке. Происходящая поляризация промышленного производства приводит к нарастанию контрастов в социально-экономическом положении городов, изменению управленческих статусов. Так, если ещё двадцать лет назад безоговорочным «центром силы» в управленческих и межгородских отношениях выступал Орск, то сейчас можно скорее говорить о большей важности Новотроицка.

Если рассмотреть относительную динамику вклада городов в промышленное производство Восточного Оренбуржья за две даты – 1991 и 2009 гг., то наихудшей будут обладать Орск (доля упала с 51% до 26%), Медногорск (с 5,6% до 3%) и Кувандык (с 3,2% до 1,8%), города, в которых в 1991 г. от четверти до трети промышленной продукции производилось на предприятиях машиностроения.

Динамика развития основных предприятий. Кризис промышленности в посещённых городах подчиняется скорее общероссийским, чем специфическим отраслевым тенденциям. В номенклатуре производимых здесь товаров большую долю занимала продукция, ориентированная на промышленных потребителей – тяжёлое металлургическое оборудование, техника для добычи полезных ископаемых, электротехническая оснастка. В условиях общего кризиса промышленности спрос на эти товары оказался сниженным, что привело к резкому увеличению издержек для предприятий, рассчитанных на выпуск массовой продукции. Обширный сегмент потребительских товаров, производимых, в основном предприятиями Орска (Орский механический завод, Орский завод холодильников) стал также неконкурентоспособным из-за снижения покупательной способности населения, усилившейся конкуренцией со стороны зарубежных производителей.

В связи с произошедшими потрясениями к концу 2000-х гг. машиностроительный комплекс Восточного Оренбуржья преобразовался. Крупнейшее машиностроительное предприятие – ОРМЕТО–ЮУМЗ было вынуждено переориентироваться с производства массовых и типовых видов машиностроительной продукции с высокой добавленной стоимостью на менее технологичную и более дешевую продукцию. Экономический кризис, затормозивший рост металлургической отрасли, привёл к снижению инвестиционной активности предприятий, что привело к изменению портфеля заказов. Переход к выпуску более простой продукции при сохранении объемов трудоёмкости работы и расхода материалов приводит к существенному снижению выручки предприятий. Изменяется и номенклатура предприятия – происходит узкая специализация (производство валков, крановое производство) с постепенным отказом от других направлений деятельности. С одной стороны, это приводит к повышению текущей эффективности производства, с другой – снижает устойчивость от изменения конъюнктуры и возможной конкуренции на оставшийся узкий профиль продукции.

Проблемы Орского завода холодильников изначально возникли из-за невысоких потребительских свойств производимой продукции. Используя механизмы государственной поддержки, предприятию удалось привлечь финансирование и к концу 2009 г. частично модернизировать производство, однако разногласия между частными собственниками предприятия привели к его остановке и увольнению рабочих.

Города металлургической специализации испытывали рост с начала 2000-х гг. во многом благодаря влиянию конъюнктурного фактора. Повысившиеся цены позволили им восстановить максимальные объёмы производства. Так, «Уральская Сталь» в Новотроицке (бывший Орско-Халиловский металлургический комбинат, ОХМК) уже в самом начале роста цен за 2001–2003 гг. смогла выйти с 2/3 от уровня 1991 г. к уровню в 87% и в дальнейшем увеличить его практически до исходного (максимальный выпуск стали в 2004–2006 гг. составил свыше 95% от уровня 1991 года в натуральном выражении). Снизившиеся цены на металлургическую продукцию в 2008 г. привели к резкому сокращению производимой продукции, что ещё более усилилось с кризисом в строительной отрасли и снижением спроса в 2009 г. Таким образом, предприятие оказалось сильно зависимым от конъюнктурного фактора.

«Уральская Сталь» отличается высокими издержками по сравнению с другими металлургическими комбинатами полного цикла в России и СНГ в целом. Во-первых,

по объёму выплавки стали среди комбинатов полного цикла в России он опережает лишь металлургический завод имени Серова, т.е. обладает относительно низкой экономией на масштабе производства. Во-вторых, на нём до сих пор доля выплавки стали в мартеновских печах составляет около ½. В-третьих, комбинат работает на сырье Михайловского горно-обогатительного комбината в Курской области, который находится в 1900 км от Новотроицка. Наконец, он удалён от основных потребителей – предприятий по производству металлоконструкций в Воронеже, Кургане и Улан-Удэ, трубных заводов в Выксе, Челябинске и Волжском. Комбинат не спасает даже удачная структура производства, в которой преобладает трубный штрипс и сортовой прокат: в 2011 г. продолжился спад производства, загрузка оборудования снизилась до 70%.

Производство меди и ферроникеля возросло в 2000-х гг. благодаря улучшению конъюнктуры мирового рынка металлов. Ещё около 2000 г. основные предприятия этих отраслей были приобретены металлургическими холдингами федерального уровня: Гайский ГОК и Медногорский медно-серный комбинат – Уральской горно-металлургической компанией (УГМК), Буруктальское рудоуправление и «Южуралникель» (ЮУНК) – «Мечелом» [2], которые провели модернизацию предприятий (освоение Домбаровской группы месторождений Гайским ГОКом, реализующийся проект по установлению электропечей на ЮУНК). Благодаря удачной конъюнктуре рынка в отрасли успешно вели деятельности менее крупные компании: «Русская медная компания» развернула разработку малых месторождений меди в Домбаровском районе, Буруктальский никелевый завод (БНЗ) вышел на стабильный уровень выпуска ферроникеля.

Влияние кризиса 2009 г. повлияло на цены на никель в большей степени, чем на другие металлы. С другой стороны, в Оренбургской области существенно выросли цены на кокс (на 45%) и электроэнергию (на 64%). Очередное снижение мировых цен на никель вынудило остановить производство на «Южуралникеле» в конце 2012 г. Это вынудило оба никелевых завода форсировать проекты модернизации производства. При этом заводы действуют в диаметрально противоположных направлениях: ЮУНК стремится оснастить производство электропечами из-за высоких цен на кокс и выплат за экологической загрязнение (при этом «Мечел» имеет собственную электросбытовую компанию). Напротив, БНЗ стремится установить печи Ванюкова из-за высоких цен на передачу электроэнергии в удалённый от электростанций г. Светлый, в то время, как экологический ущерб от установки небольших новых печей будет довольно слабым.

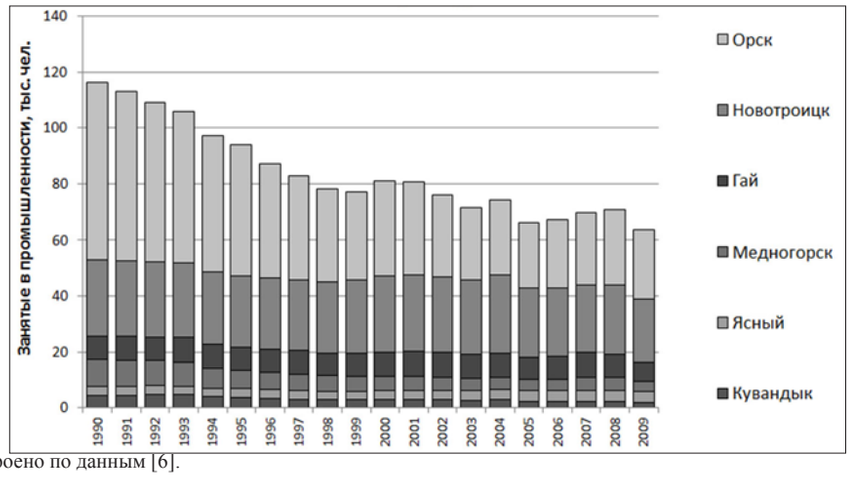
Снижение объёмов промышленного производства неизбежно повлекло за собой снижение численности занятых (рис. 2). Орск за 19 лет потерял больше половины занятых (с 63,4 до 24,6 тыс. чел.), Новотроицк до 2008 г. смог сохранить количество занятых в промышленности, только в разгар кризиса потеряв 3,5 тыс. чел., в основном за счёт сокращений на «Уральской Стали», более чем на 60% снизилась занятость в промышленности в Медногорске; только Ясный смог продемонстрировать небольшой рост с 3,3 до 3,8 тыс. чел. Суммарное число работников в промышленности сократилось со 116 до 64 тыс. чел.. Подобная динамика, несомненно, должна была повлечь за собой негативные процессы в социальной среде, привести к выезду наиболее мобильной и квалифицированной части работников из городов.

Проблема сырьевой базы. В настоящее время добывающая промышленность востока Оренбургской области столкнулась с большим количеством проблем. Собственно добыча полезных ископаемых даёт всего лишь 8–10% промышленного производства региона, но существование крупных заводов по выплавке никеля и меди напрямую зависит от состояния горнодобывающей отрасли.

Главной проблемой сырьевой базы региона является низкое качество полезных ископаемых. Конкурентным преимуществом месторождений региона является их высокая обеспеченность при сохранении современных темпов разработки.

Железные руды являются труднообогатимыми, малые месторождения группы отрабатывались за 15–30 лет. Завершение их разработки к 1990-м гг. связано с добычей железной руды на Соколово-Сарбайском ГОКе, который находится менее, чем в 500 км от ОХМК.

Стабильная ситуация наблюдается в области добычи никелевых руд. Буруктальское



Построено по данным [6].

Рис. 2. Структура занятых в промышленности по городам Восточного Оренбуржья

месторождение в пос. Светлый может стабильно обеспечивать нужды Буруктальского никелевого завода и ЮУНК. Но на обоих заводах растут издержки на стадии выплавки ферроникеля, они уступают по конкурентоспособности «Норникелю», поэтому объём добычи вряд ли будет возрастать.

Наиболее оптимистичные перспективы наблюдаются в сфере добычи меди: в Восточном Оренбуржье располагаются Гайское месторождение с большими запасами руд и Домбаровская группа малых, но богатых месторождений, что позволяет наращивать добычу с низкими рисками.

Специфика металлургической промышленности региона заключается в том, что комбинаты в период форсированной индустриализации 1930–1950-х гг. строились близ месторождений, которые с одной стороны, имели высокое содержание металла, но, с другой, их богатые горизонты были выработаны за несколько лет (табл. 2). В результате после истощения первых месторождений предприятиям приходилось переориентироваться на переработку руд более удалённых месторождений, поскольку закрытие или перемещение металлургического комбината такой мощности было бы неоправданным из-за его высокой капиталоёмкости и роли на рынке труда.

Транспортная проблема. В регионе наблюдается еще одна проблема промышленных предприятий – транспортная. В связи с переходом к разработке более дальних месторождений значительно увеличивается объём транспортной работы.

Классический фактор экономической рентабельности разработки месторождений

Таблица 2

Транспортные затраты в млн. т-км на получение сырья с месторождений

ОХМК (3 млн. т проката)	Халиловское (1955)	Соколово-Сарбайский ГОК	Кривой Рог (1990-е)	Михайловский ГОК (2003*)
	100	1300	9700	6600
ММСК (50 тыс. т. черновой меди)	Блявинское (1939)	Гайское (1959)	Яман-Касы (1990)	Домбаровская группа (1999)
	20	22	34	340**
ЮУНК (17,5 тыс. т ферроникеля в пересчёте на 100%-сод. Ni)	Аккермановское (1938)	Айдарбаское (1938)	Кимперсайское (1942)	Буруктальское (1958)
	150	250	350	400

*Примечание: в скобках – год начала поставок с месторождения на комбинат.

**Примечание: учитывается транспортная работа Гайского ГОКа по перевозке руды с месторождений Домбаровской группы на обогатительную фабрику.

Рис. 3. Схема размещения тяжёлой промышленности Восточного Оренбуржья

Таблица 3

Срок разработки месторождений металлических руд на территории Восточного Оренбуржья

Месторождение	Срок разработки (лет)
Медь	
Блявинское (откр.)	32
Блявинское (закр.)	≈20
Яман-Касы	13
Гайское (откр.)	44
Летнее (откр.)	11
Гайское (закр.)	52
Летнее (закр.)	1
Осеннее	8
Левобережное	1
Весеннее	1
Еленовский рудник	4
Джусинский (откр.)	**8**
Никель	
Аккермановское	12
Айдарбакское	5
Кимперсайское	≈50
Буруктальское	**54**
Железо	
Аккермановское	≈60
Новокиевское	≈40
Новопетропавловское	≈20

Примечание 1. Закр. – закрытый способ добычи, откр. – открытый способ добычи

Примечание 2. **Полужирным** выделены разрабатываемые в настоящий момент месторождения

в случае заводов Восточного Оренбуржья был усложнён ролью внешнеполитической ситуации в советское время и интересами крупного бизнеса в 1990–2000-е гг. Внешнеполитическая ситуация отразилась на том, что в 1960–1990-х гг. оба никелевых завода в регионе основным сырьём имели 55% кубинский концентрат. В 1990-х гг. оказалось выгоднее осваивать относительно бедные Буруктальское и Сахаринское месторождения. Кроме того, распад СССР привёл к установлению таможенного режима между Россией и Казахстаном, что усложнило использование никелевых руд Кимперсайского месторождения и потенциальную переработку железной руды Соколово-Сарбайского горно-производственного объединения (ССГПО).

Последняя возможность не была реализована, в первую очередь, из-за различных интересов крупного бизнеса. В использовании казахстанской руды были также заинтересованы Магнитогорский металлургический комбинат (ММК), который работал на этой руде с 1960-х гг. и китайские металлургические компании. Они были более платёжеспособными поставщиками по сравнению с ОХМК, который до 2003 г. не входил в металлургические холдинги, а по всем технологическим параметрам проигрывал ММК. В результате сырьё ССГПО используют ММК и китайские компании, а ОХМК был вынужден возить руды с Криворожского бассейна: разница в транспортной работе между 2 вариантами составляет 7 раз. С приобретением новотроицкого комбината холдингом «Металлоинвест» завод получил возможность работать на сырье Михайловского ГОКа в Курской области, что сократило плечо перевозок на 650 км.

Роль передела собственности также отразилась на технологической схеме ММСК. В 1990-х гг. он оставался изолированным от крупного бизнеса предприятием, поэтому в 1998 г. был открыт цех электролиза меди. В 2001 г. комбинат был куплен Уральской горно-металлургической компанией (УГМК), которая сосредоточила рафинирование меди

на заводе «Уралэлектромедь» в г. Верхняя Пышма и вывезла туда оборудование по электролизу из Медногорска. Таким образом, была восстановлена технологическая схема советского времени, временно нарушенная в конце 1990-х гг.: УГМК поставила под свои контроль цикл производства меди от добычи руды до производства медного проката.

Перспективы развития городов. Наиболее стабильная динамика производства и лучшие перспективы развития промышленности наблюдаются в Новотроицке и Гае. Новотроицк – это более крупный промышленный центр, но для него характерна и большая «инерционность» фондов, зависимость от металлургического комбината. На Гайском ГОКе по технологическим причинам выше трудоёмкость, но производство является настолько важным активом УГМК, что в городе наблюдается максимальный для региона душевой объём инвестиций.

Орск стал скорее инфраструктурным центром, промышленность города стала менее эффективной после кризиса 1990-х гг., теперь для города характерна значительная «инерционность» избыточных промышленных фондов.

Остальные города, ещё в советское время уступавшие Орску и Новотроицку по размерам и эффективности промышленности, в настоящее время ещё сильнее отстали от лидера и не испытывают инвестиционного роста.

Наиболее перспективным среди них представляется Медногорск, являющийся значимым узлом в производственной цепочке УГМК. Кризисный период на ММСК завершился в начале 2000-х гг., можно ожидать некоторого роста инвестиций в комбинат в будущем. Относительно позитивные перспективы имеет г. Ясный, где производство принадлежит местным собственникам. Напротив, ниже потенциал развития посёлка Светлый, который сильнее удалён от Орска, а его специализация на добыче никеля менее выгодна при современной рыночной конъюнктуре, чем на добыче и переработке меди. Наконец, Кувандык представляет собой в большей мере деиндустриализовавшийся город, где доля занятых в промышленности составляет 20–40%. Производство в городе не является критически важным для «Русала», который обладает гораздо более мощным заводом в г. Полевском.

Выводы. 1. Современный кризис тяжёлой промышленности в Восточном Оренбуржье в первую очередь был обусловлен общероссийскими тенденциями 1990-х гг.: спадом спроса на средства производства, замещением товаров массового потребления импортной продукцией, распадом экономических связей (особенно между предприятиями, оказавшимися в разных государствах).

2. Относительно стабильное состояние наблюдалось в 1990-е гг. на экспорториентированных предприятиях топливной и металлургической промышленности. На них рост объёмов производства в 2000-е гг. привел к недостатку квалифицированных рабочих и инженерно-технических кадров (обусловлено миграционным оттоком и развалом системы профессионального образования в регионе). С другой стороны, они оказались более уязвимы к падению мировых цен на сырьевые товары, которое наблюдается в течение последних 5 лет.

3. Истощение местной рудной базы становится важной проблемой для предприятий чёрной и цветной металлургии, строительство которых пришлось на 1930–1950-е гг. В результате на них растут издержки на перевозку сырья, в некоторых случаях усиленные за счёт приватизации наиболее выгодных сырьевых активов конкурирующими компаниями.

4. Кризисные явления в промышленности дополняются проблемами развития муниципалитетов: неблагоприятной экологической обстановкой, негативной динамикой движения населения, сложностью административного управления городами в условиях современной бюджетной политики. Существуют и субъективные ограничения развития индустриальных городов: снижение привлекательности индустриального труда и несоответствие городской инфраструктуры потребностям населения.

5. Восточное Оренбуржье в сложившихся условиях не обладает достаточными предпосылками для развития по постиндустриальному пути развития экономики. К ограничениям можно отнести: периферийное положение региона, отсутствие достаточного количества трудовых ресурсов и качественной среды проживания, низкую норму накопления капитала. Консервативный путь развития, вероятно, приведёт к дальнейшему сокращению населения, концентрации экономической активности в Орско-Новотроиц-

кой агломерации и деградации индустриальной периферии.

6. Наиболее сильно кризисные явления проявились в Орске, многие промышленные предприятия которого закрылись. В соответствии с этим можно ожидать наиболее неблагополучную ситуацию именно в этом городе. В будущем относительно позитивными перспективами обладают города, обладающие центральным положением (Орск, Новотроицк, в меньшей мере – Гай) и удачной специализацией (добыча и первичный передел металлических руд и топливных полезных ископаемых).

Библиографический список

1. United States Geological Survey: Iron and Steel: Statistics and Information. Электронный ресурс – http://minerals.usgs.gov/minerals/pubs/commodity/iron_&_steel/ [06.05.13].
2. Власть, бизнес, общество в регионах: неправильный треугольник / Под ред. Петрова Н. и Титкова А.; Московский центр Карнеги. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2010. – 439 с.
3. Герасименко Т.И. Этнокультурное развитие трансграничных регионов: автореф. дисс. ... докт. геогр. наук. – СПб., 2005.
4. Города и районы Оренбургской области, 2009. Статистический сборник // Территориальный орган федеральной службы государственной статистики по Оренбургской области. – Оренбург, 2010.
5. Информационно-аналитический центр «Минерал». Электронный ресурс – http://mineral.ru/ [06.05.13]
6. Многофункциональный статистический портал (Мультистат) Главного межрегионального центра обработки и распространения статистической информации Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации.
7. Пилясов А.Н., Суриков И.Е. Анализ влияния политико-экономических факторов на эффективность функционирования региональной экономики (Оренбургская область). – М., 2003.
8. Семёнов Е.А., Чибилёв А.А. Внутрирегиональная производственная кооперация и создание производственных кластеров на территории Оренбургской области // Известия Оренбургского отделения Русского географического общества. – Оренбург: Печатный дом «Димур», № 3, 2008.
9. Степанов П.Н. Урал. – М.: Географлит, 1957. – 164 с.
10. Фокина Л.А. Этапы формирования и развития промышленности Оренбургской области // Территориальная организация производительных сил Южного Урала. Межвузовский сборник научных статей Куйбышевского ГПИ им. В.В. Куйбышева. Т. 244. – Куйбышев, 1980.

Болычев О.Н. (Калининград)

ФАКТОРЫ И ОСОБЕННОСТИ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ РАЗВИТИЯ СЕТЕЙ В РОЗНИЧНОЙ ТОРГОВЛЕ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Bolychev O.N.

THE FACTORS AND FEATURES OF TERRITORIAL DIFFERENTIATION OF RETAIL CHAIN DEVELOPMENT IN THE CONSTITUENT ENTITIES OF THE RUSSIAN FEDERATION

Аннотация. *На основе статистического анализа, основанного на официальных справочниках Росстата, делаются выводы о современном состоянии и развитии розничной торговли в России, о месте сетей в организации розничной торговли, территориальной дифференциации федеральных округов и субъектов РФ по уровню развития сетей. Показано, что на развитие сетей большое влияние оказывает географическое положение регионов: с удалением от Москвы и Санкт-Петербурга доля сетей в розничной торговле субъектов РФ сокращается. Одновременно высказывается предположение о возможной как позитивной, так и негативной роли институциональных факторов в распространении сетей в регионах.*

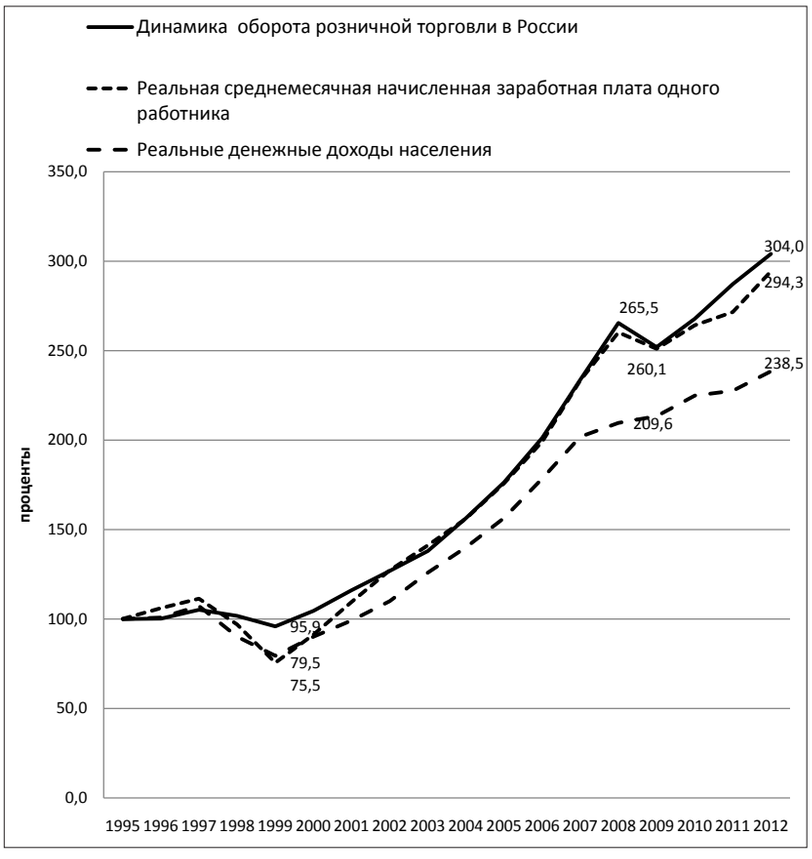
Abstract. *A strategic analysis based on the official Rosstat reference data makes it possible to come to a conclusion about the current condition and development of retail in Russia, the role of chains in retail organisation, and the territorial differentiation of federal districts and constituent entities of the Russian Federation according to chain development level. It is shown that the development of chains is greatly affected by the geographical position of the region: as the distance from Moscow and Saint Petersburg increases, the share of retail chains decreases. The author formulates a hypothesis about the possible – both positive and negative – role of institutional factors in the development of chains in regions.*

Ключевые слова: *розничная торговля, розничные сети, Российская Федерация, федеральные округа, субъекты Российской Федерации, географическое положение, институциональные факторы.*

Key words: *retail, retail chains, Russian Federation, federal districts, constituent entities of the Russian Federation, geographical position, institutional factors.*

Лаборатория сетевых исследований БФУ им. И.Канта проводит мониторинг распространения сетевых форм организации розничной торговли в российских регионах. К сожалению, анализ динамики и территориальной дифференциации развития сетей затруднен спецификой их статистического учета. Так, Перечень торговых сетей, на основе которого статистические органы собирают информацию об их деятельности, составляется органами государственной власти субъектов Российской Федерации [1, с. 776]. Безусловно, наличие согласованного списка в масштабах всей Российской Федерации способствовало бы повышению степени сопоставимости данных по разным регионам. Пока же оценки Росстата и независимых консалтинговых агентств, например, о доле сетей в розничном товарообороте обычно расходятся. Кроме того, изменение методик статистических подсчетов не позволяет сопоставить опубликованные Росстатом данные за 2010–2011 гг., с одной стороны, и 2008–2009 гг., с другой (сведения за более ранние годы в сборниках Росстата отсутствуют). В 2008–2009 гг. статистика показывает намного более высокие показатели доли сетей в розничном товарообороте по сравнению с 2010–2011 гг. Выполненные оценки развития розничных сетей на основе данных Росстата позволяют сделать некоторые выводы, которые представляются полезными для определения региональной политики государства в сфере розничной торговли.

Развитие розничных сетей – важный компонент развития розничной торговли, которая относится к числу наиболее динамичных отраслей российской экономики и по темпам роста превосходит большинство стран мира. Она развивается темпами, близкими к темпам роста среднемесячной заработной платы работников и, в меньшей мере – к динамике реальных доходов населения (рис. 1). Лишь в результате дефолта в 1998 г. все три показателя снизились (в меньшей мере – объемы розничной торговли), а во время глобального экономического кризиса в 2009 г. объемы розничной торговли и заработная плата сократились (в отличие от несколько возросших доходов населения).



Рассчитано автором на основе данных: [1-3; 4, с. 108; 5, с. 108; 6, с. 124; 7, с. 142; 8, с. 136; 9, с. 155; 10, с. 155; 11, с. 155; 12, с. 166; 13, с. 162; 14, с. 146].

Рис. 1. Динамика заработной платы, денежных доходов населения и оборота розничной торговли в Российской Федерации, в процентах к 1995 году

Объем розничного товарооборота в России в 2012 г. достиг 21,3 трлн. руб., а в расчете на душу населения – 149 тыс. руб. в год [15, с. 30]. Тем не менее, розничный товарооборот в расчете на душу населения в России все еще существенно ниже, чем в экономически развитых странах с традиционной рыночной экономикой. Менее развиты и современные формы организации торговли, в частности, сетевые форматы, которые появились в Российской Федерации только в середине 1990-х гг., с началом становления в стране рыночной экономики, но наиболее активный прирост доли сетей приходится на 2000-е годы. За 2000–2011 гг. доля сетевых структур в розничной торговле возросла с 1% товарооборота до 20,1% в первом полугодии 2012 г [16].

Среди хозяйствующих субъектов розничной торговли выделяются организации, розничные рынки и индивидуальные предприниматели. Число организаций и индивидуальных предпринимателей в России за 2005–2012 гг. увеличилось, количество рынков и число мест на них сократилось (в 2011–2012 гг. несколько уменьшилось и число индивидуальных предпринимателей).

Количественные и качественные особенности розничной торговли имеют большие территориальные различия. Они изменяются во времени – наибольшая дифференциация объемов розничной торговли в расчете на душу населения была характерна для конца 1990-х гг., когда доля Москвы в российском розничном товарообороте достигала 30% (против 12% в 1990 г.). К 2012 г. этот показатель снизился до 17%, но столичный товарооборот в расчете на душу населения все равно в 2,06 раза превышает среднероссийский показатель [15, с. 30; 17, с. 524-525].

Динамику относительных изменений душевого розничного товарооборота в процен-

Таблица 1

Хозяйствующие субъекты розничной торговли Российской Федерации (на начало года)

Показатели	2005	2010	2011	2012
Организации, тыс., на 1 января	129	216	236	259
среднегодовая численность работников, тыс. человек	1808	2367	2441	…
Розничные рынки, тыс., на 1 января	6,4	3,5	3,4	3,2
число мест на рынках, тыс., на 1 января	933	971	961	896
Индивидуальные предприниматели, тыс., на 1 января	1080	1757	1744	1685

Источник: [17, С. 521–522].

Таблица 2

Изменения душевого розничного товарооборота в % к среднероссийскому показателю в разрезе федеральных округов, 1990–2012 гг.

Федеральный округ	Душевой розничный товарооборот в процентах к среднероссийскому показателю		
	1990 г.	2000 г.	2012 г.
Центральный	111,8	161,3	126,8
Северо-Западный	105,9	92,2	96,0
Южный	94,1	74,5	92,9
Северо-Кавказский	88,2	50,1	77,5
Приволжский	82,4	75,8	88,0
Уральский	94,1	84,3	112,4
Сибирский	94,1	78,2	80,5
Дальневосточный	111,8	87,9	87,7

Рассчитано автором на основе данных: Российский статистический ежегодник. 2012. – М.: Росстат, 2012. – С. 524-525; Социально-экономическое положение федеральных округов. Общая информация. – М.: Росстат, 2013.

тах к среднероссийскому показателю в разрезе федеральных округов отражают данные таблицы 2.

Еще большие различия основных характеристик розничной торговли наблюдаются между субъектами РФ. Различия зависят от многочисленных прямых и косвенных факторов. Прямое воздействие на душевой объем розничного товарооборота в регионе оказывают среднемесячная зарплата (коэффициент корреляции 0,65) и денежные доходы населения (коэффициент корреляции 0,72), достигнутый объем розничного товарооборота (коэффициент корреляции 0,73). Важную роль играют институциональные факторы (деятельность федеральных и региональных властей, содействующая развитию торговли). К косвенным факторам, воздействующим через прямые, относятся уровень экономического развития региона, доля городского населения, численность и плотность населения, географическое положение, национальные традиции. Территориальные различия регионов по уровню, темпам развития и особенностям организации розничной торговли, несмотря на их уменьшение в 2000-е годы, остаются весьма значительными и требуют государственного регулирования с целью их дальнейшего уменьшения.

Сетевые формы организации розничной торговли являются важным фактором ее развития. Они, с одной стороны, повышают производительность труда работников торговли, а с другой – предоставляют потребителям более качественные услуги, широкий ассортимент товаров и пр. В экономически развитых зарубежных странах сети появились еще в 1920–1930-е годы, но активно развиваться они стали лишь в середине XX в. Этому способствовали достижения начавшейся в это время научно-технической революции, создавшее предпосылки ускорения и упрощения сетевых коммуникаций. Одновременно в мире стал формироваться глобальный рынок, национальные торговые сети стали превращаться в международные и всемирные. Уровень сетизации розничной торговли в наиболее экономически развитых странах достиг 70–90%.

Советский Союз формально имел, возможно, наиболее крупную национальную торговую сеть, поскольку большинство магазинов и продовольственных складов управлялось государством, а остальные – потребительской кооперацией; крайне незначительную роль играли так называемые колхозные рынки. В 1975 г. в СССР 69,1% розничного товарооборота приходилось на государственную торговлю, 28,6% – на кооперативно-колхозную и 2,3% – на колхозные рынки [18]. Однако торговые сети в Советском Союзе не были сетями в том понимании, какое принято у специалистов, занимающихся рыночной экономикой. Присущие рыночным сетям преимущественно горизонтальные связи между хозяйствующими субъектами в советской экономике, в том числе и в торговле, были заменены вертикальными административно-командными связями.

Развитие рыночных сетей розничной торговли началось в Российской Федерации со становлением рыночных отношений в середине 1990-х гг. Стали возникать первые региональные сети, и некоторые из них впоследствии стали федеральными сетями, а затем и международными, постепенно выходящими на рынки стран ближнего зарубежья. В 2000-е годы в российскую розничную торговлю пришли и крупные западные сети.

Сетевые формы розничной торговли развиваются относительно быстро. В 2000 г. сети охватывали только 1% российской розничной торговли. В первом полугодии 2012 г. этот показатель достиг 20,1% [16]. Однако степень распространения сетей в розничной торговле России намного меньше, чем в экономически развитых странах с традиционной рыночной экономикой. Более того, пока их развитие происходит медленнее, чем прогнозируют правительственные органы и многие эксперты.

Стратегия развития торговли в Российской Федерации на 2011–2015 гг. и период до 2020 г., утвержденная приказом Миппромторга России от 31 марта 2011 г., предусматривает очень высокие темпы развития сетевой торговли. В зависимости от того, какой из рассмотренных Стратегией сценариев развития экономики доля сетей в розничной торговле в 2015 г. прогнозируется на уровне 35–45%, а к 2020 г. – в размере 55–65% [19]. Ориентиром, очевидно, являются страны с традиционной рыночной экономикой, где прогнозируемый для России уровень 2020 г. превышен уже сейчас.

Сложностью российских условий является чрезвычайная дифференциация факторов, влияющих на развитие сетей в регионах, наличие менее освоенных и менее развитых в социально-экономическом отношении территорий, в основном расположенных на периферии страны. Самый низкий уровень сетизации и низкие темпы развертывания сетей имеют субъекты Северо-Кавказского (его национальные республики) и Дальневосточного федеральных округов. Уровень распространения сетей ниже среднего при низких темпах их роста имеют Южный и Сибирский федеральные округа. Уральский и Приволжский округа имеют невысокую долю, но довольно значительные темпы роста доли сетей в розничной торговле. Лидерами, с показателями уровня и темпов развития сетей выше средних, являются Центральный и, в особенности, Северо-Западный федеральные округа (табл. 3).

Региональные различия на уровне субъектов, естественно, еще более значительны. В некоторых (Республика Ингушетия, Чеченская республика, Чукотский автономный округ) статистическими органами показано отсутствие сетей. Наиболее высокая их доля зафиксирована в Санкт-Петербурге (50% в 2011 г.) [1, с. 716].

Внутри федеральных округов различия также весьма значительны. Во всех федеральных округах имеются и лидеры, и отстающие по развитию сетевых форматов регионы (табл. 4). Так, в Центральном федеральном округе большинство регионов имеет долю сетей выше средней по РФ, но Калужская, Костромская и, особенно, Смоленская области – значительно ниже средней. Для большинства субъектов Приволжского округа характерны показатели, близкие к средним по стране, а в Башкортостане они существенно ниже. Хотя в Северо-Кавказском округе все субъекты имеют показатели ниже средних, но их уровень в разрезе субъектов РФ неодинаков: В Ставропольском крае и Карачаево-Черкесской республике он выше, чем в других субъектах. Низкая доля сетей в розничном товарообороте во многих регионах Российской Федерации, по нашему мнению, означает, что федеральные и, тем более международные торговые сети предпочитают продолжать осваивать регионы с

Таблица 3

Изменения доли сетей в розничном товарообороте федеральных округов РФ, 2010–11 гг.

Федеральный округ	Доля сетей в розничном товарообороте, %		
	2010	2011	Прирост, процентных пунктов
Центральный	17,6	21,7	4,1
Северо-Западный	30,4	33,5	3,1
Южный	16,3	16,9	0,3
Северо-Кавказский	4,3	5,7	1,4
Приволжский	13,3	16,0	2,7
Уральский	11,3	13,9	2,6
Сибирский	14,0	15,2	1,2
Дальневосточный	7,2	7,4	0,2
Россия, всего	15,8	18,5	2,7

Рассчитано автором на основе данных: [17, с. 524–525; 20].

уже относительно развитыми сетями, а не начинать осваивать менее привлекательные территории с менее благоприятными социально-экономическими характеристиками.

Итак, территориальная дифференциация развития сетей в розничной торговли России не только чрезвычайно высока, но и пока не прослеживается тенденция ее уменьшения. Прослеживается следующая корреляционная зависимость: с удалением от Москвы и Санкт-Петербурга доля сетей имеет тенденцию к снижению (коэффициент корреляции -0,62). Попытка выявить существенные (или приближающиеся к существенным) корреляционные связи доли сетей в регионе с другими его характеристиками не увенчалась успехом.

Ряд периферийных субъектов РФ не имеет торговых сетей или имеет их в крайне малом количестве, тогда как передовые в отношении развития сетей регионы, прежде всего Санкт-Петербург, характеризуются дальнейшим развитием сетевых форм организации розничной торговли. Возникшие здесь федеральные сети все шире распространяются по стране и обеспечивают высокую долю сетей в розничной торговле прилегающих ко «второй столице» областей – Ленинградской, Новгородской, Псковской.

Вместе с тем, многие хорошо освоенные индустриально-аграрные регионы с довольно развитой сферой услуг и товарооборотом на душу населения, превышающим 100 тыс. руб. в год (2011 г.) в разных федеральных округах имеют долю сетей в розничном товарообороте всего лишь от 5% до 14,9%. Среди них Республика Башкортостан, Краснодарский и Ставропольский края, Калужская, Костромская, Смоленская, Челябинская и Кемеровская области. Доля сетей в их розничном товарообороте намного меньше, чем во многих регионах со сходными социально-экономическими характеристиками, среди которых Республика Татарстан, Белгородская, Курская, Липецкая, Тульская, Ярославская, Ростовская, Самарская, Новосибирская области и др. Целесообразно попытаться выявить, что препятствует развитию сетей в розничной торговле регионов из первого списка. При этом особое внимание следует уделить региональным институциональным факторам, которые могут играть как позитивную, так и негативную роль в развитии сетей.

Библиографический список

1. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2012: Стат. сб. – М.: Росстат, 2012.
2. Интерактивная витрина Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации. URL: http://cbsd.gks.ru/ (дата обращения: 20.08.2013).
3. Основные показатели социально-экономического положения субъектов Российской Федерации в 2012 году // Российская газета – Федеральный выпуск № 6029 от 13 марта 2013 г.
4. Регионы России: Стат. сб. В 2 т. Т. 2 / Госкомстат России. – М., 2001. – С. 108.
5. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2002: Стат. сб. / Госкомстат России. – М., 2002. – С. 108.

Таблица 4

Доля сетей в розничной торговле субъектов РФ, процентов, 2011 г.

Федеральный округ	Доля сетей в общем товарообороте розничной торговли, %					
	0,0 –4,9	5,0 – 9,9	10,9 – 14,9	15,0 – 19,9	20,0 – 29,9	30,0 – 50,0
Центральный		Смоленская	Калужская, Костромская	Брянская, Ивановская, Тамбовская, Воронежская, Тверская	Москва, Московская, Белгородская, Владимирская, Липецкая, Тульская, Ярославская, Курская, Орловская, Рязанская	
Северо-Западный	Архангельская		Коми, Вологодская, Ненецкий	Карелия Калининградская	Мурманская, Новгородская	Санкт-Петербург Ленинградская Псковская
Южный			Краснодарский, Калмыкия	Астраханская, Ростовская	Волгоградская	Адыгея
Северо-Кавказский	Дагестан, Ингушетия, Чеченская, С. Осетия – Алания	Кабардино-Балкарская	Ставропольский Карачаево-Черкесская			

Таблица 4. *Окончание*

Приволжский		Башкортостан		Татарстан, Нижегородская, Оренбургская, Саратовская, Самарская, Удмуртская, Чувашская, Кировская, Пензенская, Ульяновская, Марий Эл, Мордовия		
Уральский	Ямало-Ненецкий	Курганская, Ханты-Мансийский	Пермский, Тюменская, Челябинская	Свердловская		
Сибирский	Тыва,	Бурятия, Хакасия, Забайкальский	Красноярский Иркутская, Кемеровская	Томская Алтай	Новосибирская Алтайский, Омская	
Дальне-восточный	(Саха) Якутия, Магаданская, Сахалинская, Чукотский	Приморский, Камчатский, Амурская	Еврейская	Хабаровский		

Составлено автором на основе данных: [1, С. 716].

6. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2003: Стат. сб. / Госкомстат России. – М., 2003. – С. 124.
7. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2004: Стат. сб. / Росстат. – М., 2004.
8. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2005: Стат. сб. / Росстат. – М., 2005.
9. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2006: Стат. сб. / Росстат. – М., 2006.
10. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2007: Стат. сб. / Росстат. – М., 2007.
11. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2008: Стат. сб. / Росстат. – М., 2008.
12. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2009: Стат. сб. / Росстат. – М., 2009.
13. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2010: Стат. сб. / Росстат. – М., 2010.
14. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2011: Стат. сб. / Росстат. – М., 2011.
15. Социально-экономическое положение Центрального федерального округа в 2012 году // Социально-экономическое положение федеральных округов. Общая информация. – М.: Росстат, 2013.
16. О состоянии розничной торговли в 2011 году и I полугодии 2012 года. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/B12_04/IssWWW.exe/Stg/d05/2-torg-1.htm (дата обращения 11.06.2013).
17. Российский статистический ежегодник. 2012. – М.: Росстат, 2012.
18. Внутренняя торговля / Большая советская энциклопедия. Том 24: СССР // Жизнь в СССР: веб-журнал советской цивилизации. URL: http://life-in-ussr.ru/vnutrennyaya-torgovlya/ (дата обращения 15.08.2013).
19. Стратегия развития торговли в Российской Федерации на 2011 – 2015 годы и период до 2020

Святоха Н.Ю. (Оренбург)

АКТИВНОСТЬ НА РЫНКЕ ЖИЛОЙ НЕДВИЖИМОСТИ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ*

Sviatokha N.U.

ACTIVITY IN THE RESIDENTIAL REAL ESTATE: REGIONAL ASPECT

Аннотация. *В статье рассмотрены региональные особенности современного рынка жилой недвижимости. Предложена методика анализа активности на региональном рынке жилья, на основе которой выполнена группировка субъектов Российской Федерации.*

Abstract. *The article is devoted to the regional characteristics of the modern real estate market. The technique of analyzing the activity on the regional housing market is proposed, on the basis of which the grouping of the subdivisions of Russian Federation is made.*

Ключевые слова: *жилищная сфера, активность на рынке жилой недвижимости, региональные особенности рынка жилья.*

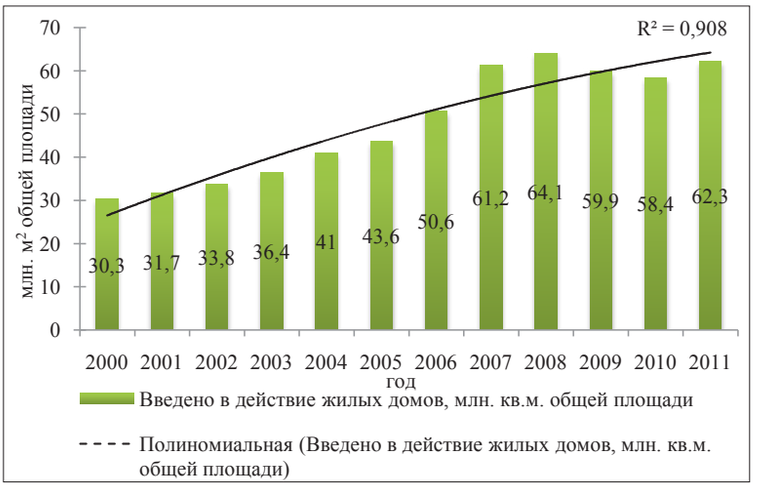
Key words: *housing sphere, activity in the housing market, the regional characteristics of the housing market.*

Проблема и задачи исследования. В условиях рыночной экономики спрос на жильё – неотъемлемый показатель развития жилищной сферы региона, который необходимо учитывать. Жилье служит не только для удовлетворения жилищных потребностей населения, инвестиции в недвижимость – популярный способ вложения средств, т.е. средство накопления. В современных условиях жилье является фактором инвестиционной привлекательности конкретной территории, в связи с чем изучение пространственной дифференциации регионов России по показателям активности на рынке жилой недвижимости представляется актуальным. Задачей данного исследования является группировка регионов России по показателям активности на рынке жилой недвижимости с целью выявления пространственных различий.

Под активностью на рынке жилой недвижимости понимаем совокупность всех целенаправленных действий населения по купле-продаже жилой недвижимости, а также процессы вложения средств в жилища (инвестиции, ипотечные кредиты).

Удовлетворение потребности населения в жилье представляет собой одну из наиболее острых социально-экономических проблем российского общества. Несмотря на положительную динамику ввода жилья с 2000 по 2011 гг. (рис. 1), обеспеченность населения жильем в России существенно отстает от показателей европейских стран. По состоянию на 2011 г. в России на одного жителя прихо-

* Материал подготовлен при финансовой поддержке РГНФ и Правительства Оренбургской области (грант № 12-11-56000/12)



Составлено автором по [1].

Рис. 1. Динамика показателей ввода жилья в России за период с 2000–11 гг.

дится в среднем 23,0 м² [1], это практически в два раза меньше, чем в Великобритании (где данный показатель составляет 44,0 м²), Швеции (45,2 м²), Нидерландах (41,0 м²) и Дании (51,4 м²) [2].

Проблемы жилищной сферы и условий проживания населения свойственны всем регионам мира, для координации действий по решению данных проблем в 1978 г. была основана Программа Организации Объединенных Наций по населённым пунктам (ООН-Хабитат).

Жилищная сфера, под которой на наш взгляд следует понимать сочетание объектов жилищного строительства с относящимися к ним сферами деятельности, такими как строительство, жилищно-коммунальное обслуживание, образование, финансы, государственное управление и т.д., представляет собой сложный объект изучения.

Специфика жилищной сферы обусловлена свойствами жилья как основного её элемента. Во-первых, жилье локализовано в рамках определенного региона, физически связано с фиксированным земельным участком, недвижимо и неперемещаемо, т.е. оно иммобильно. Во-вторых, основной характеристикой жилищного фонда является гетерогенность или разнородность, т.е. совокупность показателей, определяющих степень разнообразия жилищного фонда. С 2013 г. в России принята единая классификация многоквартирных жилых новостроек [4], согласно которой жильё подразделяется на классы: эконом-класс, комфорт-класс, бизнес-класс, элитный класс. Помимо официальной классификации часто жилье классифицируется посредством маркетингового подхода, на основании градостроительных ориентиров, в зависимости от материала постройки и продолжительности использования [5]. Важными особенностями жилья являются его долговечность, т.е. большой срок использования по сравнению с другими товарами, и широкий спектр «сопутствующих услуг» [3]. Одно из ключевых свойств жилья – его высокая социальная значимость, важная роль в обеспечении благосостояния и качества жизни населения.

В силу обозначенных особенностей жилья на жилищную сферу влияет большое количество региональных факторов (природно-климатических, социально-экономических, институциональных и т.д.), под влиянием которых возможны диспропорции в её развитии в различных регионах субъектах Российской Федерации. Подобные различия характерны в целом для территории России, по этому поводу С.С. Артоболевский, П.Я. Бакланов, А.И. Трейвиш писали: «В России всё … усилено острыми диспропорциями на разных уровнях: крупного района или федерального округа, региона – субъекта федерации, города с окружающей местностью и др. Слегка утрируя, можно сказать, что это своего рода объединение Голландии и Буркина Фасо в одной

стране, регионы которой находятся на разных стадиях развития» [6, с.108].

По данным Росстата [1], самая низкая величина общей площади жилых помещений, приходящейся в среднем на одного жителя, в республике Тыва – 13,1 м^2 на человека, что в три раза меньше, чем в Чукотском автономном округе (30,0 м^2), где обеспеченность населения жильем максимальна по стране. Аналогична ситуация и с другими показателями. Темпы строительства жилья максимальны (2011 г.) в Московской области (1,2 м^2 общей площади на человека в год), а минимальны в Мурманской области (0,03 м^2 на человека), максимальный показатель в 40 раз превышает минимальный [1]. Разница между максимальным (в Республике Ингушетия – 20,3% от общего жилищного фонда региона) и минимальным (в г. Москва – 0,3%) значениями удельного веса аварийного и ветхого жилищного фонда составляет 67 раз [1].

Показатели развития жилищной сферы (обеспеченность населения жильём, темпы жилищного строительства, цены на рынке жилья и т.д.) в регионах России различны. Учёт региональных особенностей рынка жилья – необходимое условие при разработке стратегий развития регионов.

Методика исследования. Отбор показателей для оценки активности на региональном рынке жилой недвижимости основывался на следующих принципах: доступность (использовались открытые статистические данные), универсальность (были выбраны индикаторы, наиболее типичные для анализа рынка недвижимости), репрезентативность (выбор индикаторов основывался на их возможности отражать региональную специфику). В результате нами были использованы следующие показатели.

1. Средние затраты на покупку жилья на душу населения в регионе. Данный показатель рассчитывался по формуле:

$$R_i = \frac{S_i \times (P1_i + P2_i)/2}{N_i} ,$$

где R_i – средние затраты на покупку жилья на душу населения, тыс.руб./чел.; S_i – общая площадь жилых помещений, на которые зарегистрированы права на основании договоров купли-продаж, кв. метр; $P1_i$ – средняя цена 1 м^2 общей площади жилья (первичный рынок), тыс. рублей; $P2_i$ – средняя цена 1 м^2 общей площади жилья (вторичный рынок), тыс. рублей; N_i – численность населения, чел.; i – субъект РФ.

2. Объем полученных заемщиками ипотечных жилищных кредитов на душу населения. Показатель рассчитывался по формуле:

$$V_i = \frac{Vo_i}{N_i} ,$$

где V_i – объем полученных заемщиками ипотечных жилищных кредитов на душу населения, руб./чел.; Vo_i – объем полученных заемщиками ипотечных жилищных кредитов, рублей; N_i – численность населения, чел.; i – субъект РФ.

3. Инвестиции в жилища на душу населения. Показатель рассчитывался по формуле:

$$I_i = \frac{Io_i}{N_i} ,$$

где I_i – инвестиции в жилища на душу населения, руб/чел.; Io_i – инвестиции в жилища, рублей; N_i – численность населения, чел.; i – субъект РФ.

4. Доля жилых помещений, участвующих в процессах купли-продажи, в общем жилищном фонде региона. Показатель рассчитывался по формуле:

$$D_i = \frac{S_i \times 100\%}{F_i} ,$$

где D_i – доля жилых помещений, участвующих в процессах купли-продажи в общем жилищном фонде региона, %; S_i – общая площадь жилых помещений, на которые зарегистрированы права на основании договоров купли-продажи (значение показателя за год, квадратный метр); F_i – существующий жилищный фонд, млн. м^2.

Информационную базу исследования составили открытые статистические данные по регионам России [1, 7].

Группировка субъектов РФ осуществлялась на основе метода балльной оценки. Его сущность заключается в присвоении баллов субъектам РФ в соответствии с рангами выбранных показателей (по каждому показателю отдельно) с последующим суммированием баллов. Присвоение баллов используется для нормирования разнородных показателей, а суммирование баллов – для их агрегирования. Полученные результаты позволяют выявить пространственные различия в комплексных показателях, складывающихся из

множества частных данных. Баллы присваиваются в виде целых чисел. За минимальное число принимается 1 (единица), за максимальное – число, равное количеству субъектов РФ (83).

По причине того, что рынок недвижимости более инертен по сравнению с другими рынками, и устоявшиеся тенденции остаются неизменными на протяжении нескольких лет, для выявления пространственных различий в показателях активности на рынке жилой недвижимости проанализированы данные за 2011 г. В сокращенном виде они представлены в табл. 1. По сумме набранных баллов регионы были разбиты на четыре группы:

1. – регионы, отличающиеся низкой активностью рынка жилой недвижимости (<100 баллов);

2. – регионы со средним уровнем активности на рынке жилья (100–169 баллов);

3. – регионы с повышенной активностью на рынке жилой недвижимости (170–229 баллов);

4. – регионы с высокой активностью на рынке жилой недвижимости (>230 баллов)

Таблица 1

Сводная таблица баллов по регионам

		Доля жилых помещений, участвующих в процессах купли-продажи в общем жилищном фонде региона, %	Балл	Инвестиции в жилища на душу населения, рублей	Балл	Объем полученных заемщиками ипотечных жилищных кредитов на душу населения, рублей	Балл	Средний расход на покупку жилья на душу населения в регионе, тыс. рублей	Балл	Итог (сумма баллов)
1	Алтайский край	3,03	69	2746,14	5	3521,13	30	22,19	49	153
2	Амурская область	2,69	55	4852,05	21	5728,89	66	24,45	53	195
3	Архангельская область	2,19	31	4179,68	14	5426,48	63	26,32	64	172
4	Астраханская область	2,39	41	12142,40	64	3081,83	18	15,71	15	138
5	Белгородская область	2,04	20	18949,98	79	2934,40	16	19,29	34	149
6	Брянская область	1,46	2	5417,03	27	2942,79	17	10,79	5	51
7	Владимирская область	2,05	21	8372,88	49	3420,74	26	18,76	31	127
⋮	⋮	⋮	⋮	⋮	⋮	⋮	⋮	⋮	⋮	⋮
82	Ямало-Ненецкий авт.округ	4,23	81	10418,06	59	20007,84	83	43,59	81	304
83	Ярославская область	2,17	30	6863,47	38	4049,51	43	21,75	45	156

Содержание исследования. «Рынок недвижимости – это система организационных мер, при помощи которых покупатели и продавцы сводятся вместе для определения конкретной цены, по которой может произойти обмен таким специфическим товаром, как недвижимость» [8]. Рынок жилой недвижимости представляет собой средство перераспределения объектов жилой недвижимости между собственниками и пользователями с помощью рыночных механизмов на основе конкуренции. Рынок недвижимости является одним из наиболее значимых рынков для экономики страны, так как тесным образом связан с рынком инвестиций.

Активность на рынке жилья, являясь важнейшим свойством рынка недвижимости, различна по регионам, так как рынки жилья

локальны [5], отличаются друг от друга по уровню цен, уровню риска, эффективности инвестиций и зависят от многих факторов – экономических, социальных, демографических и географических. Показатели активности изменчивы во времени. Не смотря на то, что рынок недвижимости более инертен по сравнению с другими рынками, на него влияют макроэкономические показатели, состояние экономики. Так, в период мирового финансово-экономического кризиса (2008–09 гг.), количество операций по купле-продаже недвижимости в России резко упало, сократились число выданных ипотечных кредитов и объемы инвестиций в жилища.

В число регионов с самыми высокими показателями активности на рынке жилья вошли северные, специализирующиеся на добыче природных ресурсов регионы России (Ханты-Мансийский АО, Ямало-Ненецкий АО, Ненецкий АО и др.), часть регионов Дальнего Востока (Приморский, Хабаровский края и др.) а также субъекты, административные центры которых – города-миллионеры (Московская, Ленинградская, Самарская области и др.).

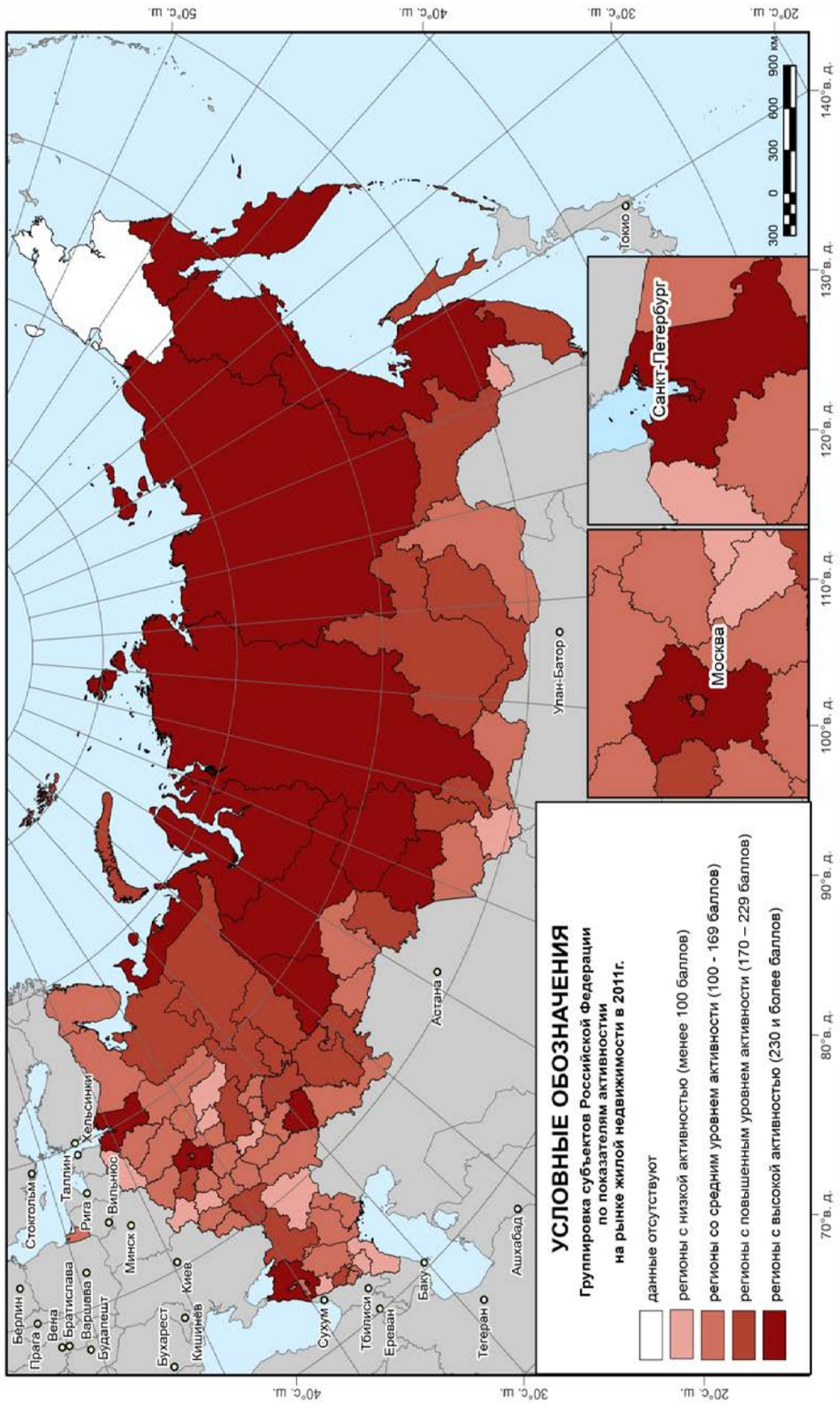
Особо выделяется в группе лидеров Краснодарский край. Рынок жилья активен в регионе благодаря в первую очередь географическому (приморскому) положению и благоприятным климатическим условиям. Приобретение недвижимости на побережье Чёрного моря связано не только с постоянным проживанием, но и с владением ею с целью проведения времени отдыха летом, а также с коммерческой деятельностью. В преддверие Олимпийский игр в Сочи, которые состоятся в 2014 г., количество инвестиций в жилища в регионе достигает максимальных по стране показателей (23791,63 руб. на человека [1]).

Для большинства регионов, входящих в четвертую группу, активность на рынке жилья напрямую связана с показателями миграционного прироста, который в 2011 г. был максимален в Московской области – 114495 чел. и Краснодарском крае – 61514 чел. [1], велики его значения в Новосибирской, Томской, Самарской областях, а также в Ямало-Ненецком и Ханты-Мансийском автономных округах и высокой долей населения трудоспособного возраста.

В большинстве регионов с высокими показателями активности на рынке жилья среднемесячная заработная плата на одного работника больше, чем в среднем по России (в Ненецком, Ханты-Мансийском, Ямало-Ненецком автономных округах размер заработной платы более чем в два раза превышает среднероссийский показатель). Демографический, миграционный, экономический факторы напрямую влияют на объемы трат населения на жилье (рис. 3). Объемы и размер ипотечных кредитов в регионах данной группы превышают среднероссийские показатели. Так, средний размер ипотечного кредита в г. Санкт-Петербург составил в 2011 г. 2 249,52 тыс. руб., в Ханты-Мансийском АО – 1 868,54 тыс. руб. (в среднем по России размер ипотечного кредита в 2011 г. – 1369,31 тыс. руб. [7].

Наряду с регионами с высокой активностью на рынке жилья особо выделяется ряд регионов (группа 1), в которых рынок жилой недвижимости развивается замедленными темпами. К таким регионам относятся республики Северного Кавказа (Дагестан, Чечня, Карачаево-Черкесия), регионы Центральной России (Ивановская, Брянская, Орловская области и др.), Алтайский край и Еврейская автономная область. Жилая недвижимость в указанных регионах покупается-продается менее активно, чем в среднем по России (в среднем это около 1,5% от существующего жилого фонда) [1]. Население реже берет ипотечные кредиты, суммы потраченных на приобретение жилой недвижимости средств на душу населения невелики. В данной группе по показателю количества инвестиций в жилищное строительство на душу населения лидируют Республика Дагестан (15027,14 руб./чел.) и Чеченская Республика (15770,98 руб./чел.) [1], что свидетельствует об активной государственной политике по привлечению инвестиций в регионы. В Еврейской автономной области, напротив, количество инвестиций в жилища минимально (2630,62 руб./чел.).

Большое влияние на активность на рынке недвижимости в регионах первой группы оказывает средняя заработная плата населения. Во всех субъектах данной группы среднемесячная номинальная начисленная заработная плата на одного работника меньше, чем в среднем по России. В Республике Дагестан (11235,8 руб. в месяц) и Карачаево-Черкесской Республике (12446,9 руб.) [1] средний размер заработной платы самый



Составлено автором по [1].

Рис. 2. Группировка субъектов Российской Федерации по показателям активности на рынке жилой недвижимости

низкий в России. Это определяет количество и размеры ипотечных кредитов, а также среднедушевые затраты на приобретение жилой недвижимости.

Остальные регионы России были условно поделены на две группы: регионы со средним и с повышенным уровнем активности на рынке жилой недвижимости. Особо выделяется рынок недвижимости в г. Москва. Не смотря на то, что в результате приведенной выше группировки данный субъект был отнесен ко второй группе (с повышенным уровнем активности), следует заметить, что рынок жилья в Москве является одним из наиболее развитых рынков жилой недвижимости в России. Все региональные рынки жилой недвижимости в России развиваются, ориентируясь на московский, перенимают строительные технологии, опыт развития инфраструктуры и благоустройства территорий, а также новые форматы жилых объектов. Одна из главных особенностей рынка жилья в Москве заключается в том, что большое количество покупателей недвижимости – не коренные жители города, что снижает объективность расчетов показателей активности на рынке жилой недвижимости по статистическим данным.

Данные по активности на рынках жилья Москвы и Санкт-Петербурга, Ленинградской и Московской областей свидетельствуют о явлении субурбанизации – процессе роста и развития пригородной зоны крупных городов. Особенно масштабно оно проявляется в московской агломерации, где активно происходят изменения, связанные с возрастающим спросом на индивидуальные дома, строительством жилья разного формата (коттеджи, таунхаусы, мало- и среднеэтажные многоквартирные дома) [9]. По прогнозам некоторых учёных, сезонная субурбанизация, преобладающая сегодня в Подмосковье, может постепенно быть вытеснена субурбанизацией западного типа [10].

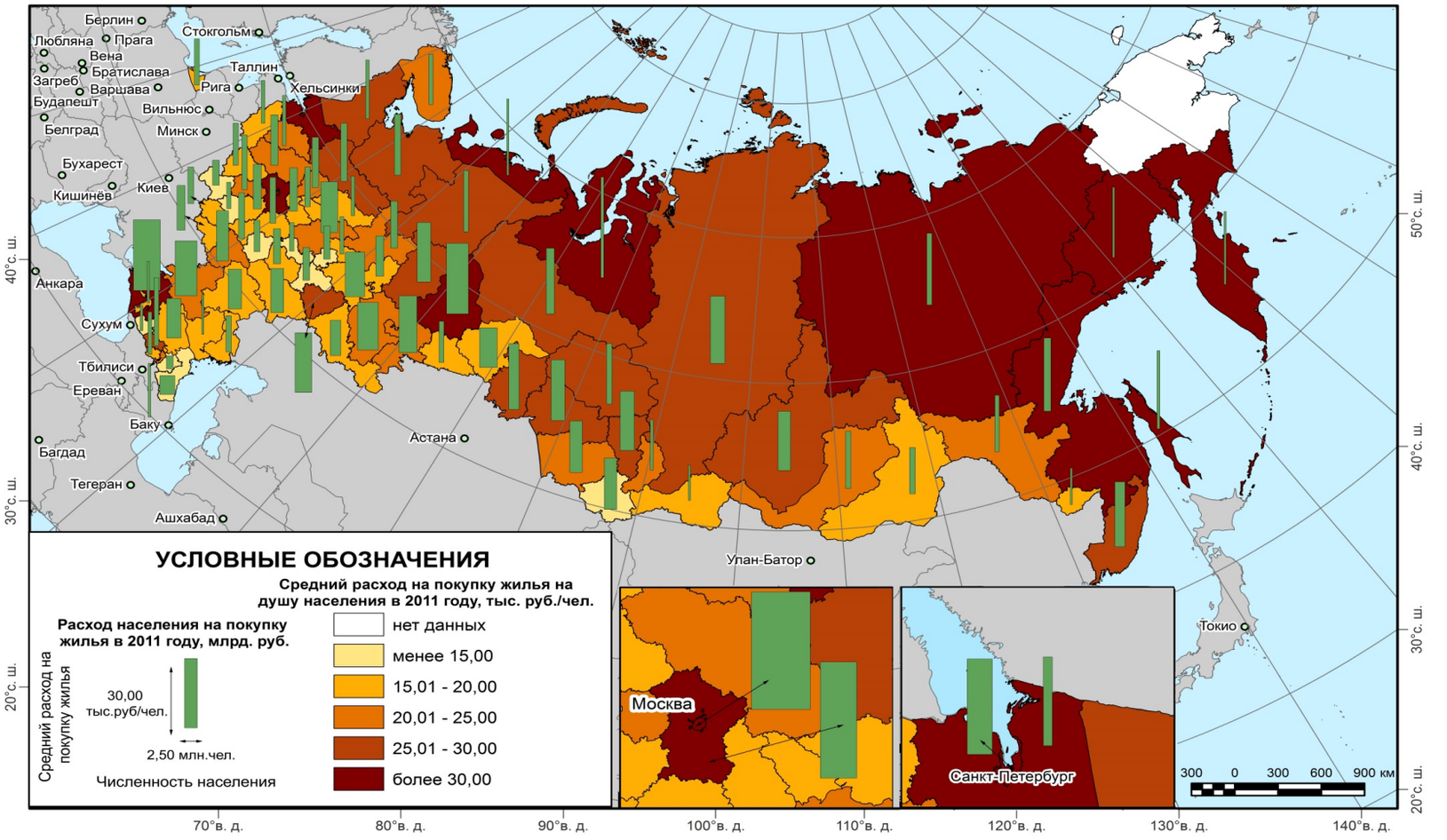
Выводы. В настоящее время наблюдаются значительные различия рынков жилой недвижимости субъектов Российской Федерации, вызванные различными особенностями, характерными для рынков отдельно взятых регионов.

В субъектах РФ с низким уровнем доходов, с миграционным оттоком населения, с малыми объемами инвестиций и финансовых потоков рынок жилья развивается замедленными темпами, часто находится в состоянии стагнации. В развитии рынка жилья в таких регионах важную роль играет политика региональных органов власти, стимулирующих приток инвестиций и реализующих специальные государственные программы обеспечения населения жильем и развития механизмов ипотечного кредитования. К таким проблемным регионам по результатам группировки были отнесены часть республик Северного Кавказа (Дагестан, Чечня, Карачаево-Черкесия), регионы Центральной России (Ивановская, Брянская, Орловская области и др.), Алтайский край и Еврейская автономная область.

В число регионов с самыми высокими показателями активности на рынке жилья вошли северные регионы России (Ханты-Мансийский АО, Ямало-Ненецкий АО, Ненецкий АО и др.), часть регионов Дальнего Востока (Приморский, Хабаровский края и др.) а также субъекты, административные центры которых – города-миллионеры (Московская, Ленинградская, Самарская области и др.). Высокий миграционный прирост, высокий размер заработной платы, возрастной состав населения (высокая доля населения трудоспособного возраста) – значимые факторы, стимулирующие развитие рынка жилья в данных регионах.

Отдельно можно выделить региональные рынки недвижимости Москвы и Краснодарского края, где рынок жилья отличается от среднероссийского. В Москве это обусловлено высокой численностью населения, дифференцированностью предложения и категориями покупателей. В Краснодарском крае институциональный фактор выступает одним из основных регуляторов современной ситуации на рынке жилья.

Эффективное функционирование рынка жилой недвижимости является залогом позитивного социально-экономического развития региона. Во-первых, развитие рынка жилья в качественном и количественном направлениях вызывает рост смежных видов деятельности – таких, как промышленность строительных материалов, проектирование, торговля, транспорт, социально-бытовые и финансовые услуги. Во-вторых, наличие развитого рынка жилья в регионе улучшает условия жизни человека, влияет на демографические и миграционные процессы, а



Составлено автором по [1].

Рис. 3. Средние расходы на приобретение жилой недвижимости в 2011 г.

также отражает потенциал регионального социально-экономического и культурного роста и формирует внешний облик региона. Активность на рынке жилой недвижимости – важный показатель, характеризующий инвестиционную привлекательность региона.

Многообразие условий и факторов, под воздействием которых в современных условиях развиваются региональные рынки жилой недвижимости, определяют необходимость анализа и оценки показателей развития жилищной сферы с целью прогнозирования тенденций регионального развития. При прогнозах развития рынка жилья следует учитывать, что рынок недвижимости более инертен по сравнению с другими рынками, устоявшиеся тенденции остаются неизменными на протяжении нескольких лет.

Библиографический список

1. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gks.ru/
2. Housing Statistics in the European Union 2010 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.bmwfj.gv.at/Wirtschaftspolitik/Wohnungspolitik/Documents/housing_statistics_in_the_european_union _2010.pdf.
3. Жилищная экономика: пер.с англ. / Под ред. Г. Поляковского. – М.: Дело, 1996. – 224 с.
4. Единая классификация многоквартирных жилых новостроек [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.fondrgs.ru/files/docs/Edinaya_klassifikaciya1.pdf.
5. Асаул А.Н., Иванов С.Н., Старовойтов М.К. Экономика недвижимости: учебник для вузов. – 3-е изд., исправл. – СПб.: АНО «ИПЭВ», 2009. – 304 с.
6. Артоболевский С.С., Бакланов П.Я., Трейвиш А.И. Пространство и развитие России: полимасштабный анализ // Вестник Российской академии наук. – 2009. – Т. 79. – № 2. – С. 101–112.
7. Официальный сайт открытого акционерного общества «Агентство по ипотечному жилищному кредитованию» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.ahml.ru/
8. Тарасевич, Е.И. Анализ инвестиций в недвижимость: монография. – СПб. : МКС, 2000. – 428 с.
9. Кириллов П.Л., Махрова А.Г. Субурбанизация в московском столичном регионе: современное и перспективное состояние // Региональные исследования. – 2009. – № 4–5. – С. 42–54.
10. Махрова А., Нефедова Т., Трейвиш А. Рынок жилья Подмосковья // Демоскоп Weekly, № 517–518, 1–19 августа 2012 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://demoscope.ru/weekly/2012/0517/tema05.php.

Ушаков Е.А. (Владивосток)

ВЛИЯНИЕ ПРОЦЕССОВ УКРУПНЕНИЯ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА УРОВЕНЬ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ БЫВШИХ АВТОНОМНЫХ ОКРУГОВ

Ushakov E.A.

INFLUENCE OF ENLARGEMENT PROCESSES OF THE RUSSIAN FEDERATION UNITS ON POPULATION'S LIVING STANDARD OF FORMER AUTONOMOUS REGIONS

Аннотация. *Рассматриваются проблемы роста качества жизни и производительности труда в субъектах Российской Федерации за счет повышения эффективности территориального управления. Поводится оценка влияния изменения статуса субъектов в процессе их укрупнения на социальные и экономические составляющие региональных хозяйственных систем. Отмечены положительные и отрицательные стороны реформы территориального управления (на примере бывших автономных округов).*

Abstract. *The problems of the growth of life quality and labor productivity in the subjects of the Russian Federation due to improvement of territorial management are considered. Influence of changing the status of the subjects in the processes of their enlargement on social and economic components of regional economic systems has been estimated. Positive and negative sides of the reform of territorial management (by example of the former autonomous regions) are noted.*

Ключевые слова: *оптимизация территориального управления, укрупнение субъектов, уровень жизни населения.*

Keywords: *optimization of territorial management, enlargement of subjects, population's living standard.*

В России с начала 2000-х годов происходят реформы по оптимизации территориального устройства и управления, в т. ч. путём сокращения количества субъектов в стране. Данная реформа направлена на повышение эффективности управления за счёт увеличения уровня самодостаточности субъектов РФ [2, 8]. В результате укрупнения сократится количество отсталых и «депрессивных» субъектов, снизится острота управленческих проблем федерального центра (в первую очередь, за счёт снижения объёмов финансовой помощи отстающим и депрессивным регионам). Для слаборазвитых субъектов механизм объединения, по замыслу федеральных властей, должен выполнять и функцию повышения уровня социально-экономического развития, улучшения качества жизни населения с помощью экономически более развитых регионов, так называемых «материнских» территорий. В этой связи при проведении реформы важно учитывать ряд социально-экономических факторов, которые могут повлиять на рост уровня жизни населения до и после реформы.

К настоящему времени произошло объединение следующих субъектов Российской Федерации:

1) в результате объединения Пермской области и Коми-Пермяцкого автономного округа в 1 декабря 2005 г. был образован Пермский край;

2) объединение Таймырского и Эвенкийского автономных округов с Красноярским краем произошло 30 июня 2005 г.;

3) Камчатская область и Корякский автономный округ 1 июля 2007 г. были объединены в Камчатский край;

4) Усть-Ордынский Бурятский автономный округ вошел в состав Иркутской области с 1 января 2008 г.;

5) Забайкальский край был образован 1 марта 2008 г. в результате объединения Читинской области и Агинского Бурятского автономного округа.

Если рассматривать уровень жизни в пределах определённой территории и его динамику перед объединением, то можно выделить ряд показателей, с помощью которых можно проанализировать стартовые возможности субъектов РФ по такому важному показателю. Например, сопоставление субъектов РФ по показателям душевых денежных доходов за 1999 и 2005 гг. (с корректировкой на прожиточный минимум в регионе) позволяет выделить в качестве беднейших Усть-Ордынский, Коми-Пермяцкий и Корякский автономные округа.

Для других некогда слаборазвитых автономных округов значительное отставание душевых доходов населения от «материнских» территорий уже осталось в прошлом. Заметное выравнивание достигнуто в основном благодаря финансовой помощи из федерального бюджета, однако, для двух автономных округов повышение доходов населения произошло и без изменения из административного статуса. Снизить уровень бедности в слаборазвитых автономных округах без объединения удалось в Чукотском автономном округе, где за 1999–2004 гг. уровень бедности сократился с 71% до 26%, и в Агинском Бурятском автономном округе. Следствием федеральной помощи и социальной политики Агинского Бурятского округа стало почти троекратное сокращение уровня бедности: с 97% в 1999 г. до 36% в 2004 г. Схожая динамика повышения доходов населения в период с 2002 по 2005 гг. отмечалась и в Читинской области.

В обоих субъектах (Читинской области и Агинском Бурятском округе) ведущую роль в повышении уровня жизни сыграли возросшие объемы финансовой помощи со стороны федерального центра. Следует отметить, что в Агинском Бурятском автономном округе возросшая федеральная помощь не сразу дала ожидаемый эффект из-за очень низкого уровня заработной платы занятого населения.

В целом влияние произошедших объединений субъектов РФ на занятость населения можно считать позитивным. Снятие барьеров в виде административных границ способно улучшить ситуацию на рынках труда автономных округов двумя путями:

1) через рост инвестиций из «материнского» региона и создание новых рабочих мест;

2) путем роста мобильности и перемещения трудоспособного населения автономных округов, не имеющего работы, на рынок труда «материнского» региона.

Успешное развитие по первому пути возможно и без объединения автономного округа с «материнским» субъектом РФ. Например, в Чукотском автономном округе уровень безработицы за 2000–04 гг. сократился с 10% до 3% благодаря значительному росту инвестиций (за этот период инвестиции в основной капитал возросли с 701 млн. руб. до 8614 млн. руб.) [7]. Созданные в автономном округе вакантные рабочие места заполнялись не только местными жителями, но и работниками из других регионов страны и из-за рубежа, привлекаемыми на временной основе. Такая политика работодателей обусловлена несовпадением профессионально-квалификационной структуры местного населения и структуры новых рабочих мест. Второй путь возможен, если рынок труда «материнского» субъекта РФ привлекателен для трудовых миграций из автономных округов, на нем шире предложение рабочих мест и ниже безработица.

Следует отметить, что нигде среди субъектов РФ в этот период времени не было столь резкого сокращения общей безработицы, как в Агинском Бурятском автономном округе. К 2005 г. уровень общей безработицы в округе опустился ниже среднего показателя по Сибирскому федеральному округу и сравнялся со среднероссийским уровнем, хотя еще в 2002 г. безработным здесь было почти 25% экономически активного населения. Благодаря грамотной инвестиционной и бюджетной политике удалось создать новые рабочие места и тем самым минимизировать негативный эффект от демографического давления, вызванный молодой возрастной структурой населения округа. Свертывание финансовой поддержки автономного округа федеральным центром после объединения с Читинской областью в 2008 г. может вызвать в будущем новый всплеск безработицы, поскольку сложившаяся здесь демографическая ситуация (значительный по российским меркам прирост населения) существенно не меняется [6]. Эту особенность рынка труда в Агинском Бурятском автономном округе необходимо учитывать администрации Забайкальского края.

В результате значительных финансовых вливаний из федерального центра перед объединением с Читинской областью Агинский Бурятский автономный округ по такому показателю, как покупательная способность населения, в 2005 г. сравнялся с соседними субъектами – Читинской областью и республикой Бурятией. Не менее значимую помощь из федерального бюджета получал и Усть-Ордынский Бурятский автономный округ, однако в нем позитивные изменения по уровню доходов населения были малозаметны, как и в ряде других округов, уже готовившихся вступить в процесс объединения с «материнскими» субъектами РФ [1].

Впечатляющий «рывок» Агинского Бурятского автономного округа в увеличении

доходов населения был обеспечен не только федеральной помощью, поскольку доля федеральных перечислении в бюджет автономного округа была ниже, чем в других автономных округах Сибирского федерального округа (например, в 2003 г. она составляла 32% в структуре консолидированного бюджета, а к 2006 г. снизилась до 6%). Следует также отметить эффективную институциональную политику, проводимую в округе перед объединением с Читинской областью, что позволило увеличить доходы бюджета автономного округа посредством привлечения на его территорию крупных налогоплательщиков. В последний год перед объединением с Читинской областью за федеральные средства была произведена модернизация объектов социальной и дорожной инфраструктуры, а также обеспечен значительный прирост расходов на образование и социальную политику в автономном округе [3].

После объединения с Читинской областью в марте 2008 г., ситуация с ростом доходов населения муниципальных образований, входивших ранее в состав Агинского Бурятского автономного округа, весьма различна. Например, в 2009–10 гг. Дульдургинский и Моготуйский муниципальные районы по темпам роста заработной платы, можно отнести к группе середняков. По этому показателю они занимают 16-е (10,8%) и 23-е (5,7%) места среди муниципальных образований Забайкальского края. При этом Дульдургинский муниципальный район в 2008–09 гг. был одним из лидеров по темпам роста заработной платы среди всех муниципальных образований Забайкальского края. Агинский муниципальный район по темпам роста заработной платы за 2009–10 гг. занял последнее 33-е место с отрицательным приростом -11,0%. Причиной снижения темпов роста заработной платы в Агинском муниципальном районе может служить лишение села Агинское статуса регионального центра.

В целом на территории бывшего Агинского Бурятского автономного округа отмечается снижение темпов социально-экономического развития муниципальных образований, что особенно характерно для Агинского муниципального района (табл. 1).

Анализ ряда показателей, характеризующих социально-экономическое положение Забайкальского края и муниципальных районов бывшего Агинского Бурятского автономного округа после объединения, позволяет отметить следующие особенности.

В муниципальных районах отмечается снижение численности постоянного населения, растет удельный вес убыточных предприятий. В социальной сфере снижаются темпы роста заработной платы (кроме Агинского муниципального района), уменьшается число больничных коек и объемы введённых в действие жилых помещений. Из положительных результатов объединения можно отметить увеличение объемов отгруженных товаров собственного производства.

Для Забайкальского края, нового субъекта РФ, первые годы после объединения характеризуются существенным увеличением объемов отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами. Увеличились объемы ввода в действие жилых домов. В тоже время снижается численность населения, падают темпы роста заработной платы.

Можно сделать вывод о том, что объединение слабой в экономическом развитии Читинской области и Агинского Бурятского автономного округа не обеспечило нового импульса для развития муниципальных образований автономного округа. Более того, была утрачена позитивная динамика социально-экономического развития на территории округа, возникшая перед объединением с Читинской областью. Во многом это объясняется потерей Агинским Бурятским автономным округом статуса субъекта РФ, что существенно ограничило возможности использования собственных механизмов региональной политики для привлечения финансовых ресурсов.

После объединения в 2007 г. Камчатской области и Корякского автономного округа еще больше усугубилось периферийность муниципальных образований бывшего автономного округа, усилился отток населения в Камчатскую область (преимущественно в административный центр – Петропавловск-Камчатский). Так, если до объединения с Камчатской областью за четыре года (с 2002 по 2005 гг.) из автономного округа уехало 1,5 тыс. чел., то за три года после объединения – вдвое больше. Среди уехавших наибольшую долю составляют бывшие работники администрации автономного округа.

Одним из показателей динамики уровня жизни может служить изменение размера

Таблица 1

Социально-экономическая характеристика муниципальных районов бывшего Агинского Бурятского автономного округа после образования Забайкальского края [5]

Показатель	Забайкальский край	Муниципальные районы бывшего Агинского Бурятского автономного округа		
		Агинский	Дульдургинский	Могойтуйский
Численность постоянного населения, тыс. чел. 2009 г. 2011 г.	 1117,0 1106,2	 32,6 18,6	 16,1 15,3	 28,7 27,5
Отгружено товаров собственного производства, выполнено работ и услуг собственными силами (без субъектов малого предпринимательства), млн. руб. 2009 г. 2010 г.	 42261 63908	 315,5 322,0	 444,1 450,8	 85,7 257,3
Удельный вес убыточных организаций, в % 2009 г. 2010 г.	 37,6 35,3	 20 50	 45,4 62,5	 40 30,8
Рост заработной платы, в % к предыдущему году 2010 г. 2011 г.	 12,9 11,9	 -11,0 7,1	 5,7 15,6	 15,7 14,1
Ввод в действие жилых домов, тыс. $м^2$ 2009 г. 2010 г.	 515,9 525,7	 13,9 4,0	 3,3 1,5	 10,6 -
Число больничных коек на 10000 человек, ед. 2009 г. 2010 г.	 116,9 116,7	 88,8 10,6	 61,5 60,8	 42,9 42,5

Примечание: прочерк (-) означает отсутствие данных.

среднемесячной начисленной заработной платы. В начале 1990-х гг., после начавшихся реформ, в стране наряду с гиперинфляцией была отмечена значительная динамика доходов, которая в тоже время, была не одинакова в субъектах РФ. Анализируемые «материнские» субъекты – Пермская, Камчатская и Иркутская области, за исключением дотационной Читинской области, в начале 1990-х гг. имели более высокую динамику роста заработной платы, чем в среднем по стране. С середины 1990-х гг. рост заработной платы в «материнских» субъектах РФ уже уступал среднероссийскому значению этого показателя (табл. 2).

Для выделенных «материнских» субъектов РФ характерна следующая особенность: динамика заработной платы здесь выше среднероссийской во время кризиса, а в годы экономического роста или относительной стабильности динамика роста заработной платы в субъектах отстает в целом от средних значений по стране. Интересная ситуация с ростом заработной платы сложилась в Таймырском автономном округе, где отмечался двукратный рост заработной платы в кризисном 1999 г (по стране в среднем 46%, с учетом инфляции в округе 49,1%, по стране 36,5%). В последние 4 года перед объединением автономного округа с Красноярским краем динамика этих показателей была незначительно выше среднероссийского уровня, но после присоединения к краю рост заработной платы в бывшем автономном округе резко сократился.

После создания новых субъектов РФ в динамике роста заработной платы муниципальных районов бывших автономных округов отмечены следующие региональные особенности (табл. 3).

Таблица 2

Динамика роста средней начисленной заработной платы

	1990–1995	1995–2000	2000–2003	2003–2006	2006–2009	2009–2011
Российская Федерация	**в 1346 р**	**в 4,71 р**	**в 2,47 р**	**93,4%**	**75,3%**	**26,9%**
Камчатский край	**в 2060 р**	**в 4,66 р**	**в 2,32 р**	**79,7%**	**70,3%**	**25,3%**
Корякский АО	в 2812 р	в 3,73 р	в 2,18 р	71,5%	63,3%	11,7%
Забайкальский край	**в 1583 р**	**в 4,18 р**	**в 2,58 р**	**82,7%**	**66,5%**	**26,3%**
Агинский Бурятский АО	в 919 р	в 5,17 р	в 2,42 р	в 2,16 р	68,0%	…
Красноярский край	**в 2131 р**	**в 4,64 р**	**в 2,10 р**	**69,3%**	**62,6%**	**27,4%**
Таймырский (Долгано-Ненецкий) АО	в 2564 р	в 5,11 р	в 2,04 р	57,3%	в 2,19 р	12,1%
Эвенкийский АО	в 1839 р	в 4,30 р	в 2,65 р	86,4%	69,0%	9,6%
Иркутская область	**в 2103 р**	**в 3,65 р**	**в 2,28 р**	**80,90%**	**63,8%**	**25,2%**
Усть-Ордынский Бурятский АО	в 1205 р	в 3,20 р	в 2,60 р	в 2,35 р	96,2%	25,6%
Пермский край	**в 1667 р**	**в 5,17 р**	**в 2,17 р**	**80,1%**	**60,0%**	**29,7%**
Коми-Пермяцкий АО	в 1141 р	в 4,45 р	в 2,41 р	…	…	26,8%

Составлено по: [5].

Таблица 3

Динамика роста средней начисленной заработной платы в муниципальных образованиях бывших автономных округах

	2009–2010	2010–2011	2009–2011
Российская Федерация	**12,4**	**12,3**	**26,9**
Камчатский край	**13,2**	**10,7**	**25,3**
Корякский АО	*11,1*	*0,5*	*11,7*
Карагинский район	-5,1	15,9	10,0
Олюторский район	-10,2	10,5	-0,8
Пенжинский район	17,3	6,9	25,5
Тигильский район	15,7	-12,5	1,3
Забайкальский край	**12,9**	**11,9**	**26,3**
Агинский Бурятский АО	*…*	*…*	*…*
Агинский район	-11,0	7,08	-4,7
Дульдургинский район	15,7	15,6	22,2
Моготу́йский район	10,9	14,1	26,5
Красноярский край	**14,7**	**11,1**	**27,4**
Таймырский (Долгано-Ненецкий) район	*5,2*	*6,5*	*12,1*
Эвенкийский район	*3,5*	*5,9*	*9,6*
Иркутская область	**12,5**	**11,2**	**25,2**
Усть-Ордынский Бурятский АО	*7,0*	*17,4*	*25,6*
Аларский район	13,9	21,9	38,9
Баяндаевский район	9,6	10,4	21,0
Боханский район	5,3	16,4	22,5
Нукутский район	6,8	20,9	29,2
Осинский район	1,3	21,5	23,0
Эхирит-Булагатский район	6,7	13,4	21,0
Пермский край	**14,5**	**13,2**	**29,7**
Коми-Пермяцкий АО	*12,3*	*12,9*	*26,8*
Кудымкар	8,1	14,1	23,4
Гайнский район	15,4	16,0	33,9

Таблица 3 . Окончание

	2009–2010	2010–2011	2009–2011
Косинский район	13,8	8,1	23,0
Кочевский район	18,3	12,6	33,1
Кудымкарский район	14,5	11,8	28,1
Юрлинский район	17,0	7,4	25,7
Юсьвинский район	12,6	14,0	28,4

Составлено по: [5].

С учетом уже первых приведенных сравнительных данных, можно сказать, что механизм объединения не смог выполнять ни функцию поддержки слабых субъектов, ни функцию мультипликатора роста. Фактически государство при объединении таких регионов перекладывает проблемы слаборазвитых автономных округов «на плечи» столь же проблемных «материнских» субъектов РФ.

Следует отметить, что любой подход к решению внутригосударственных общественно-политических проблем, в том числе и оптимизация территориального управления, эффективен лишь в очень ограниченных пределах, поскольку приводит к появлению «выигравших» и «проигравших». Слабые районы, утратившие права субъекта территориального управления и лоббистские возможности, усиливают свою социально-экономико-политико-культурную периферийность и лишаются надежды хоть когда-то выбраться из бедности [3]. Для общества такой проигрыш оборачивается новыми проблемами и значительными потерями в будущем. После объединения, зачастую проблемы не решаются, а лишь «спускаются» на более низкий муниципальный уровень, выпадая из поля зрения федеральных властей, растворяясь в «материнском» субъекте Российской Федерации.

Библиографический список

1. Артоболевский С.С., Вендина О.И., Гонтмахер Е.Ш., Зубаревич Н.В., Кынев А. В. Объединение субъектов Российской Федерации: за и против. [Электронный ресурс] – Режим доступа: www.insor-russia.ru/files/Regions_for_againts.pdf.
2. Бакланов П.Я. Территориальные структуры хозяйства в региональном управлении. – М.: Наука, 2007. – 239 с.
3. Зубаревич Н.В. Объединение автономных округов: преимущества и риски. [Электронный ресурс] – Режим доступа: www.socpol.ru/atlas/overviews/social_sphere/ukr.shtml.
4. Официальный сайт территориального органа федеральной службы государственной статистики по Забайкальскому краю [электронный ресурс] – режим доступа: http://www.gks.ru/dbscripts/munst/munst.htm.
5. Официальный сайт федеральной службы статистики [электронный ресурс] – Режим доступа: www.gsk.ru.
6. Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации. 2008: Стат. Сб. – М.: Росстат, 2008. – 668 с.
7. Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации. 2009: Стат. Сб. – М.: Росстат, 2009. – 654 с.
8. Романов М.Т. Территориальное устройство хозяйства и населения на российском Дальнем Востоке. – Владивосток: Дальнаука, 2004. – 232 с.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЗАРУБЕЖНОГО МИРА

Великанова И.А., Миронова Г.Л. (Брянск)

ОПЫТ ПОЛЬШИ ПО СОХРАНЕНИЮ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Velikanova I.A., Mironova G.L.

THE POLISH EXPERIENCE OF PRESERVATION OF CULTURAL HERITAGE

Аннотация. *Статья посвящена изучению опыта Польши по сохранению культурного наследия, роли культурного потенциала в развитии городов Польши.*

Abstract. *The article is devoted to the experience of Polish cultural heritage preservation and the role of cultural potential in the development of town.*

Ключевые слова: *Польша; сохранение культурного наследия; развитие городов.*
Keywords: *Poland, the preservation of cultural heritage, the development of towns.*

Вопрос о сохранении исторической памяти народа приобрёл в настоящее время важнейшее социальное и политическое значение. Не вызывает сомнения и актуальность изучения опыта зарубежных стран, касающегося охраны памятников истории и культуры. Между памятниками и обществом существует невидимая связь. Историко-культурная среда, частью которой являются памятники, оказывает влияние на формирование мировоззрения каждого жителя страны.

В XIX – начале XX вв. с ростом национального самосознания народов во многих государствах Европы памятники истории и культуры берутся под государственную опеку, создаются государственные инспекции, издаются положения (в Польше – в 1918 г. и 1928 г.) и законы об охране памятников, начинаются работы по их научной систематизации, каталогизации, консервации и реставрации. Во время II-ой мировой войны фашисты подвергли варварскому разрушению многие польские города. В конце 1940–50-х гг. активизировалась деятельность по охране памятников истории и культуры, было издано Положение об охране памятников (1945 г., обновлено в 1962 г.), проведены огромные работы по восстановлению и реставрации памятников, пострадавших в годы войны.

Конституция Республики Польша, принятая в 1997 г., признает объекты культурного наследия одной из тех ценностей, которые заслуживают специальной охраны. В настоящее время в Польше правовые основы охраны памятников истории и культуры регламентируется Законом от 23 июля 2003 г. «Об охране памятников и опеке над памятниками». Он является комплексным, основным, но не единственным актом о защите культурных ценностей. Отдельные законы определяют режим защиты библиотечного фонда, национального архивного фонда. Кроме того, вопросы охраны памятников отражены и в законах, определяющих принципы и порядок проведения строительных работ; охраны окружающей среды; использования недвижимости; территориального благоустройства и ряда иных актов. Вопросы гражданско-правового и уголовно-правового характера регламентированы соответственно в Гражданском и Уголовном кодексах Польши. Хочется отметить, что в Польше действует национальная программа «Защита исторического и культурного наследия в 2004–13 гг.». Основанием для подготовки стратегии была вера в то, что в культуре пришло время перехода от оперативного управления к стратегическому управлению на основе долгосрочной перспективы развития. Для разработки национальной стратегии развития культуры был проведен тщательный анализ правовой, экономической, институциональной и организационной культуры [2, 5].

Государство должно обеспечить равные возможности охраны культурной собственности независимо от того, в чьей собственности находится объект – государственной, муниципальной или частной. Законом Польши об охране культурной собственности 1962 г. предусмотрены органы, отвечающие за охрану культурной собственности. Общий надзор за охраной культурной собственности осуществляет министр, ответственный за культуру и охрану национального наследия. Существует специальная служба по охране памятников с департаментами на местах. Законом предусмотрена ответственность директоров музеев и библиотек за охрану культурной собственности, находящейся в их ведении.

Законодательно закреплены обязанности собственников памятников по охране их от разрушений, повреждений; по немедленному информированию местной службы памятников об угрозе состоянию памятника, о переходе прав собственности на памятник или сдаче его в аренду; обязанность предоставлять памятник для выставок или исследования его состояния. Если собственник памятника не выполняет какую-либо из обязанностей, памятник может быть изъят в собственность государства с выплатой компенсации. Кроме того, он может быть изъят государством, если он имеет значительную историческую, научную или культурную ценность. Такой подход следует признать справедливым. Положения польского Закона обеспечивают равные возможности по охране памятников независимо от того, в чьей собственности они находятся.

Следует отметить, что некоторые объекты культурной собственности по польскому законодательству не могут находиться в частной собственности, например, археологические находки.

В польском законодательстве чётко разведены понятия «охрана памятников» и «опека над памятниками». Охрана памятников является предметом деятельности органов публичной администрации, а опека – собственников, либо владельцев памятников. Общественная опека над памятниками в Польше законодательно закреплена с 1918 г. Особо отличившимся опекунам присуждается специальная награда «За опеку над памятниками» [4].

Целью охраны памятников является: создание правовых, организационных и финансовых условий, позволяющих обеспечить постоянную сохранность памятников, а также их использование и содержание; предотвращение угроз, способных нанести ущерб ценности памятников; пресечение уничтожения и ненадлежащего использования памятников; борьба с кражами и нелегальным вывозом памятников за границу; контроль за сохранностью памятников.

Законодательство Польши не предусматривает градации памятников в зависимости от их ценностных свойств либо места нахождения, не принято существующее в ряде стран выделение категорий памятников общегосударственного и местного значения. Однако недвижимые памятники либо культурные заповедники, имеющие особое значение для культуры, могут быть по представлению министра культуры провозглашены Президентом Польской Республики памятниками истории. Независимо от формы собственности, любой памятник включается в орбиту правовой охраны государства [6].

Вопросами культурного наследия в Польше занимаются Министерство культуры и национального наследия и Управление Генерального хранителя памятников, куда входит Служба охраны памятников. Аналогичные подразделения создаются на уровне воеводств под началом воеводы.

Финансирование работ по реставрации, консервации или восстановлению памятников осуществляется из трёх основных источников. Прежде всего, все собственники памятников обязаны за свой счёт осуществлять проведение необходимых реставрационных и строительных работ. Если памятник находится на балансе организации территориального самоуправления или учреждения сферы публичного финансирования — все работы финансируются из их бюджета. Важнейшим источником финансирования являются также целевые дотации из государственного бюджета [5]. В стране также действуют различные фонды, которые финансируют проведение работ по консервации и реставрации памятников истории и культуры, например, фонд сохранения древностей и памятников природы, он является неправительственной организацией, действующей на основании Закона от 6 апреля 1984 г. [4].

Важнейшая задача польского общества заключается в том, чтобы сохранить для будущих поколений оставшиеся деревни, польские

поместья, дворцы и другие здания, которые являются частью польской культуры [3, 5, 6].

Наиболее значимые историко-культурные достопримечательности страны в настоящее время, как правило, подвергнуты тщательной консервации и реставрации и хорошо известны в мире. В качестве объектов Всемирного насле́дия ЮНЕ́СКО в Респу́блике По́льша на 2013 г. значатся 14 названий, это составляет 1,4% от их общего числа в списке. По культурным критериям включены в список 13 объектов, причём 2 из них признаны шедеврами человеческого гения (критерий i), а 1 объект включён по природным критериям, причем он признан природным феноменом исключительной красоты и эстетической важности (критерий vii). Кроме этого, по состоянию на 2013 г., 5 объектов на территории Польши находятся в числе кандидатов на включение в список Всемирного наследия. Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия была ратифицировала 29 июня 1976 г., еще во время существования Польской Народной Республики. Первые два объекта, находящиеся на территории Польши, были занесены в список в 1978 г. на 2-й сессии Комитета Всемирного наследия ЮНЕСКО [9].

В 1990-е гг. повсеместным в Польше становится осознание необходимости взять под охрану целые культурные ландшафты в их сохранившемся историческом облике. Это разительно отличается от 1950-х гг., когда для страны было характерно значительное ослабление традиции формирования ландшафта. Этот период оставил в наследство беспорядочную, неэстетичную застройку, которая зачастую окружала ценнейшие историко-архитектурные объекты. Но времена изменились и ныне, следуя новейшим мировым тенденциям охраны исторических ландшафтов, в Польше берутся под защиту не только единичные объекты, но и целые территории с антропогенным ландшафтом, в единое целое увязывается разнородная проблематика охраны всех культурных компонентов ландшафта. Сегодня в Польше этими проблемами занимается Центр охраны исторического ландшафта (образованный в начале 2000-х гг. из Управления охраны и консервации дворцовых комплексов). Историко-культурные ландшафты имеют важнейшее значение для сохранения культурного наследия и, поскольку в ландшафте отражаются исторические процессы, традиции и истоки сложившейся культуры народов, исключительно важно их сохранение для будущих поколений.

В стране разработаны программы по изучению и оценке ландшафтов с учетом их историко-культурного значения и составлена оценочная карта культурных ландшафтов, подготовлено научно-методическое обеспечение по их идентификации и сохранению в рамках решения задач территориального планирования [1]. Сегодня, когда страна входит в Европейский Союз, решается трудная, но необходимая задача по разработке единой методологии в сфере охраны исторического ландшафта на основе достижений таких наук, как география, история, искусствознание.

Сохранение целостности культурного и природного наследия, определяющего национальную и региональную идентификацию ландшафта Польши, возможно лишь при условии взаимодействия специалистов разных научных дисциплин с органами местного самоуправления и со службами, занятыми сохранением природного и культурного наследия. Первым результатом такого сотрудничества стало включение историко-культурных ландшафтов в схемы территориального планирования. В настоящее время в стране проводятся систематические исследования состояния таких ландшафтов и их отдельных составляющих, которыми являются зоны антропогенного ландшафта, исторический облик городов и сел, парки, кладбища, промышленные сооружения прошлых эпох. С точки зрения охраны ресурсов историко-культурного ландшафта и одновременно формирования общественного сознания, чрезвычайно важными являются исследования состояния охраны культурных ценностей. Сегодня документально учтено более 9 тыс. садов и парков, из которых почти 6 тыс. занесено в реестр памятников и охраняются законом, а также около 14 тыс. кладбищ, имеющих историческую ценность, из которых 3 тыс. занесены в реестр. Для каждого из видов культурного ландшафта разработаны в соответствии с его характерными особенностями индивидуальные критерии оценки, определены формы и методика предлагаемой охраны ландшафтов. Основными типами историко-культурных ландшафтов в соответствии с принятыми в Республике Польша критериями считаются следующие [8]:

1. **Рукотворные (или целенаправленно созданные) ландшафты.** К ним относятся:

крупные садово-парковые ансамбли-резиденции; урбанистические композиции исторических городов и специфический по своей структуре сельскохозяйственный ландшафт, характерный для крупных земельных поместий района Великопольши и восточной части Речи Посполитой. Сюда же входят доведенные до деградации и лишенные индивидуальных черт и региональной идентичности ландшафты крупных госхозов, для которых сегодня принимаются программы реструктуризации и возрождения ландшафтов. Работа в этой области направлена на методологическую поддержку деятельности службы охраны памятников и органов местного самоуправления, предоставление консультаций и оказание помощи собственникам и пользователям историко-культурных объектов, а также обучение специалистов и внедрение в практику методов охраны культурного ландшафта.

Например, в Варшаве была проведена работа по охране композиции ландшафта вокруг загородной королевской резиденции в Вилянуве. Введение новой системы охраны объекта (которая, по замыслу создателей, является эталонной), предусматривающей создание историко-культурного заповедника и выделение охранных зон, должно гарантировать в процессе территориального и архитектурного планирования сохранность этого выдающегося по пространственной композиции ландшафта пригородной королевской резиденции.

Другой пример сотрудничества – деятельность по восстановлению ландшафта Еленегурской котловины. Это живописный регион в юго-западной части Польши, вторая по величине котловина на территории Судет, площадью около 100 км^2. Котловина изобилует памятниками различного характера, наиболее эффектными из них являются дворцы с ландшафтными парками, которых здесь очень много даже по европейским меркам. Эти объекты распоряжением Президента Республики Польша от 20 сентября 2011 г. были признаны памятниками истории. В типичном культурном ландшафте видно выразительное влияние английского садового искусства.

К другим достопримечательностям относятся курорты. В XVIII–XIX вв. это была сфера меценатства прусской королевской династии, а также немецких, голландских и польских аристократических родов. Плоды их деятельности сохранились в виде интегрированного культурного пространства резиденций, окруженных парками, соединенных цепью пейзажей, поясами с зелеными насаждениями и т. д. В работе по восстановлению ландшафта котловины видны первые положительные результаты совместной деятельности польских, немецких и голландских консерваторов, сотрудничающих с органами местного самоуправления и прежними владельцами резиденций. Великолепное архитектурное наследие находится теперь в Фонде «Долина дворцов и садов Еленёгурской котловины». После реставрации дворцы доступны для осмотра [10].

Благодаря стараниям группы международных специалистов и поддержке Международного комитета ИФЛА – ИКОМОС начата также работа по охране и реконструкции исторических ландшафтов парка герцога Германа Пюклера в Бад-Мускау, на границе Польши с Германией. Это самый крупный английский ландшафтный парк в Центральной Европе. Две трети парка находятся восточнее пограничной реки Нейсе и с 1945 г. относятся к польской Ленкнице, обе части парка соединяет мост через Нейсе. В результате изменения политического климата в Европе появилась возможность объединить усилия польских и немецких реставраторов, а также ландшафтных и садово-парковых архитекторов в возрождении этого памятника культурного и природного наследия. В 2004 г. парк Мускау был внесён в Список объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО [11].

2. Хозяйственные ландшафты. В прошлом исторический хозяйственный ландшафт составляли небольшие помещичьи усадьбы, фольварки с мельницами, бумажными фабриками, лесопильнями, винноводочными заводами, гончарные центры, места добычи полезных ископаемых и т. д. Особый вид индустриального ландшафта представляют собой также города, такие, как Лодзь или Жирадув, где сформировался уникальный архитектурно-урбанистический индустриальный ландшафт.

3. Ландшафты полей сражений. Это ландшафты с сохраненной топографией расположения театра военных действий и главными элементами исторического пространства, связанного с ходом сражений. Их охрана важна, поскольку они представляют собой существенный элемент истории нации. Примером такой охраняемой территории в Польше являются Рацлавицы – место битвы в 1794

году польских повстанцев во главе с Т. Костюшко и русских военных во главе с генералом Тормасовым. Сохранившийся открытый ландшафт поля битвы, с четким рельефом, фрагментами оврагов, теснин и дорогами, соответствующими тем, которые существовали 200 лет назад, стал основанием для того, чтобы взять под охрану эту территорию.

4. Ландшафты с взаимосвязанными памятниками природы и техники. В них гармонично сосуществуют природные компоненты и созданные человеком памятники техники и индустриальной архитектуры, составляющие общую ценность культурного наследия ландшафта. Ярким примером такого ландшафта является памятник гидротехнического зодчества, расположенный в особо охраняемой зоне ЮНЕСКО – Августовский судоходный канал в Польше и в Гродненской области Беларуси, соединяющий реки Вислу и Неман, который внесен в реестр памятников вместе с комплексом шлюзов и построек. Развитие туризма на Августовском канале началось в 20–30-е годы XX столетия. Однако из-за Второй мировой войны и взрывов шлюзов туристская деятельность на канале приостановилась. После войны польская часть канала была восстановлена и использовалась в туристических целях; белорусская часть оставалась в запустении. В 2004–2006 гг. были проведены реставрационные работы и на белорусской части Августовского канала. В 2005 г. на канале был открыт международный пункт пропуска через границу только для путешественников на лодках и байдарках [12].

5. Сакральные ландшафты. Объединяют в себе ценность природного ландшафта, архитектуры, региональной культуры этнических и религиозных групп. Эти ландшафты являются основополагающими в национальном наследии, так как содержат произведения изобразительного искусства и архитектуры, представляют своеобразную сокровищницу национальной культуры. Монастыри или церкви, доминирующие в ландшафте полей, олицетворяют наличие и силу веры всегда и во всем. Отдельные сакральные объекты и их комплексы демонстрируют единство с ценностями ландшафта, формированием рельефа, растительным покровом, региональной архитектурой и местной культурой. Сакральный ландшафт образуют и тернистая дорога к церкви, и маленькие часовенки, и придорожные кресты и кладбища. Со временем они становятся самостоятельным элементами культурного ландшафта, придавая ему специфический сакральный характер. В общественном сознании сакральный ландшафт формируется порой даже при сохранении единичного элемента, связанного с теми или иными историческими событиями. Примером может служить одинокое мертвое дерево, сохраненное как памятник жертвам тюрьмы «Павиак» в Варшаве [13].

В 1986 г. начаты работы по охране и восстановлению старого еврейского кладбища в Варшаве. Благодаря сотрудничеству Фонда Ниссенбаумов, реставраторов и ландшафтных архитекторов спасен от полного разорения исторический сакральный ландшафт этого кладбища путем придания ему символического статуса святыни.

Особым примером сакрального ландшафта являются т. н. кальварии, многие из которых находится под охраной благодаря своей исторической и художественной ценности. Так, архитектурно-парковый ансамбль Кальварии Зебжидовской является объектом паломничества католиков (в 1947 г. возобновились религиозные обряды, прекратившиеся после австрийского завоевания в результате разделов Польши), представляет архитектурную (архитектурный ансамбль XVII в.) и природную ценность. Он был внесен в Список объектов Всемирного культурного наследия ЮНЕСКО [14].

6. Заселенные ландшафты. Следует различать однородные по структуре, урбанизированные городские ландшафты, украшенные парками, скверами и садами и уникальные ландшафты городов-садов, а также архитектурные ландшафты сельских поселений, составляющие специфические по композиции урбанистические структуры.

Городской пейзаж максимально концентрирует ценности материальной культуры народа, соединяя искусство архитектуры с мастерством создания пространственной композиции, в которую сознательно встроены открытые пространства парков и садов. Своеобразный ландшафт городов, их архитектурная и урбанистическая композиция подвергаются постоянным и значительным изменениям. Сравнительно недавно в Польше приступили к решению задачи охраны исторической пространственной и архитектурной композиции городских районов, например, района-парка Жолибож в Варшаве. В 30-е гг. XX в. деятель-

ность самых выдающихся архитекторов межвоенного двадцатилетия вылилась в создание городского природно-культурного ландшафта рядовой виллловой застройки с садами, скверами и парками.

Характерный ландшафт имеют города с богатым историческим прошлым. В их урбанистической композиции доминирующим элементом являются рыночная площадь с ратушей или сквер, засаженный деревьями и кустами. В ландшафт городов часто вписывается специфический промышленный ландшафт в виде характерной старинной фабричной застройки. Размещение в них музеев, как показывает практика, создает только видимость возрождения к жизни старых стен. Поэтому в последнее время множатся попытки вернуть им первоначальную функцию, превращая одновременно и в объект туризма.

Польский опыт сохранения и восстановления историко-культурного наследия вполне применим к России, где, по оценкам специалистов, состояние находящихся на государственной охране памятников истории и культуры почти на 80% характеризуется как неудовлетворительное. Около 70% от их общего числа нуждается в принятии срочных мер по спасению от разрушения, повреждения и уничтожения в результате проявления различных негативных явлений и процессов. Состояние исторических поселений специалисты также оценивают как близкое к критическому. Памятники и памятные места остаются невостребованными для широкого круга населения по причине их неудовлетворительного состояния, неприглядного вида. Очень уязвимы оказались многие малые города. Особенно пострадали те из них, где в советское время были построены новые промышленные объекты, велось интенсивное жилое строительство. Многие замечательные города в результате интенсивного нового строительства в значительной степени утратили свою историко-культурную ценность. По мнению Научно-проектного института реконструкции исторических городов, если не принять срочные меры, то в ближайшие 10–15 лет погибнет большая часть сохранившейся ценнейшей исторической среды и безвозвратно исчезнет традиционный облик большинства российских городов [2].

Гармоничный, надлежащим образом осваиваемый культурный ландшафт является выражением пространственного лада, сохраненного благодаря уважению к традициям, культурным и природным ценностям.

Чтобы охрана историко-культурного наследия ландшафтов была эффективной, необходимо разработать механизмы сбалансированного развития, в которых культурная традиция и история региона будут иметь не меньшее значение, чем экономика. Звеном, соединяющим историю с процессом трансформации, должен стать культурный ландшафт, который будет играть все большую роль в сфере охраны культурного наследия.

Любые потери наследия неизбежно отразятся на всех областях жизни нынешнего и будущих поколений, приведут к духовному оскудению, разрывам исторической памяти, обеднению общества в целом. Они не могут быть компенсированы ни развитием современной культуры, ни созданием новых значительных произведений. Накапливание и сохранение культурных ценностей – основа развития цивилизации.

Библиографический список

1. Кулешова М.Е. Управление культурными ландшафтами и иными объектами историко-культурного наследия в национальных парках. – М.: Центр охраны дикой природы, 2002. – 45 с.
2. Полякова М.А. Подходы к изучению культурного наследия России в XVIII–начале XX в.// Вестник РГГУ. – 2008. – № 10. – С. 257– 266.
3. Szymańska Daniela, Jadwiga Biegańska. Fenomen urbanizacji i procesy z nim związane. – W.: Wydawnictwo Naukowe PWN. – 2011. – 283 s.
4. Fundacja Ratowania Zabytków i Pomników Przyrody. – Режим доступа:http://www.zabytki.org (дата обращения 01.10.13)
5. Narodowy Program Kultury, Ochrona zabytków i dziedzictwa kulturowego jest dokumentem służącym w drożeniu Narodowej Strategii Rozwoju Kultury wlatach 2004-2013 w sfer ze spuścizny kulturowej Polski, Warscava 2004. – 80 s. – Режим доступа: bip.mkidn.gov.pl/docs/NPK_Zabytki.pdf
6. Stay Poland. – Города Польши. – Режим доступа: http://www.staypoland.com (дата обращения 24.09.13)
7. Zachwatowicz J., Ochrona zabytków w Polsce. – Warsz., 1965.
8. Świątkowski M. Zagadnienia ochrony dziedzictwa kulturowego krajobrazów. – Ochrona zabytków", 2002. – № 3–4. – S. 383–389.
9. http://ru.wikipedia.org/wiki/Список_объектов_Всемирного_наследия_ЮНЕСКО_в_Польше.
10. http://ru.wikipedia.org/wiki/Парк_Мускау
11. http://turometr.ru/tag/Еленегурская%20котловина/
12. http://ru.wikipedia.org/wiki/Августовский_канал
13. http://www.mycicerone.ru/wiki/Музеи_в_Варшаве
14. http://ru.wikipedia.org/wiki/Кальвария-Зебжидовска_(архитектурно-парковый_комплекс)

Гельдыева Г.В., Надыров Ш.М., Нюсупова Г.Н. (Казахстан, г. Алматы)

УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ ПРИРОДНО-ХОЗЯЙСТВЕННЫХ СИСТЕМ КАК ОСНОВА СБАЛАНСИРОВАННОГО ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Geldyeva G.V., Nadyrov Sh.M., Nyusupova G.N.

SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF NATURAL AND ECONOMIC SYSTEMS AS A BASIS FOR BALANCED NATURE MANAGEMENT OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

Аннотация. *Статья посвящена проблемам устойчивого развития природно-хозяйственных систем в контексте сбалансированного природопользования Республики Казахстан. Речь идет о конкретизации пространственно-временных структур и их форм в социально-экономическом развитии Казахстана в направление к «зеленой экономике» через призму устойчивого развития природно-хозяйственных систем.*

Abstract. *The article is about the problems of natural-economic systems sustainable development in the context of the balanced nature management of the Republic of Kazakhstan. The question is the concretization of spatial-temporal structures and their forms in the socio-economic development of Kazakhstan in the direction of "green economy" through the prism of natural-economic systems sustainable development.*

Ключевые слова: *устойчивое развитие, зеленая экономика, природно-хозяйственная система.*
Key words: *sustainable development, green economy, natural-economic systems.*

Обострение экологической ситуации в первую очередь снижает качество жизни человека со всеми вытекающими отсюда последствиями. Данная проблема возникла еще в первой половине XX в., но мировое сообщество на сегодняшний день оказалось бессильным при решении проблем борьбы с глобальными, региональными и даже локальными очагами эколого-экономического напряжения. Вместе с тем, глобальный финансовый кризис ярко продемонстрировал неустойчивость современной финансово-экономической системы и поставил перед мировым сообществом с особой остротой задачу поиска альтернативной модели достижения экономического роста с учетом факторов экологической безопасности. Концепция «Зеленый рост», впервые презентованная в 2005 г. в г. Сеуле на 5-й Конференции Министров охраны окружающей среды стран Азиатско-Тихоокеанского региона, представляет собой главные стратегические направления, обеспечивающие баланс эколого-экономического развития. «Зелёная экономика» (англ. *Green economics*, *Ecological economics*) – это направление в экономической науке, сформировавшееся в последние 2 десятилетия, в рамках которого считается, что экономика является зависимым компонентом природной среды, в пределах которой она существует и является ее частью. Концепция зеленой экономики включает в себя идеи многих других направлений в экономической науке и философии, таких, как феминистская экономика, постмодернизм, экологическая экономика, экономика окружающей среды, антиглобалистика, теория международных отношений и др. Теория зеленой экономики базируется на 3 аксиомах:

- невозможно бесконечно расширять сферу влияния в ограниченном пространстве;
- невозможно требовать удовлетворения бесконечно растущих потребностей в условиях ограниченности ресурсов;
- все процессы и явления ландшафтной сферы Земли являются взаимосвязанным.

Сторонники зеленой экономики критикуют неоклассическую школу за то, что в ее рамках природные и социальные факторы обычно рассматриваются в качестве внешних эффектов; в лучшем они считаются фиксированными и не анализируются в динамике. Однако пытаясь ответить на принципиальные вопросы, сторонники «зеленой экономики» оставляют в стороне оценку антропогенных изменений, обусловленных различной ролью возобновляемых и невозобновляемых ресурсов в балансе минерального сырья и энергоносителей природно-территориальных комплексов (ПТК).

Именно последние являются природной основой природно-хозяйственных систем (ПХС). Функциональное значение ПХС, как метода научного исследования, заключается в том, что он позволяет определить степень устойчивости природных комплексов (ПТК) в границах ПХС при различном характере, продолжительности и силе антропогенного воздействия.

В этой связи логика и закономерности развития взаимодействия природы и общества доказывают, что именно ПХС могут выступить эталонами для демонстрации возможностей применения подходов и принципов «зеленой экономики» при решении актуальных проблем современного мира. Разумеется, это позволяет приблизиться к решению многих важных проблем глобальной экономики.

«Зеленые» экономисты утверждают, что экономический рост в своем определении противоречит первой аксиоме. «Ростизм», по мнению сторонников зеленой экономики, нарушает функционирование экосистем. Зелеными экономистами предлагается установление налога Тобина[1] в размере 1% от всех международных торговых сделок, с направлением собранных средств бедным странам с целью торможения усиливающейся дифференциации между развитыми и слаборазвитыми странами. Кроме этого, предлагается использовать категорию «при-родный капитал» вместо категории «природные ресурсы», которая как бы свидетельствует о пассивной роли природной составляющей в экономике. Среди сторонников зеленой экономики выделяются: М. Букчин [1], Дж. Джекобс [2], Д. Медоуз [3], Э.Ф. Шумахер [4], Д. Кортен [5] и др. Не вступая в научную полемику с зелеными экономистами, отметим, что решение проблемы перехода к зеленой экономике, на наш взгляд, во многом обусловлено двумя основными причинами: уровнем социально-экономического и технологического развития страны, а также региональными формами организации «зеленой экономики», в основе которых лежат природно-хозяйственные системы (ПХС).

Касательно первой причины, не всегда даже высокоразвитым постиндустриальным странам, по различным обстоятельствам, под силу решение проблем, связанных с усилением роли «зеленой экономики».

В отношении второй причины следует отметить, что именно ПХС аккумулируют проблемы совмещения и гармонизации интересов диалектической триады «природа–хозяйство–общество» на региональном и локальном уровнях. В данном случае речь идет о нахождении неординарных методов исследования, максимально привязанных к территории и к отдельным компонентам природного, производственного и социального свойства.

Решение данной задачи, по нашему мнению, связано с разработкой методологии территориальной организации «зеленой экономики», одинаково важной как для постиндустриальных стран, так и развивающихся стран. Основу методологии могут определять принципы формирования природно-хозяйственных систем, несмотря на то, что эти системы больше ориентированы на решение прикладных задач. Необходима разработка практических подходов, принципов, способов организации территории, не нарушающих основные закономерности методологии территориальной организации «зеленой экономики». Устойчивая ПХС требует формирования устойчивой производственной и социальной инфраструктуры, позволяющей рационально использовать природно-ресурсный потенциал.

Хорошо известно, что процессы урбанизации не всегда сопровождаются развитием эффективной инфраструктуры, в то время как инвестиции в устойчивую инфраструктуру могут обеспечить сохранение природной среды и, как следствие, устойчивое развитие экономики. Мировой опыт свидетельствует, что экологически ориентированное строительство зданий позволяет снизить затраты энергетических и водных ресурсов более чем на 30% за период функционирования данного объекта. Несмотря на это, при проектировании зданий и транспортной инфраструктуры не учитываются потенциальные преимущества использования принципов эко-эффективности. Вместе с тем, затраты на создание устойчивой инфраструктуры позволяют повысить стратегическую конкурентоспособность страны в целом, сохраняя окружающую среду, здоровье населения и природные минерально-сырьевые ресурсы.

[1] Международный налог на валютные сделки, предложенный в 1972 г. Джеймсом Тобином - нобелевским лауреатом по экономике. Тобин был обеспокоен избыточными колебаниями обменного курса. Он утверждал, что обложение налогом кратковременных валютных операций поможет обуздать спекуляцию.

Это положение не означает, что Казахстан далек от решения задач развития «зеленой экономики» страны и её регионов в соответствии с уровнем развитых государств. В своей книге «Постиндустриальное будущее Казахстана: образовательные технологии» Пралиев С.Ж., Иманбердиев Б.Д. и Касымов С.М. отмечают: «Войти в мир «развитых стран» и извлекать «инновационную рен-ту» для многих стран периферии пока является задачей труднодостижимой в силу сохраняющегося цивилизационного и технологического разрыва между развитыми странами «ядра постиндустриализма» и странами «периферии постиндустриализма» [6]. Следовательно, важнейшей задачей для Казахстана является не допустить повторения ошибок, имевших место в прошлом в постиндустриальных странах и найти возможности для выхода на новый технологический уровень. Современная географическая наука, на наш взгляд, может предложить эффективные меры по улучшению качества жизни на основе формирования технологической структуры зеленой экономики и управления ресурсным потенциалом на основе развития ПХС.

В настоящее время аридные природно-хозяйственные системы Казахстана относятся к системам с недостаточно выявленными и изученными связями. Очевидна необходимость установления закономерностей трансформаций ландшафтов в процессе их освоения, влияния добычи, переработки и транспортировки углеводородного сырья (Западный Казахстан), горнодобывающей и металлургической отрасли (Восточный Казахстан), химической промышленности (Южный Казахстан), сельскохозяйственного производства, туристско-рекреационной деятельности и др. Учет и оценка антропогенных изменений природно-территориальных комплексов в рамках ПХС позволяет определить степень устойчивости природных комплексов.

Теория перехода к устойчивому развитию ПХС находится в стадии разработки и это имеет объективные причины, связанные с вовлечением в процесс антропогенного воздействия значительного числа ландшафтов. В последние годы стали открываться широкие возможности по использованию результатов ландшафтных исследований в данном направлении, о чем свидетельствуют появление многочисленных публикаций, посвященных основным положениям ландшафтно-экологических исследований, связанных с оценкой состояния природных подсистем региональных ПХС при различных видах воздействий.

Устойчивое развитие ПХС Казахстана и сохранение природно-ресурсного потенциала в современных экономических условиях является важнейшим звеном социально-экономического развития и одновременно служит фактором обеспечения экологической безопасности.

Применение ландшафтно-экологических методов оценки состояния природно-хозяйственных систем Казахстана и анализа уровня их устойчивости дает возможность корректно определить природно-ресурсный потенциал ландшафтов и провести их функциональное зонирование, разграничив ПТК различного назначения с учетом экологического состояния, чувствительности к антропогенным нагрузкам, современного использования и определения целевых функций дальнейшего развития в рамках региональных ПХС.

При территориальном анализе ландшафтно-экологических условий ПХС для разработки целевых установок по комплексному социально-эколого-экономическому развитию системы и сбалансированному землепользованию наиболее значимыми компонентами являются природно-территориальные комплексы, водные ресурсы, почвы, растительность, биотопы, природно-ресурсный потенциал земель и др. На наш взгляд, ландшафтно-экологический подход при исследовании состояния ПХС позволяет выявить истинный характер, глубину и скорость развития негативных процессов и явлений применительно к каждому виду ландшафта, развитие которых происходит при антропогенном воздействии в процессе освоения территорий. Данный подход мог бы стать одним из главных принципов «зеленой экономики» при выявлении индикаторов формирования и устойчивого развития ПХС.

На данном этапе экономического развития РК одной из главных задач является осуществление комплексной социально-эколого-экономической оценки современного состояния ПХС на региональном уровне с разработкой на ее основе предложений по снижению региональных диспропорций и сохранению ландшафтно-экологической устойчивости системы как основы повышения уровня жизнеспособности населения. Комплексный подход к анализу и оценке взаимодействия и взаимовлияния аридных

ландшафтов и различных видов антропогенного воздействия является, на наш взгляд, ключом к познанию механизма устойчивости природно-хозяйственной системы. Комплексный подход к исследованию ПХС предусматривает учет множества природных и антропогенных факторов, видов и форм антропогенного воздействия на ландшафтную систему, уровня ландшафтно-экологической устойчивости ПХС в целом, интенсивности развития деградационных процессов, а также базовых принципов её устойчивого развития. В районах интенсивного антропогенного воздействия на ландшафты в Казахстане отмечается снижение ландшафтного и биологического разнообразия, происходит формирование очагов эколого-демографического напряжения, что вызывает необходимость создания условий перехода к устойчивому развитию ПХС.

В познании законов развития интеграционных природно-хозяйственных систем существенное значение принадлежит ландшафтно-экологическому районированию, включающему комплексное физико-географическое, природно-хозяйственное и геоэкологическое районирование. Районирование, как высшая форма географического синтеза, представляет особую форму информации о природно-территориальных различиях, которая служит естественной основой формирования ПХС и одновременно рационального размещения различных видов производства. Геоэкологическое районирование дает возможность установить соответствие или несоответствие сложившейся структуры природопользования потенциальным возможностям ландшафтов ПХС. Определенный набор ландшафтов образуют внутреннее содержание природной подсистемы региональных ПХС.

В Казахстане накоплен значительный научный потенциал в области геоэкологических исследований природных и природно-антропогенных систем, позволяющий разработать индикаторы и критерии определения порога устойчивости пространственно-территориальных образований, к которым мы относим и региональные ПХС.

Современные геоэкологические проблемы Казахстана имеют различное происхождение и различную степень остроты, определяя в значительной мере уровень устойчивости ПХС и жизнеспособности населения. Для определения порога устойчивости пространственно-территориальных образований были систематизированы зональные, азональные и интразональные группы природоохранных проблем, которые отчетливо проявляются в виде ареалов на территории страны.

Геоэкологическое районирование Казахстана позволило выявить региональные закономерности территориальной приуроченности природоохранных проблем, установить уровень взаимосочетаний и взаимозависимостей природной, социально-экономической, природно-антропогенной составляющих.

На пути перехода к устойчивому развитию ПХС, как основы «зеленой экономики», главную задачу мы видим в правильной интерпретации данных, полученных при разработке геоэкологического районирования. К ним мы в первую очередь относим оценку фоновой зональной ландшафтной организации территории, общенаучное физико-географическое районирование, виды и формы антропогенного воздействия (техногенное, сельскохозяйственное, рекреационное, селитебное, и др.) на природно-территориальные комплексы и «отклик» последних на это воздействие. Как конечный результат, геоэкологическое районирование предоставляет возможность оценить соответствие или несоответствие сложившейся структуры природно-хозяйственных систем ландшафтно-экологическим условиям и потенциальным возможностям зональных природно-территориальных комплексов, а также отраслям экономики, получившим развитие в рамках региональных ПХС.

Изучив опыт ландшафтных исследований и картографирования, авторы установили необходимость обеспечения качественной географической информацией деятельности по нейтрализации и предотвращению процессов опустынивания и создания региональных экологических схем борьбы с опустыниванием. Знание закономерностей зональной ландшафтной структуры РК, трансформаций ПТК в результате антропогенного воздействия определяет возможности разработки природоохранных мер и одновременно способствует выработке условий перехода к устойчивому развитию аридных ПХС.

Резюмируя вышесказанное, следует отметить, что устойчивое развитие ПХС Казахстана в современных экономических условиях возможно только на основе глубокого и всестороннего анализа и учета ландшафтных условий и естественных ресурсов той или иной террито-

рии в рамках системы, с одной стороны, и изучении социально-экономических предпосылок дальнейшего развития ПХС, с другой.

Общую ситуацию развития природно-хозяйственных систем на фоне ухудшения экологической обстановки нельзя признать нормальной. Все это обусловливает необходимость разработки научно-обоснованной концепции замены сложившейся структуры экономики на экологически безопасную, т.е. зеленую экономику, где на основе единой методологической базы и во взаимной связи должны решаться проблемы развития градостроительства, расселения населения и воспроизводственного потенциала административно-территориальных единиц и в целом территории страны. Вместе с тем, учет экономических последствий геополитического характера позволит Казахстану избежать возможных негативных аспектов регионального развития. На данном этапе геоэкономические и геоэкологические аспекты развития Казахстана становятся ключевыми в решении социально-экономических, экологических, демографических и других проблем в контексте пространственного развития.

В настоящее время отсутствуют единые критерии оценки уровня регионального развития, степени нарушенности ПХС. Анализ и оценка развития эколого-демографических процессов в показали, что произошло формирование депрессивных очагов с низким уровнем качества жизни населения. Решение проблем районов депрессивного напряжения требует разработки на принципиально новой основе критериев оценки, отражающих уровень качества жизни городского и сельского населения.

Социально-экономическое развитие Казахстана, включая депрессивные районы любого ранга, обусловлено воздействием факторов, которые можно разделить на две категории: одни вытекают из естественно-географических условий, другие – из социально-экономических. В формировании депрессивных районов ведущая роль принадлежит социально-экономическим условиям жизни населения и природно-ресурсному потенциалу территорий. Уровень качества жизни населения определяется системой экологических и социально-экономических показателей, последние дают возможность выявить уровень депрессивности и сопоставить его с показателями устойчивого развития, разработанными международными организациями: ООН, ПРООН, ЮНЕСКО и др.

Важным показателем наличия очагов депрессивного напряжения в рамках ПХС выступают такие внутренние факторы, как ландшафтно-экологическая ситуация, социально-экономические условия, современное состояние и динамические тенденции развития эколого-демографических процессов. Последние характеризуются высоким уровнем заболеваемости и смертности населения, ухудшением условий жизни людей и, в конечном итоге, формированием новой демографической ситуации. Нередко основной причиной эколого-демографического напряжения являются геоэкологические и геоэкономические факторы.

Характер развития демографических процессов и существующую демографическую структуру ПХС следует отнести к главным индикаторам экологического и социально-экономического состояния системы, отражающим взаимодействия человека и групп населения с окружающей средой. Следует признать отсутствие в настоящее время механизма регулирования природно-географических и социально-экономических факторов в рамках ПХС. Данное положение предполагает необходимость решения экологических и социально-экономических задач с учетом и на основе региональных особенностей, определяемых уровнем эколого-демографического напряжения и наличием депрессивных очагов. К необходимым условиям мы относим также определение конкретных форм пространственной организации территорий, включающих решение градостроительных задач и системы расселения населения. Исследование закономерностей развития эколого-демографических процессов является основой для решения вопросов их регулирования, управления, предотвращения потоков миграции экологических беженцев. В конечном итоге на основе данных оценки, анализа и определения прогнозируемых тенденций развития эколого-демографических процессов возможно создание принципиально новой схемы расселения, прежде всего сельского.

При переходе к устойчивому развитию ПХС Казахстана на основе «зеленой экономики» необходимо учитывать основные показатели качества жизни, которые имеют региональные формы проявления. Выявление этих форм позволяет определить систему решения практических задач по предотвращению дальнейшего развития очагов эколого-демографического

напряжения и нейтрализации существующих. Следует отметить, что ПХС в рамках своих границ лимитирована возможностями природно-ресурсного потенциала и выступает, как относительно замкнутая природная подсистема с множеством ограничений для экстенсивного и интенсивного роста сельскохозяйственного производства, градостроительства, строительства объектов промышленного, транспортного, инфраструктурного и селитебного назначения. Означает ли это дальнейшее ухудшение экологического и социально-экономического состояния ПХС и снижение показателей человеческого развития? Да, это вполне возможно, если не будут найдены инструменты управления ПХС и, главным образом, механизмы соответствия между технологиями использования природно-ресурсного потенциала или технологическим укладом и эколого-демографическими процессами. Так, падение уровня человеческого развития в Казахстане за 1990–2009 гг. на 52% было обусловлено снижением ожидаемой продолжительности жизни, на 37% – сокращением ВВП на душу населения и на 11% – охвата обучением.

Из приведенных нами показателей видно, что демографический фактор (ожидаемая продолжительность жизни при рождении) сыграл основную роль в ухудшении показателей человеческого развития республики на первом этапе и является недостаточно весомым фактором роста этого показателя на следующем этапе развития. При этом его уровень в Казахстане весьма низок (68,6 лет) в сравнении со странами с высокими показателями. Если бы население Казахстана имело ожидаемую продолжительность жизни на 10 лет больше, то по рейтингу ИЧР страна бы входила в число пятидесяти лучших стран мира. Устранение этих причин способствовало бы во многом улучшению экологического состояния ПХС и показателей человеческого развития. Следовательно, социально-экономическая составляющая ПХС прежде всего определяет структуру хозяйства, специализацию сельскохозяйственного и промышленного производства и, главное, технологию переработки природных ресурсов от чего, главным образом, зависят степень антропогенного и техногенного воздействия на окружающую среду. В данном случае важнейшим индикатором экологического состояния выступает достигнутый уровень технологического уклада в стране, являющийся производным от уровня экономического развития.

Новые научные открытия и технологии основываются на ранее неизвестных принципах, для практической реализации которых требуется значительный научно-технический потенциал и финансовые ресурсы, которые не могут быть обеспечены даже развитой страной, входящей в ядро современной мир-системы [6]. В момент, когда исчерпаны технологические возможности существующего технологического уклада, экономика погружается в депрессию, капиталы высвобождаются из устаревших производств и накапливаются в финансовом секторе, что провоцирует финансовые пузыри, возникает кризис. В этот момент капиталисты теряют ориентиры: они не знают, куда выгодно вложить деньги. Выход из кризиса связан с пучком новых технологий, которые в это время привлекают к себе бизнес и, по мере вызревания нового технологического уклада, экономика входит снова в устойчивый режим роста, который продолжается 20–25 лет [7]. Естественно, возникает вопрос: существует ли такая универсальная система мер, использование и развитие которой дает возможность измерять и соизмерять разнородные процессы и понятия, определяющие содержание общепринятого глобального принципа «устойчивое развитие»? [8]. По нашему мнению, «устойчивое развитие» в глобальном масштабе во многом определяется устойчивым развитием составляющих его «молекул», а таковыми в данном случае выступают локальные и региональные ПХС. В сложившейся ситуации, на наш взгляд, задачей науки, исходя из экономических и научно-технологических возможностей Казахстана, является нахождение оптимального варианта решения задачи для каждой ПХС по их устойчивому развитию как основы сбалансированного природопользования.

Данным положением обусловлена необходимость регулирования системы землепользования в сельскохозяйственном секторе экономики на ландшафтно-экологической основе с учетом глубины развития негативных процессов и явлений, в том числе степени и интенсивности развития процессов опустынивания сельскохозяйственных земель. Это позволит расширить знания о современном механизме экологических и социально-экономических процессов, происходящих в регионах Казахстана. На основе вышесказанного возникает острая необходимость эколого-экономического районирования территории страны,

в том числе депрессивных районов, что позволит выявить подходы и принципы по улучшению показателей качества жизни населения, направления экологического оздоровления и обосновать совершенствование специализации промышленного и сельскохозяйственного производства на основе инновационных технологий и пространственной организации территории.

Актуальным направлением научных исследований в ближайшие годы должна стать разработка критериев качества жизни населения в региональных ПХС через систему экологических и социально-экономических показателей. Сюда входят антропогенная нарушенность, естественная зональная структура природных комплексов, ландшафтно-ирригационная система, загрязнение питьевой воды и почвогрунтов, заболеваемость, смертность, рождаемость, миграционные и демографические процессы, геоэкономические и геополитические факторы.

Перечисленные выше критерии дают возможность оценить реальную ситуацию и подойти к решению вопроса снижения антропогенной нагрузки в депрессивных ПХС и регионах концентрации городского населения на принципах «зеленой экономики. Исходя из вышеуказанных положений, основным направлением пространственного развития, включая расселение населения Казахстана, должно явиться не поляризованное, а полицентрическое развитие, синтетическим критерием оценки которого является показатели качества жизни [9].

Таким образом, пространственная организация территории становится не только формой реализации преимуществ «зеленой экономики», сколько инструментом экономического роста и развития, отвечающей интересам государства и народа. Для Казахстана такая постановка вопроса и решение проблемы являются новыми и обусловлены желанием руководства страны создать достойные условия проживания для населения, а также поставленной задачей вхождения Казахстана в число 30 наиболее конкурентоспособных стран мира.

Исходя из этого, сложившаяся система территориально-отраслевого развития Казахстана должна трансформироваться в более прогрессивную систему пространственного развития территории, где приоритеты развития страны и его региональных ПХС должны определяться исходя из потребностей наращивания процессов национальной конкурентоспособности и расширения внутреннего и внешнего пространства жизненных интересов. Необходимость достижения оптимального сочетания экономического потенциала и расселения населения для целостности национальной экономики требует формирования новой парадигмы организации пространственного развития.

Наша цель в решении поставленных задач весьма скромная – изложить и по возможности и обсудить основы науки устойчивого развития через призму развития природно-хозяйственных систем как локальной и региональной основы сбалансированного природопользования Республики Казахстан. Разумеется, это лишь начало формирования концептуальных принципов и подходов и их применения при решении геоэкологических проблем современного Казахстана. Авторы надеются на конструктивный диалог с экспертным сообществом ученых стран постсоветского пространства.

Библиографический список

1. Букчин М. Реконструкция общества: на пути к зеленому будущему. – Нижний Новгород: «Третий путь», 1996.
2. Джекобс Дж. Экономика городов. = The Economy of Cities. / Под ред. канд. экон. наук О.Н. Лугового. – Новосибирск: Культурное наследие, 2008. – 294 с.
3. Медоуз Д., Рандерс Й., Медоуз Д. Пределы роста. 30 лет спустя. – М: Академкнига, 2008. – 342 с.
4. Шумахер Э.Ф. Малое прекрасно. Экономика, в которой люди имеют значение (пер.с англ.). – М.: Издательство ГУ ВШЭ, 2012.
5. Кортен Д. Когда корпорации правят миром. – СПб.: «Агентство «ВиТ-принт», 2002. – 328 с.
6. Пралиев С.Ж., Иманбердиев Б.Д., Касымов С.М. Постиндустриальное будущее Казахстана: образовательные технологии. – Алматы: КазНПУ им. Абая, 2012. – 46 с.
7. Глазьев С.Ю. «Стратегия опережающего развития России в условиях глобального кризиса». – М.: Экономика, 2010.
8. Большаков Б.Е. Наука устойчивого развития. Книга1. Введение. – М.: РАЕН, 2011, – 272 с.
9. Пространственная организация территории и расселения населения Республики Казахстан до 2030 года. Т.1. Концепция пространственного развития и расселения населения Республики Казахстан // Под ред. С.Н. Нугурбекова., Е.У. Темирханова., Ж.К. Бопиевой., С.М. Касымова., Ш.М. Надырова .– Астана: АО «Институт экономических исследований», 2008. – 292 с.

Савлов М.Е. (Москва)

ОТРАСЛЕВАЯ И ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА ТРЕТИЧНОГО СЕКТОРА ЭКОНОМИКИ ВЕЛИКОБРИТАНИИ

Savlov M.E.

SECTORAL AND TERRITORIAL STRUCTURE OF THE TERTIARY SECTOR OF THE UK ECONOMY

Аннотация. *Статья посвящена рассмотрению третичного сектора экономики на примере одной из ведущих стран мира – Великобритании. В работе дана характеристика основных отраслей сферы услуг, проанализирована отраслевая структура сектора, выявлены главные особенности его распределения по территории страны. Сделаны выводы о ключевых чертах развития и функционирования третичного сектора экономики Великобритании.*

Abstract. *The article is devoted to the tertiary sector of economy in case of one of the world leading countries – the United Kingdom. The author analyzed the sectoral structure of the tertiary sector, identified the main characteristics of its distribution all over the country and gave the key features of service components. There are conclusions about the key features of the development and operation of the tertiary sector in the British economy.*

Ключевые слова: *третичный сектор экономики, сфера услуг, Великобритания.*
Keywords: *tertiary sector of economy, services, the United Kingdom.*

По данным Всемирного банка за 2012 г., Великобритания является девятой экономикой мира по объему ВВП по ППС (2265 млрд. долл.), седьмой по номинальному ВВП (2430 млрд. долл.) и третьей экономикой Европейского Союза после Германии и Франции. Ведущим сектором британской экономики является сфера услуг (77% ВВП, 2011 г.), темпы роста которой превышают темпы роста ВВП в целом.

Лидирующее положение в третичном секторе экономики занимает ее финансовая составляющая (все виды финансовых услуг – 25% ВВП, 2011 г.), определяющая специализацию страны в системе международных экономических отношений [12, 15].

В финансовом секторе Великобритании в 2010 г. было занято около 970 тыс. чел. [12]. В пользу лидерства Соединенного Королевства в финансовой сфере говорит представленность во главе рейтинга журнала «Форбс» ключевых британских компаний-лидеров в области оказания банковских услуг и страхования. Великобритания представлена на мировом рынке сферы услуг следующими крупнейшими финансовыми конгломератами «Барклайс», «Ллойдс», «Эйч-Эс-Би-Си», «Королевский банк Шотландии» [6]. На территории Соединенного Королевства насчитывается 22 фондовые биржи, среди которых находится Лондонская фондовая биржа – старейшая и крупнейшая в Европе.

Лондон является одним из трех мировых экономических и финансовых центров наравне с Нью-Йорком и Токио. Лондон имеет самый большой городской валовой региональный продукт (ВРП) в Зарубежной Европе – 20% от ВВП Великобритании в 2010 г. [12]. Другие крупные города Соединенного Королевства (Эдинбург, Ливерпуль, Глазго) также являются значительными финансовыми центрами.

Военные столкновения с Ирландской республиканской армией в Северной Ирландии, спорное положение Фолклендских островов, участие в НАТО, а также обязательство Великобритании быть главным гарантом безопасности стран Содружества («Commonwealth») объясняет особое внимание к поддержанию обороноспособности и содержанию армии, что влечет за собой относительно высокие военные расходы (2,7% ВВП, 2010 г.), по которым она выделяется среди других европейских стран [15]. По данным Всемирной книги фактов – ежегодного справочника Центрального разведывательного управления США, военные расходы Великобритании составили в 2012 г. почти 59 млрд. долл. [3]. Тем самым Соединенное Королевство по абсолютным расходам на содержание армии и поддержание безопасности занимает четвертое место в мире, уступая только США, Китаю и России. Численность действующей армии Великобритании на 2010 г. составила 188 тыс. чел.,

сухопутные войска насчитывают 100 тыс. чел., страна обладает вторым крупнейшим военно-морским флотом среди стран НАТО, участвует в военных операциях в Ираке и Афганистане, проводила операции в Югославии. По численности вооруженных сил Великобритания занимает четвертое место в Зарубежной Европе, уступая Франции, Италии и Германии. Соединенное Королевство – одно из последних европейских государств, которое вело самостоятельную войну за подконтрольные ему территории (Фолклендская война с Аргентиной 1982 г.).

Уникальность сложившегося доминирования финансовых услуг в структуре третичного сектора экономики, наравне с повышенными по сравнению со среднемировыми значениями расходов на оборону и безопасность, обусловливают возможность выделения Великобритании в особый тип «военно-финансовых стран», аналогов которому, кроме Соединенного Королевства, в мире пока не выявлено.

Отличительной особенностью британской сферы услуг являются сильные позиции в образовании, здравоохранении и туризме (табл. 1).

Основным органом, занимающимся привлечением иностранных студентов в страну, является Британский Совет. Великобритания является второй в мире страной по численности иностранных студентов, уступая США. По данным Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) за 2010 г., услугами британского образования воспользовались более 500 тыс. чел., это примерно 17% от общего числа всех иностранных студентов в мире [9]. Согласно Академическому рейтингу университетов мира, составленному в институте высшего образования Шанхайского университета Цзяо Тун за 2012 г., лишь британские университеты составляют конкуренцию американским университетам по лидерству в качестве предоставляемого образования. Кембриджский и Оксфордский университеты занимают в рейтинге лучших

Таблица 1

Структура экономики Великобритании, 2011 г.

Сектора экономики	Доля в ВВП (%)	Абсолютные значения (млрд. долл. США)	Душевые значения (долл. США/чел.)
Сельское хозяйство	1	22,6	360,0
Промышленность	22	498,3	7909,5
Сфера услуг:	77	1744,1	27683,3
Здравоохранение	8,1	183,5	2912,1
Образование	5,5	124,6	1977,4
НИОКР	1,8	40,7	647,1
Оборона	2,7	61,2	970,7
Государственное управление и социальное обеспечение	2,6	58,9	934,7
Оптовая и розничная торговля	11,2	253,7	4026,6
Финансовые услуги и страхование	10,4	235,6	3739,0
Операции с недвижимостью	4	90,6	1438,1
Профессиональные и бизнес-услуги	10,5	237,8	3775,0
Туризм	6,7	151,7	2408,8
Коммунальные услуги и общественное питание	2,5	56,6	898,8
Транспортные услуги	6,2	140,4	2229,1
Телекоммуникации	4,3	97,4	1545,9
Другие	0,5	11,3	179,7

Составлено по: [5, 6, 8, 10, 15].

университетов мира пятое и десятое место соответственно [11].

Сильная университетская база, значительные расходы на НИОКР (1,8% ВВП) обеспечили Великобритании успехи в науке общемирового масштаба. Именно британскими учеными было обнаружено истончение озонового слоя над Антарктидой, впервые успешно произведено клонирование животных, ведутся разработки по развитию технологий в области донорства, они лидируют в физике полупроводников, создании фармацевтических препаратов. Первый научный парк на базе Эдинбургского университета в стране появился в 1972 г., через год был создан второй научный парк на базе Кембриджского университета, который специализируется на электронике и программном обеспечении. Существует английская «Кремниевая долина» – «Коридор М-4» между Лондоном и Бристолем, где разместилось огромное число предприятий электроники, телекоммуникаций, связи, страхования, банковских услуг. Основная доля затрат на НИОКР в Великобритании за 2010 год приходилась на сферу услуг (21%) и фармацевтическую промышленность (24%). При относительно высокой доле расходов в ВВП на НИОКР Великобритания все-таки существенно уступает по данному показателю странам Северной Европы – Финляндии (3,8%) и Швеции (3,4%), а также Франции (2,3%), Израилю (4,4%), США (2,9%) и азиатским лидерам – Японии (3,3%) и Республике Корея (3,7%) [15].

Основой медицинского обслуживания в Великобритании является Национальная служба здравоохранения, которая оказывает бесплатные услуги лицам, проживающим на территории Соединенного Королевства, и финансируется за счет налоговых поступлений. Национальная служба здравоохранения является крупнейшим работодателем Великобритании и занимает седьмое место в мире по численности штата сотрудников – 1,4 млн. чел. в 2010 г. [4].

Великобритания является родиной туризма в современном понимании благодаря созданию в XIX в. Т. Куком первой туристской фирмы. По данным Всемирной туристской организации за 2010 г., в Великобритании было зафиксировано 28,1 млн. международных прибытий [13]. Страна по данному показателю находится на шестом месте в мире, уступая Франции, США, Китаю, Испании и Италии. К 2020 г. Великобритания планирует сохранить свои позиции в туристской отрасли с увеличением числа иностранных туристов до 50 млн. чел., с долей в мировом туристском потоке в 3,3%. Главными дестинациями Великобритании, притягивающими основной поток туристов, служат Лондон и его окрестности, горные районы Шотландии и Уэльса, курорты на юге Англии (Брайтон, Сифорд, Бат, Гастингс). По данным Всемирного совета по туризму и путешествиям, доля туризма в ВВП Соединенного Королевства за 2011 г. составила 6,7%, этот показатель стал меньше по сравнению с 2008–09 гг., но при этом превышает долю в ВВП страны таких базовых отраслей, как химическая и добывающая промышленность [16].

Особое географическое положение Великобритании определяет важную роль, которую играют транспортные услуги. Основой транспортных услуг Большого Лондона и других городов становится общественный и авиационный транспорт. Крупнейшие аэропорты («Хитроу», «Гатвик», «Лондон-Сити») и железнодорожные вокзалы («Ватерлоо», «Виктория», «Кингс-Кросс») расположены в Лондоне. Суммарный пассажиропоток всех аэропортов Великобритании за 2011 г. составил примерно 181 млн. чел. Аэропорт «Хитроу» – крупнейший по пассажиропотоку (70 млн. пассажиров в 2011 г.) аэропорт Европы и третий в мире. В год через лондонский авиаузел, включающий четыре аэропорта в окрестностях столицы, проходит около 130 млн. пассажиров [5]. Возможностей расширения крупнейших аэропортов Лондона («Хитроу» и «Гатвик») практически нет, аэропорты уже задействовали все свои резервы, строительство дополнительных взлетно-посадочных полос и терминалов невозможно из-за близости жилых построек.

Инфраструктурные проблемы не обошли стороной и железнодорожный транспорт. В Великобритании практически нет железных дорог, на которых возможно развивать скорость свыше 200 км/ч, исключением является магистраль, соединяющая Лондон с тоннелем под Ла-Маншем. Отличие британской системы развития высокоскоростного транспорта от французской, испанской и других заключается в модернизации уже существующих железных дорог, а не в стро-

ительстве кардинально новых. Общая протяженность высокоскоростных магистралей в Великобритании на 2012 г. составила лишь 113 км, что не может идти ни в какое сравнение с европейскими лидерами Испанией (2665 км) и Францией (2037 км), а также Германией, Италией, Бельгией и Нидерландами [5]. Однако в январе 2013 г. британское правительство приняло план строительства второй ветки высокоскоростных железных дорог, которая должна будет связать Лондон с Бирмингемом, а затем уйти в направлении Манчестера, Шеффилда и Лидса, что должно увеличить протяженность сети до 400 км.

Основные международные грузоперевозки (95% всего грузооборота страны) осуществляются морским транспортом, а «островное» положение и нахождение на пересечении главных морских путей из Европы в Америку, Азию и Африку обеспечивают морские порты Великобритании постоянной занятостью. В сферу функционирования морского транспорта вовлечено около 60 тыс. чел. Пассажиропоток морского транспорта Соединенного Королевства составил в 2011 г. 21,1 млн. чел. [12].

Прослеживается четкая привязанность главных портов страны к восточному побережью Великобритании, специализирующемуся на поступлении нефти и газа Северного моря (табл. 2).

Особый интерес представляет изучение распределения основных отраслей третичного сектора по районам и отдельным административно-территориальным единицам Великобритании.

Британская статистика на уровне отдельных административно-территориальных единиц дает суммарные показатели сразу нескольких видов услуг, объединяя их в одну общую категорию (например, социальная сфера, государственное управление, здравоохранение и образование).

Наибольшая доля занятых в сфере услуг характерна для Англии, особенно выделяются районы Большой Лондон, Восточная Англия и Юго-Восточный (табл. 3).

Прослеживается четкая привязанность большого значения доли занятых в сфере услуг к крупным городам Великобритании: Лондон, Манчестер, Ливерпуль, Лидс, Саутгемптон, Бристоль, Глазго, Эдинбург, Данди, Белфаст, Лондондерри, Кардифф, Суонси.

Среди лидирующих графств присутствуют как наиболее развитые территории страны (Кент, Суррей, Гэмпшир, Эссекс, Хартфордшир), тяготеющие к агломерации Большого Лондона, так и старопромышленные территории (Лидс, Ноттингемшир, Шеффилд), а также отдельные территории «исторических провинций» (Северная Ирландия, Шотландия, Уэльс), перед которыми стоит задача перестройки экономики на по-

Таблица 2

Крупнейшие порты по грузообороту Соединенного Королевства, 2011 г.

№	Порт	Местоположение	Грузооборот
1	Иммингем и Гримсби	Графство Линкольншир, Восточный Мидленд	57,2 млн. т, 11% грузооборота страны
2	Лондон	Большой Лондон	48,7 млн. т, 9% грузооборота страны
3	Милфорд Хейвен	Уэльс	48,6 млн. т, 9% грузооборота страны
4	Саутгемптон	Графство Гэмпшир, Юго-Восточный район	37,9 млн. т
5	Тис и Хартлпул	Графство Дарем, Северо-Восточный район	35,2 млн. т
6	Ливерпуль	Графство Мерсисайд, Северо-Западный район	32,7 млн. т
7	Форт	Эдинбург, Шотландия	28,9 млн. т
8	Филикстоу	Графство Саффолк, Восточная Англия	26,8 млн. т
9	Дувр	Графство Кент, Юго-Восточный район	24,3 млн. т
10	Медуэй	Графство Кент, Юго-Восточный район	16,1 млн. т

Составлено по: [12].

Таблица 3

Доля сферы услуг и отдельных ее отраслей в общем числе занятых по историческим провинциям и районам Великобритании, 2010 г.

Исторические провинции и районы Великобритании	Банковские услуги и страхование (%)	Социальная сфера, государственное управление, здравоохранение и образование (%)	Транспортные услуги и услуги связи (%)	Торговля, общественное питание и гостиничный бизнес (%)	Другие (%)	Сфера услуг (%)
Англия	16,5	30,2	8,8	18,6	5,4	79,5
Северо-Восточный	12,4	33,8	6,9	19,2	4,9	77,2
Северо-Западный	13,8	32,1	7,9	19,8	5,0	78,6
Йоркшир-Хамберсайд	14,2	31,2	7,0	19,6	5,0	77,0
Восточный Мидленд	12,5	29,2	7,8	19,8	5,1	74,4
Западный Мидленд	13,7	30,6	8,1	18,2	5,1	75,7
Восточная Англия	16,4	29,6	9,2	17,7	5,3	78,2
Большой Лондон	25,6	27,3	11,4	17,3	6,5	88,1
Юго-Восточный	17,5	30,2	10,4	17,6	5,5	81,2
Юго-Западный	14,6	30,9	7,2	19,5	5,3	77,5
Шотландия	8,8	18,4	9,1	23,1	16,6	76,0
Уэльс	4,6	30,7	5,0	23,1	12,4	75,8
Северная Ирландия	9,3	32,5	4,2	25,6	4,6	76,2

Составлено по: [7, 8, 10, 12].

Таблица 4

Единицы АТД Великобритании с наибольшей долей занятых в третичном секторе, 2010 г.

Район	Административно-территориальные единицы
Юго-Восточный	Суррей, Кент, Западный Сассекс, Восточный Сассекс, Оксфордшир, Остров Уайт, Гэмпшир
Восточная Англия	Эссекс, Хартфордшир, Кембриджшир
Восточный Мидленд	Ноттингемшир
Йоркшир-Хамберсайд	Лидс
Шотландия	Аргайл и Бьют, Стерлинг, Восточный Лотиан
Уэльс	Гвинед, Монмутшир, Ньюпорт
Северная Ирландия	Ардс, Дерри, Мойл

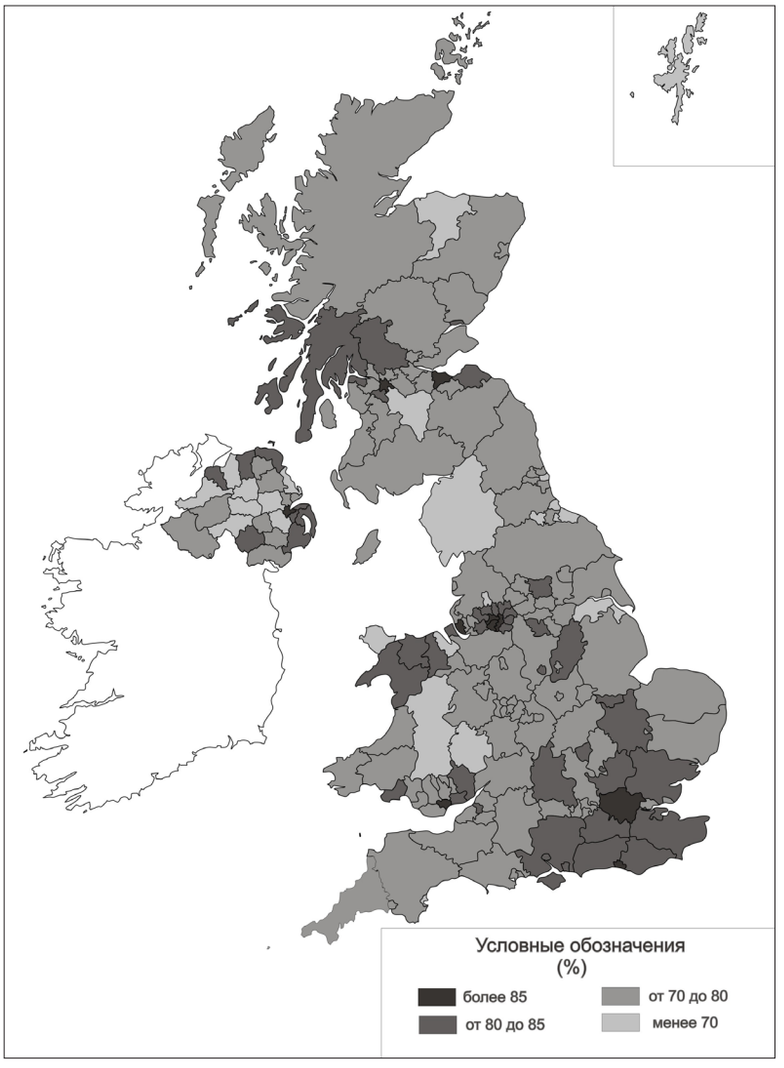
Составлено по: [7, 8, 10, 12].

стиндустриальный путь с помощью развития сферы услуг (табл. 4, рис. 1).

В целом Шотландия, Уэльс и Северная Ирландия, так называемые «национальные окраины», имеют меньшие значения доли занятых в третичном секторе экономики, по сравнению с районами и графствами Англии. Это связано с общей отсталостью их экономического развития, меньшей заселенностью территории, отсутствием большого числа крупных городов, а также возможными сепаратистскими настроениями и волнениями, которые не способствуют стабильному экономическому развитию, что особенно актуально для Северной Ирландии и Шотландии. Референдум по вопросу независимости Шотландии должен состояться в сентябре 2014 г.

Услуги социальной сферы, государственного управления, здравоохранения и образования, направленные в первую очередь на обеспечение качества жизни людей, тяготеют к территориям с наибольшей численностью населения, к крупным городам, имеющим высококвалифицированные кадры, необходимые для оказания данных видов услуг.

Банковские услуги и страхование являются частью финансовых услуг, служащих



Составлено по: [7, 8, 10, 12].

Рис. 1. Доля третичного сектора в общем числе занятых по отдельным административно-территориальным единицам Великобритании, 2010 г.

отличительной чертой третичного сектора экономики Великобритании.

В распределении доли занятых в банковской сфере и страховании среди районов Великобритании с большим отрывом лидируют Большой Лондон – один из главных мировых финансовых центров мира, а также тяготеющие к столичной агломерации Восточная Англия и Юго-Восточный район. «Островками» банковской и страховой активности являются крупные города Великобритании: Саутгемптон, Бристоль, Эдинбург, Манчестер, Ливерпуль, Глазго, Абердин, Белфаст, для которых финансовая деятельность является одной из прерогатив их экономического и социального развития.

Кроме Большого Лондона лидерами по доле занятых в оказании банковских услуг и страховании являются графства Суррей, Бакингемшир в Юго-Восточном районе, Эссекс, Хартфордшир в Восточной Англии и Бристоль в Юго-Западном районе Англии.

Торговля, сфера общественного питания и гостиничный бизнес имеют две ключевые особенности: 1) тяготеют к потребителю данных видов услуг и 2) являются наиболее простой формой зарождения, становления и функционирования третичного сектора экономики.

Следствием первой особенности является то, что центрами сосредоточения занятых в торговле, общественном питании и гостиничном бизнесе становятся крупные города, туристские места и административно-территориальные единицы с наибольшей численностью населения.

Вторая особенность проявляется в лидерстве «национальных окраин» – Шотландии, Уэльса, Северной Ирландии по доле занятых в торговле, сфере общественного питания и гостиничном бизнесе. Общее экономическое и социальное отставание данных «исторических провинций» затрудняет развитие в них финансовой деятельности и социальной сферы, по которым Шотландия, Северная Ирландия и Уэльс существенно уступают районам Англии. При этом освобождаются лидерские позиции для торговли как наиболее простой стадии функционирования сферы услуг, ушедшей на второй план в наиболее развитых районах Великобритании.

Лидирующие значения по доле занятых в оказании транспортных услуг и услуг связи принадлежат Большому Лондону, прилегающим к нему графствам Суррей, Медуэй, Бакингемшир в Юго-Восточном районе Англии и Хартфордшир, Таррок в Восточной Англии, а также городам-портам Великобритании.

Таким образом, Великобритания является ярким примером страны с постиндустриальной экономикой и доминирующей ролью третичного сектора, в то же время уступающей по развитию некоторых отраслей сферы услуг другим государствам Европы. При главенствующей роли страны в финансовой деятельности, Соединенное Королевство отстает по расходам на НИОКР, транспортную инфраструктуру, а также отличается самыми высокими в Западной Европе военными расходами. Последствия экономического кризиса, наличие проблем, связанных с перестройкой хозяйства и сворачиванием неэффективных производств, территориальная нестабильность национальных окраин, жесткая конкуренция с другими европейскими странами во всех отраслях, включая третичный сектор, участие в военных операциях НАТО могут стать для Великобритании хорошей проверкой на способность быть одним из мировых лидеров, готовых учитывать изменяющиеся условия, в том числе и в сфере услуг, уровень развития которой будет определять будущее страны.

Библиографический список

1. Польская Н.М. Великобритания. Экономические районы и города. – М.: Мысль, 1974.
2. Сокольский В.М. Великобритания // Большая Российская Энциклопедия. Т. 5. – М.: Изд-во БРЭ, 2006.
3. www.cia.gov (Всемирная книга фактов Центрального разведывательного управления США).
4. www.economist.com (Рейтинг крупнейших работодателей журнала «Экономист»).
5. www.expert.ru (Сайт журнала «Эксперт»).
6. www.forbes.ru (Рейтинг крупнейших компаний журнала «Форбс»).
7. www.new.wales.gov.uk (Статистика по Уэльсу).
8. www.nisra.gov.uk (Статистика по Северной Ирландии).
9. www.oecd.org (Организация экономического сотрудничества и развития, OECD).
10. www.scotland.gov.uk (Статистика по Шотландии).
11. www.shanghairanking.com (Академический рейтинг университетов мира).
12. www.statistics.gov.uk (Официальный сайт Министерства статистики Великобритании).
13. www.unwto.org (Всемирная туристская организация).
14. www.who.int/ru (Всемирная организация здравоохранения).
15. www.worldbank.org (Всемирный банк).
16. www.wttc.org (Всемирный совет по туризму и путешествиям).

Смайлов С. Ш-А. (Казахстан, г. Павлодар)

ГЕОЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ В СТЕПНОМ РЕГИОНЕ (НА ПРИМЕРЕ ПАВЛОДАРСКОЙ ОБЛАСТИ)

Smailov S. Sh-A.

GEOECOLOGICAL CONSEQUENCE OF NATURE MANAGEMENT IN STEPPE REGION (DEMONSTRATED BY AN EXAMPLE OF PAVLODAR REGION)

Аннотация. *В статье приведены результаты исследования антропогенного воздействия на территории степного региона. Для анализа экологической обстановки на территории Павлодарской области проведена покомпонентная и интегральная оценка степени антропогенной нагрузки на природную среду (демографическая, сельскохозяйственная, промышленная, транспортная).*

Abstract. *The paper presents the results of the research of anthropogenic influence on the territory of steppe region. The component wise (demographic, agricultural, industrial, transport) and integral estimate of the degree of anthropogenic load on the environment was fulfilled for analysis of ecological situation on the territory of Pavlodar region.*

Ключевые слова: *антропогенная нагрузка, интенсивность видов антропогенной нагрузки, интегральная оценка, Павлодарское Прииртышье, территориальные единицы.*

Key words: *anthropogenic load, anthropogenic load intensity, integral estimate, Pavlodar Irtysh river region, territorial entity.*

Сегодня Павлодарская область является одним из крупных промышленных регионов Казахстана. На долю области приходится 5% всего промышленного производства республики, более 4% сельскохозяйственного производства, в области сосредоточено около 40% производства электроэнергии и нефтепродуктов, более 60% добычи угля, почти 75% производства ферросплавов, 100% производства алюминия страны.

Интенсивное использование природных ресурсов региона привело к усилению негативного воздействия хозяйственной деятельности человека на природную среду. В связи с этим, одной из важных задач при решении вопросов рационального природопользования является пространственно-экологический анализ и оценка антропогенных воздействий на геосистемы. Изучение современного состояния окружающей среды в регионах имеет практическую направленность в разработке рекомендации решений региональных экологических проблем, управления природопользованием.

Для анализа экологической обстановки на территории Павлодарской области была проведена оценка степени антропогенной нагрузки на природную среду. Исследования проводились по адаптированной методике, предложенной Кочуровым Б.И. [1]. Исходными данными явились материалы официальной статистики и земельного кадастра, которые наиболее полно представлены по административным единицам. Поэтому в качестве территориальных единиц исследования были взяты административные районы и сельские округа в их составе.

При оценке антропогенной нагрузки учитывались следующие показатели: плотность населения, площадь пашни, количество условных голов скота на единицу площади, выбросы вредных веществ в атмосферу, объем промышленного производства, густота автомобильных дорог. Значения всех показателей отнесены к площади административной единицы. Используемые показатели группировались по видам антропогенных воздействий – демографических, промышленных, сельскохозяйственных, транспортных, для оценки каждого использовалась 5-балльная шкала (табл. 1). Ввиду использования официальной статистики показатели промышленной и транспортной нагрузки были определены с привязкой к административным районам, а показатели демографической и сельскохозяйственной нагрузки определялись не только в разрезе районов, но и по сельским округам.

Анализ демографической нагрузки. Численность населения Павлодарской области на 1 января 2013 г. составила 749,2 тыс. чел. За последние два десятилетия она умень-

Таблица 1

Шкала критериев антропогенной нагрузки

Балл	Демографическая нагрузка	Сельскохозяйственная нагрузка		Промышленная нагрузка		Транспортная нагрузка
	Плотность населения, чел./ км^2	Площадь пашни, % от площади района	Плотность поголовья скота, условных голов на км^2	Выброс вредных веществ в атмосферу, кг / кв. км	Плотность промышленного производства, тыс. тенге/ км^2	Густота автодорог, км на 1000 км^2
1	до 1,5	до 1	до 2	до 60	до 200	до 20
2	1,6-3,0	1,1 - 5,0	2,1 - 4,0	60,1-110	200,1-400	20,1-35,0
3	3,1-4,5	5,1 - 15,0	4,1 - 6,0	110,1-170	400,1-600	35,1-50,0
4	4,6-6,0	15,1 - 30,0	6,1-10,0	170,1-220	600,1-800	50,1-75,0
5	от 6,1 и выше	от 30,1	от 10,1	от 220,1 и выше	от 800,1 и выше	от 75,1 и выше

шилась на 21%, тогда как общая численность населения Казахстана на 01.01.2013 г. превысила показатель 1991 г. Численность городского населения составляет 518,3 тыс. чел. или 69,2% (доля городского населения по Казахстану – 55%), сельское население соответственно 230,9 тыс. или 30,8%. На территории области находятся 3 города областного значения, 4 поселка и 408 сел [3]. В городе Павлодар проживает около 45% всего населения области, или около 65% всего городского населения региона. Средняя плотность населения по области составляет 6 чел. на км^2.

Высокая демографическая нагрузка характерна для городов, поселков, районных центров и сельских округов области, прилегающих к транспортным магистралям, расположенных вблизи городов и районных центров (рис. 1).

Районы с низкой демографической нагрузкой занимают 60% территории области, с пониженной – 23%, со средней – 6,6%, с повышенной – 6,2%, с высокой – 4,1%. Таким образом, для большей части территории региона демографическая нагрузка остается средней и ниже средней (южная, юго-западная, западная части), что связано с концентрацией населения в городах и крупных населенных пунктах, а для сельской местности характерна низкая плотность населения.

Анализ сельскохозяйственной нагрузки. Сельскохозяйственная нагрузка получена как среднеарифметическое значение балльных оценок по двум показателям: доля пахотных земель от общей площади административной территории и плотность условных голов скота на единицу площади.

Общая площадь земельного фонда Павлодарской области по состоянию на 01.11.2012 г. составила 12 475,5 тыс. га, в том числе земли сельскохозяйственного назначения – 4273,7 тыс. га, из них пашни занимают 1387,4 тыс. га [2]. Распаханность территории области – 11,1%.

Наибольшие площади пахотных земель в области находятся в ее северной и северо-восточной частях в пределах Иртышского, Железинского, Качирского, Павлодарского, Успенского и Щербактинского административных районов, где доля пахотных земель в структуре сельскохозяйственных угодий достигает 50% и более. Территории этих районов, по сравнению с другими, отличаются более благоприятными агроклиматическими условиями (гидротермический коэффициент колеблется в пределах 0,5–0,9) и более плодородными почвами (подзоны южных черноземов и темно-каштановых почв).

По плотности условных голов скота на единицу площади максимальные значения имеют сельские округа: Шарбактинский (152,9 у.г. на км^2), Жетекшинский (26,3), Достыкский (26,2), Лебяжинский (25,7), Актогайский (23,9), Иртышский (23,6), акимата города Павлодар (23,6), Кызылжарский (22,8), Кояндинский (20,4), Валихановский (19,1). В разрезе административных районов высокая плотность в среднем характерна для территории акиматов г. Павлодар (23,6), г. Аксу (5,9), и районов – Павлодарского (8,1), Щербактинского (6,6).

Высокий и повышенный баллы сельскохозяйственной нагрузки наблюдаются в

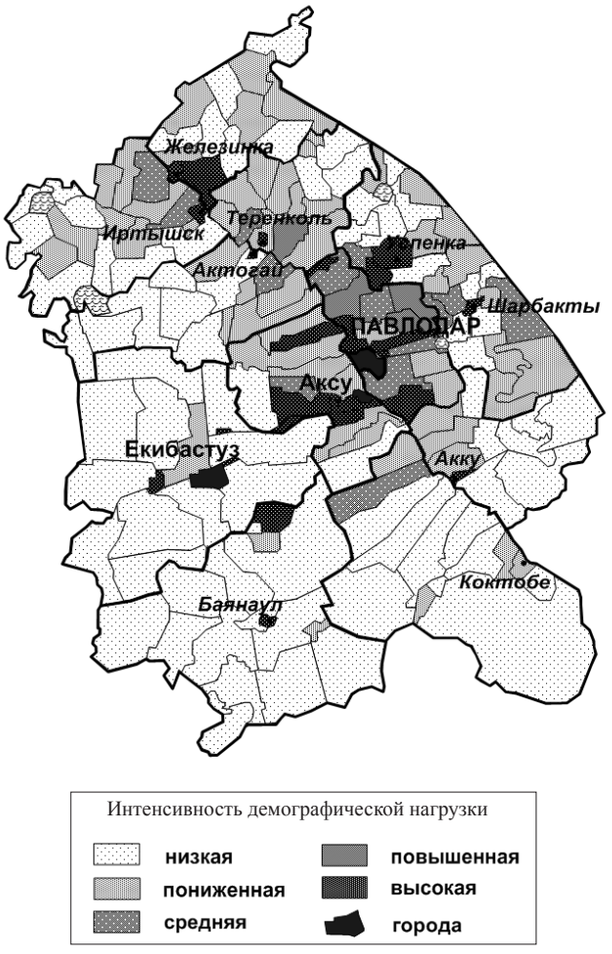


Рис. 1. Демографическая нагрузка

сельских округах Павлодарского, Щербактинского, Качирского и Успенского районов (рис. 2). Низкая и пониженная сельскохозяйственная нагрузка отмечается в Екибастузском, Майском, Актогайском районах, где в условиях недостаточного увлажнения преобладает пастбищное животноводство. Средний уровень сельскохозяйственной нагрузки отмечается в Баянаульском, Аксуском, Железинском, Иртышском, Лебяжинском районах.

Анализ промышленной нагрузки. В экономике области ведущими являются отрасли тяжелой промышленности, такие как энергетика, черная и цветная металлургия, горнодобывающая, нефтеперерабатывающая и химическая промышленность, которые оказывают высокое техногенное загрязнение среды.

Для промышленности региона характерна высокая степень ее концентрации. Доля трех промышленных центров в общеобластном объеме промышленного производства составляет 98%: Павлодар (47,4%), Аксу (30,4%), Экибастуз (19,9%) [5]. Промышленные предприятия, практически все, являются загрязнителями атмосферного воздуха. На территории Павлодарской области в 2011 г. было зарегистрировано 584 предприятий, имеющих выбросы загрязняющих веществ в атмосферу. Всего насчитывалось 8060 стационарных источника выбросов загрязняющих веществ. В атмосферный воздух по области от стационарных источников в 2011 г. было выброшено 632,2 тыс. тонн вредных веществ, что на 10,4% больше, чем в 2010 г. Более 98% выбросов от стационарных источников приходится на предприятия гг.Аксу (29,8%), Павлодара (25,4%) и Экибастуза (42,7%). Индекс загрязнения атмосферы ($ИЗА_5$) для Павлодара в 2011 г. составил 2,7 для Экибастуза – 1,3 [2].

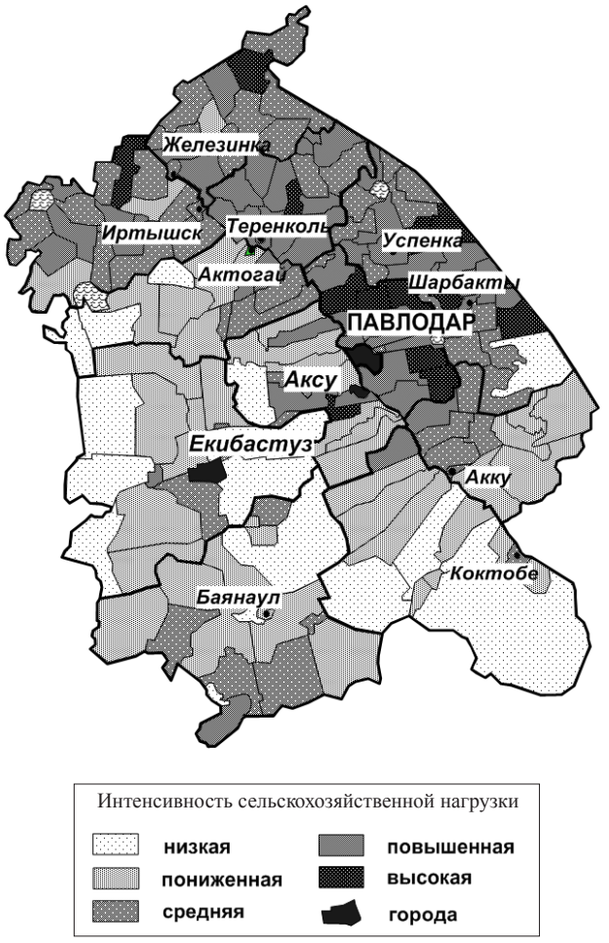


Рис. 2. Сельскохозяйственная нагрузка

Для оценки промышленной нагрузки были использованы объем выбросов вредных веществ и плотность промышленного производства, отнесенные к единице площади. Промышленная нагрузка была рассчитана как среднеарифметическое значение балльных оценок критериев.

В связи с концентрацией промышленного производства и размещением крупных промышленных предприятий на территории акиматов городов Павлодар, Екибастуз и Аксу наблюдается высокая промышленная нагрузка.

Повышенная нагрузка наблюдается в Баянаульском и Щербактинском районах, средняя нагрузка – в Павлодарском, Успенском, Железинском районах, пониженная нагрузка – в Актогайском, Иртышском, Качирском, Лебяжинском, низкая нагрузка – в Майском районе.

Транспортная нагрузка. Транспортная нагрузка определялась по плотности автодорог (республиканского, областного и районного значения) на единицу площади. Протяженность автомобильных дорог общего пользования в области составляет 5665 км, в том числе автомобильных дорог с твердым покрытием 4917 км. Плотность автомобильных дорог на 1000 км^2 территории области равна 45,4 км.

Высокая и повышенная транспортная нагрузка характерна для территории районов, расположенных на севере, востоке и в центральной части области, где проходят главные автомагистрали, соединяющие регионы Казахстана между собой и с приграничными субъектами России. Южная и юго-западная части области имеют плотность автодорог ниже средней густоты по области.

Интегральная оценка антропогенной нагрузки Павлодарской области. Совокупная антропогенная нагрузка нами была

определена как сумма баллов всех видов антропогенной нагрузки: демографической, сельскохозяйственной, промышленной и транспортной. Размах полученных значений был разбит на 5 интервалов, величина которых определялась по формуле [6]:

$$i=(x_{max}-x_{min})/k,$$

где i – величина интервала, x_{max} и x_{min} – максимальное и минимальное значения, k – число классов, принимаемое за 5.

Итоговый балл был определен по принадлежности к 5 классам (табл. 2).

Высокая интенсивность антропогенной нагрузки наблюдается на территории акиматов г. Павлодар, г. Аксу, Павлодарского и Щербактинского районов, которых занимают 17,1% площади области (рис. 3). Повышенный уровень интенсивности охватывает территории акимата г. Екибастуз, Железинского, Качирского и Успенского районов (31%). Для этих территорий высокая и повышенная интенсивность обусловлена совокупным воздействием всех четырех факторов: плотности населения, промышленного производства, сельского хозяйства, транспорта. Баянаульский, Иртышский, Лебяжинский

Таблица 2

Интенсивность антропогенной нагрузки

Интенсивность АН	Итоговый балл АН
Высокая	до 1,0
Повышенная	1,1-2,0
Средняя	2,1-3,0
Пониженная	3,1-4,0
Низкая	4,1-5,0

Рис. 3. Антропогенная нагрузка на территории павлодарской области

Таблица 3

Интенсивность антропогенной нагрузки на территории Павлодарской области

Административная территория	Демографическая нагрузка		Сельскохозяйственная нагрузка (СН)				
	Плотность населения		Площадь пашни от площади района		Плотность поголовья скота		Средний балл
	чел./кв.км	балл	%	балл	усл. гол. на кв.км	балл	
1. Территория акимата г. Павлодар	615,5	5	6,4	2	23,6	5	3,5
2. Территория акимата г. Аксу	8,5	5	2,8	1	5,9	4	2,5
3. Территория акимата г. Екибастуз	7,8	5	0,6	1	1,8	1	1,0
4. Актогайский район	1,7	2	4,8	1	2,8	2	1,5
5. Баянаульский район	1,5	1	1,4	1	4,1	3	2,0
6. Железинский район	2,4	2	23,6	5	4,0	3	4,0
7. Иртышский район	2,5	2	25,1	5	3,5	2	3,5
8. Качирский район	3,4	3	40,0	5	4,4	3	4,0
9. Лебяжинский район	1,8	2	2,7	1	4,1	3	2,0
10. Майский район	0,7	1	0,4	1	2,0	1	1,0
11. Павлодарский район	5,2	4	30,8	5	8,1	5	5,0
12. Успенский район	2,6	2	37,5	5	4,6	3	4,0
13. Щербактинский район	3,3	3	22,7	5	6,6	5	5,0
Павлодарская область	**6,0**	**4**	**11,1**	**3**	**3,9**	**3**	**3,0**

Административная территория	Промышленная нагрузка (ПН)					Транспортная нагрузка (ТН)		Интегральная оценка АН	Итоговый балл
	Выброс вредных веществ в атмосферу		Плотность промышленного производства		Средний балл	Густота автодорог			
	кг / кв.км	балл	тыс. тенге/кв.км	балл		км на 1000 кв.км	балл	балл	
1	302914,9	5	1126914,7	5	5,0	49,4	3	25	5
2	24160,4	5	35388,8	5	5,0	49,9	3	23	5
3	15846,2	5	13724,0	5	5,0	30,2	2	19	4
4	85,4	2	33,2	1	1,5	53,4	4	12	2
5	126,9	3	922,3	5	4,0	29,1	2	15	3
6	121,2	3	207,2	2	2,5	53,7	4	19	4
7	144,8	3	134,8	1	2,0	57,5	4	17	3
8	147,8	3	193,4	1	2,0	99,6	5	20	4
9	127,3	3	103,9	1	2,0	52,5	4	14	3
10	51,9	1	26,7	1	1,0	15,5	1	6	1
11	185,5	4	339,8	2	3,0	75,0	4	24	5
12	247,9	5	170,8	1	3,0	63,6	4	20	4
13	283,5	5	364,0	2	3,5	63,4	4	24	5
Область	**5418,2**	**5**	**9629,9**	**5**	**5,0**	**45,4**	**3**	**23**	**5**

районы имеют средний уровень антропогенной нагрузки (29,5%). Пониженная и низкая антропогенная нагрузка наблюдается в двух районах: Актогайском и Майском (22,4%), в которых низкая плотность населения, пониженная и низкая сельскохозяйственная, про-

мышленная нагрузка. Из этих двух районов территория первого отличается относительно густой сетью автодорог. Интенсивность антропогенной нагрузки на территорию Павлодарской области показана в таблице 3.

Таким образом, около половины территории Павлодарского Прииртышья характеризуется повышенным и высоким уровнем антропогенной нагрузки.

Результатом антропогенного воздействия на геосистемы Павлодарской области являются негативные последствия, к числу которых относятся, прежде всего, загрязнение атмосферного воздуха, природных вод, деградация земель, снижение биологического разнообразия.

Экологические проблемы степного региона усугубляются такими природными факторами как засушливость климата, легкий механический состав почв, невысокое плодородие (содержание гумуса не более 10%), частая повторяемость сильных ветров, ливневый характер выпадения атмосферных осадков в теплое время года.

В целях предотвращения негативных экологических последствий интенсивного использования природно-ресурсного потенциала необходимо решение ряда задач по оптимизации природопользования в регионе с учетом специфики природных условий.

Библиографический список

1. Геоэкологическое картографирование: учеб. Пособие для студ. высш. учеб. заведений / Под. ред. Б.И. Кочурова. – М.: Академия, 2009. – 192 с.
2. Охрана окружающей среды в Павлодарской области, 2007-2011. Стат. сб. – Павлодар, 2012. – 74 с.
3. Павлодарской области 75 лет. Стат. сб. – Павлодар: Департамент статистики Павлодарской области, 2013. – 212 с.
4. Регионы Павлодарской области в 2009 году. Стат. сб. – Павлодар: Департамент статистики Павлодарской области, 2010. – 208 с.
5. Регионы Павлодарской области в 2011 году. Стат. сб. – Павлодар: Департамент статистики Павлодарской области, 2012. – 142 с.
6. Чертко Н.К., Карпиченко А.А. Математические методы в географии: пособие для студентов геогр. фак. – Минск: БГУ, 2008. – 203 с.

СОЦИАЛЬНО–ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНОВ

Катровский А.П. (Смоленск), Ридевский Г.В. (Белоруссия, г. Могилев)

ПРОСТРАНСТВЕННАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ АСИММЕТРИЯ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ РОССИЙСКО-БЕЛОРУССКОГО ТРАНСГРАНИЧНОГО РЕГИОНА*

Katrovskii A.P., Ridevskii G.V.

SPATIAL ECONOMIC ASYMMETRY AS A FACTOR OF THE DEVELOPMENT OF RUSSIAN-BELARUSIAN BORDER REGION

Аннотация. *В статье рассмотрены особенности становления российско-белорусского трансграничного района после заключения Таможенного союза. Отмечается, что приграничные регионы России и Белоруссии, развиваются более медленно по сравнению с экономиками своих стран, и до настоящего времени не извлекли ожидаемого эффекта от заключения Таможенного соглашения. Наличие выраженной социально-экономической асимметрии создает проблемы гармоничному развитию региона.*

Abstract. *The article considers the peculiarities of the Russian-Belarusian cross-border area development after the Customs union has been formed. It is noted that the border regions of Russia and Belarus are developing more slowly than the economies of the respective countries and have not benefit from the Customs agreement so far. Pronounced socio-economic asymmetry prevents the harmonious development of the region.*

Ключевые слова: *российско-белорусское приграничье, пространственная экономическая асимметрия, экономический потенциал приграничных регионов России и Белоруссии, экономические связи приграничных регионов России и Белоруссии.*

Key words: *Russian-Belarusian border area, spatial economic asymmetry, the economic potential of the border regions of Russia and Belarus, the economic ties of the border regions of Russia and Belarus.*

Российско-белорусское приграничье – зона активного социально-экономического взаимодействия двух стран. До настоящего времени формирование трансграничного российско-белорусского региона, происходило не в качестве целостной территориальной системы в рамках одного соглашения, а в рамках многочисленных соглашениях об экономическом взаимодействии отдельных единиц административно-территориального устройства приграничных регионов двух стран разного иерархического уровня.

Таможенный союз России, Белоруссии и Казахстана, вступивший в силу с начала января 2010 г., стал новым важным фактором активизации трансграничного сотрудничества России и Белоруссии, юридически упорядочившим контактные функции российско-белорусской границы, сложившиеся ранее в условиях Союзного государства. Дальнейшее развитие трансграничного российско-белорусского региона имеет и мощный геополитический аспект, поскольку трансграничный регион способен активно содействовать росту экономической связности Союзного государства России и Белоруссии и успешной реализации проекта создания Евразийского Экономического Союза.

Среди важнейших особенностей становления и развития российско-белорусского трансграничного региона следует отметить наличие выраженной пространственной асимметрии с одной стороны и глубоких институциональных различий с другой. И если различия в хозяйственной специализации отдельных регионов приграничья объективны и не являются тормозом на пути формирования целостной экономической системы, то различия в социальном развитии, в качестве среды для развития малого и среднего пред-

* Исследование проведено при финансовой поддержке РГНФ в рамках гранта «Трансформация территориальной структуры расселения и хозяйства приграничных регионов России и Беларуси в постсоветский период». № 10-02-00-668а/Б2.

принимательства, наконец, различия институционального характера являются препятствием на пути к экономическому единству трансграничного региона.

К трансграничному региону России и Белоруссии относятся: Псковская, Смоленская и Брянская области Российской Федерации и Витебская, Могилёвская и Гомельская области Республики Беларусь. Со всеми соседями приграничные регионы двух стран связаны автомобильными и железными дорогами. Среди важнейших транспортных магистралей приграничных регионов России и Белоруссии необходимо отметить два важнейших транспортных коридора, имеющих европейское значение: Берлин–Варшава–Брест–Минск–Орша–Смоленск–Москва (электрифицированная железнодорожная магистраль и автомагистраль Е30), Санкт-Петербург–Витебск–Орша–Могилёв–Калинковичи–Одесса (железнодорожная магистраль и автомагистраль Е95) [5].

Кроме того, российско-белорусскую границу пересекают железные дороги Полоцк–Великие Луки, Витебск–Смоленск, Кричев–Рославль, Могилёв–Кричев–Унеча, Гомель–Брянск и 9 автомобильных магистральных и прочих дорог межрегионального значения: Верхнедвинск–Псков, Полоцк–Псков, Россоны–Псков, Витебск–Велиж, Витебск–Смоленск, Мстиславль–Починок, Кричев–Рославль, Костюковичи–Унеча, Гомель–Брянск [5].

Важным проявлением пространственной асимметрии являются значительные неравенства между российскими и белорусскими регионами в уровне развития транспортной инфраструктуры и плотности сети автодорог с твёрдым покрытием. Если в Витебской области в 2012 г. данный показатель был 366,0 км/10 тыс. км², в Могилевской – 339,4, Гомельской – 266,2, то в российских регионах он был значительно ниже. В Псковской – 230.0, Брянской – 194,0, в Смоленской – 181,0 [7].

Общая площадь российско-белорусского приграничья – 247,4 тыс. км², в том числе: 137,9 тыс. км². в пределах российского приграничья и 109,5 тыс. км² в пределах белорусского приграничья. На территорию России приходится 55,7% всей территории приграничья, на территорию Белоруссии – 43,3%. Вместе с тем, на три российских региона в составе рассматриваемой приграничной зоны приходится всего 0,8% территории Российской Федерации, на три белорусские области более половины общей площади Республики Беларусь (52,7%) [4].

Данные, характеризующие площадь и население, промышленное и сельскохозяйственное производство областных регионов российско-белорусского пограничья в абсолютных и относительных показателях отражены в табл. 1 и 2.

В административном отношении российско-белорусское приграничье на 01.07.2013 г. состоит из 139 административных районов (муниципальных районов в России) и 15 городов областного подчинения (городских округов областного подчинения в Российской Федерации): Витебск, Новополоцк в Витебской области; Могилёв и Бобруйск в Могилёвской области; Гомель в Гомельской области; Псков и Великие Луки в

Таблица 1

Площадь, население, производство промышленной и сельскохозяйственной продукции регионов российско-белорусского приграничья в 2010 г.

Области	Площадь, тыс. км²	Население на 01.01.2013 г., тыс. чел.	Производство пром. прод. в 2010 г., млн. дол. США	Производство с/х прод. в 2010 г., млн. дол. США
Регионы Беларуси	**109,5**	**3712,1**	**26401,1**	**5207,1**
Витебская	40,0	1208,0	9621,7	1805,4
Могилёвская	29,1	1076,4	5131,9	1626,7
Гомельская	40,4	1427,7	11647,5	1775,0
Регионы России	**137,9**	**2890,3**	**9572,3**	**1738,4**
Псковская	53,3	661,5	1779,2	346,8
Смоленская	49,8	975,2	5030,8	497,9
Брянская	34,8	1253,6	2762,3	893,7
Все регионы приграничья	**247,4**	**6602,4**	**35973,4**	**6945,5**

Рассчитано по [1; 6, с. 14–18; 7].

Таблица 2

Доля регионов России и Беларуси в площади, населении, производстве промышленной и сельскохозяйственной продукции российско-белорусского приграничья

Области	Площадь, %	Население на 01.01.2013 г., %	Производство пром. прод. в 2010 г., %	Производство с/х прод. в 2010 г., %
Регионы Беларуси	**44,3**	**56,2**	**73,4**	**75,0**
Витебская	16,2	18,3	26,7	26,0
Могилёвская	11,8	16,3	14,3	23,4
Гомельская	16,3	21,6	32,4	25,6
Регионы России	**55,7**	**43,8**	**26,6**	**25,0**
Псковская	21,5	10,0	4,9	5,0
Смоленская	20,1	14,8	14,0	7,1
Брянская	14,1	19,0	7,7	12,9
Все регионы приграничья	**100,0**	**100,0**	**100,0**	**100,0**

Рассчитано по [1; 6, с. 14–18; 7].

Псковской области; Смоленск и Десногорск в Смоленской области; Брянск, Клинцы, Новозыбков, Сельцо, Стародуб, Фокино в Брянской области. Непосредственно к государственной границе Российской Федерации и Республики Беларусь выходят 34 административных района двух стран.

В пределах трансграничного региона на начало 2013 г. проживало 6602,4 тыс. чел. В российской части приграничья двух стран проживало около 2,0% населения России, а в белорусской части – 39,2% населения Белоруссии [5; 6]. Двадцать лет назад на три приграничные с Белоруссией области Российской Федерации приходилось более 2,3% населения России. В трансграничном регионе происходит активная депопуляция, сочетающая естественную убыль и отрицательное сальдо миграции населения, в результате, с начала 1991 г. население региона сократилось на 15,1%. При этом в российских областях приграничья населения сократилось на 16,8%, в белорусских областях – на 13,8%. Наибольший демографический урон понесла Псковская область, население которой сократилось на 21,6%.

Если во второй половине XIX в. демографические различия (включая рождаемость, плотность населения) между белорусскими и российскими губерниями были незначительными, то к концу 1990 г. средняя плотность населения российской части приграничья составляла 25,1 чел. на 1 км², существенно отличаясь от средней плотности населения белорусских областей – 39,3 чел. на 1 км² (различия в плотности населения составляли 56,6%)[1]. К началу второго десятилетия XXI в. неравенства в естественном движении, плотности населения, особенно сельского, между белорусскими и российскими приграничными регионами выросли ещё более значительно, что позволяет говорить о наличии выраженной демографической асимметрии и существенно более низкой устойчивости демографического развития российских приграничных регионов, особенно Псковской области – самого демографически проблемного региона приграничья. К началу 2013 г. плотность населения белорусской части достигла 33,9 чел. на 1 км², российской – 21,0 чел. на 1 км² (различия в плотности населения достигли 61,9%).

Занимая межстоличное положение, находясь в сфере действия крупнейших мегаполисов своих стран, российско-белорусский трансграничный регион «стабильно» теряет население. Главные тенденции демографического развития и российской и белорусской части приграничья общие – сокращение численности сельского и городского населения, уменьшение плотности населения, ухудшение возрастной структуры населения. В результате, в современных условиях демографическая ситуация превращается в один из лимитирующих факторов развития экономики приграничных регионов России и Белоруссии. Однако интенсивность негативных демографических трансформаций в соседних странах существенно отличается. Темпы депопуляции и «оптимизации» сельского расселения в российских регионах приграничья значительно выше.

[1] Рассчитано по: Демографическому ежегоднику СССР. – М.: Финансы и статистика, 1990. – С. 7–13.

Настораживает тенденция увеличения среднегодовых темпов сокращения населения во всех субъектах российского приграничья. Если, в 1989–2002 гг. среднегодовые потери численности населения составляли в Брянской области – 0,45%, в Смоленской – 0,66%, Псковской – 0,84% , то уже в межпереписной период с 2002 по 2010 гг. данные показатели достигли по соответствующим областям – 0,92%; 0,77%; 1,24%. Еще более ускоренными темпами сокращалось сельское население приграничных с Белоруссией областей Российской Федерации. Если в 1989–2002 гг. среднегодовые потери сельского населения Брянской области составили 0,73%, то в период 2002–2010 гг. уже 1,18%; в Смоленской с 1,31% увеличились до 1,52%, в Псковской области с 1,32% до 2,77% [3]. Причем, данные масштабы и темпы сокращения численности сельского населения имели место несмотря на преобразование отдельных поселков городского типа в сельские поселения. При столь существенных темпах сокращения сельского населения возникают угрозы поддержания инфраструктуры сельской местности.

Наивысшие масштабы депопуляции произошли в административных районах, непосредственно выходящих к государственной границе. Среди реальных угроз устойчивому развитию сельской местности приграничных с Белоруссией регионов России можно назвать эрозию опорного каркаса расселения. По материалам Переписи населения 2010 г. в Смоленской области число населённых пунктов без населения достигло 978, в Псковской – 1919, Брянской – 316. [3, с.256; 258; 262]. В трёх областях насчитывалось более 6000 поселений с населением менее десяти жителей. Значительная часть этих сельских поселений не «доживёт» до следующей переписи населения. С 1989 по 2010 гг. только в Смоленской области число сельских населённых пунктов с 5223 уменьшилось до 4851, т.е. исчезло более 370 деревень.

Сокращение сельского населения сопровождалось сокращением сельскохозяйственной освоенности территории. В Брянской области с 1990 по 2010 гг. посевные площади уменьшились с 1292 до 671,6 тыс. га или почти вдвое, в Смоленской области аналогичный показатель снизился с 1438,8 до 455,8 тыс. га или более чем втрое, в Псковской области с 874,7 до 275,5 тыс. га или тоже более чем втрое. В связи с сокращением сельского населения, уменьшением посевных площадей в трех российских приграничных регионах произошло падение сельскохозяйственного производства. В известной степени падение производства молока, картофеля, мяса было обусловлено низкой конкурентоспособностью сельского хозяйства в большинстве районов российского приграничья, неспособностью его конкурировать с более экономически развитым аграрным производством в белорусских областях. Сокращение производства молока, рост поставок на российский рынок белорусских молочных продуктов негативно отразились на состоянии предприятий молочной промышленности Смоленской, Псковской и Брянской областей.

В настоящее время в приграничных с Белоруссией районах Российской Федерации активно проходит процесс вытеснения с рынка местных производителей молочных, колбасных, хлебобулочных изделий. Только с 2009 по 2010 г. в Смоленской области производство сыра с 4,4 тыс. т. уменьшилось до 1,8 тыс. т., цельномолочной продукции с 107 тыс. т. до 87,9 тыс. т., мясных продуктов с 7,4 тыс. т. до 4,5 тыс. т. Согласно официальным данным в 2010 г. произошло увеличение поставок из Белоруссии в Россию молока и сливок сгущенных в 2,1 раза, масла сливочного – на 39,6%, сыров и творога – на 44,2%. По сравнению с 2000 г. в 2010 г. поставки говядины из Белоруссии в Россию выросли в 18 раз (с 7 до 125 тыс. т.), сыра более чем в семь раз (с 17 до 127 тыс.т.), молочных продуктов более чем в пять раз (с 29,0 до 159,0 тыс. т.).

Увеличение физических объемов импорта России из Беларуси в 2010 году наблюдалось по закупкам говядины и свинины – на 29,0%, мяса птицы – на 82,9% [7, с.136]. Проникновение на российский рынок белорусских производителей ощущают на себе в первую очередь приграничные регионы.

Заметно выросла в последнее время на рынке приграничных областей России доля белорусского картофеля, овощей. Одновременно происходит сокращение производства соответствующей продукции в аграрном секторе приграничных районов Российской Федерации. С 1990 по 2010 г. производство картофеля в Смоленской области сократилось с 756,3 тыс. т. до 175,3 тыс. т. или более чем

в четыре раза, овощей с 88,5 тыс. т. до 66,6 тыс. т. Аналогичные процессы протекают в Брянской и Псковской областях.

Данные (табл. 2) убедительно свидетельствуют, что по развитию промышленности и сельского хозяйства белорусские районы российско-белорусского приграничья существенно превышают показатели соответствующих районов России. Превосходя российские приграничные области по численности населения примерно на 30 %, по промышленному производству белорусские регионы превосходят российские уже в 2,8 раза, по сельскохозяйственному – в 3,0 раза.

Вышеназванные цифры – убедительное свидетельство ярко выраженной экономической асимметрии в развитии российско-белорусского приграничья. Производство промышленной и сельскохозяйственной продукции в Гомельской или в Витебской областях Белоруссии превосходит суммарное промышленное и сельскохозяйственное производство всех приграничных с Белоруссией областей России.

Могилёвская область, наименее развитый из белорусских регионов, превосходит по уровню развития промышленности наиболее индустриально развитую область российского приграничья – Смоленскую и почти вдвое по производству сельскохозяйственной продукции наиболее развитую в аграрном отношении Брянскую область.

Наибольший в трансграничном регионе объём промышленного производства отмечается в Гомельской, а сельскохозяйственного производства – Витебской области. Среди российских приграничных регионов наиболее промышленно развитой является Смоленская область (52,6% промышленного производства трёх областей российского приграничья), а по сельскохозяйственному производству безусловный лидер – Брянская область (51,6%).

На три приграничные с Белоруссией области России в 2010 г. приходилось лишь 2,02% сельскохозяйственного производства, 1,12% инвестиций в основной капитал, всего 1,02% ВРП и 1,19% основных фондов страны, что значительно меньше, чем двадцать лет назад. В результате все они относятся к недоинвестированным регионам. Спад сельскохозяйственного производства во всех областях российского приграничья сочетался с деиндустриализацией.

Душевые показатели суммарного промышленного производства приграничных регионов Беларуси (7050 долл. США в 2010 г.) более чем в два раза превышают аналогичные показатели российских областей (3268 долл.). Из российских регионов лишь Смоленская область имеет душевое промышленное производство 5119 долларов, превосходя по данному показателю Могилёвскую область (4716 долл.). Крайне низкие значения промышленного развития Псковской (2650 долл.) и Брянской (2166 долл.) областей делают российское приграничье аутсайдером. В Витебской и Гомельской областях, в связи со значительным развитием отраслей топливно-энергетического комплекса, душевое промышленное производство превышает семь и восемь тыс. долл. соответственно.

По душевому производству сельскохозяйственной продукции (1390 долл.) белорусские области более чем вдвое превосходят российские (593 долл.). Могилевская область, наиболее развитая в сельскохозяйственном отношении, по производству аграрной продукции на душу населения (1495 долл.) почти втрое превосходит Смоленскую (507 долл.) [рассчитано по 1; 6; 7.].

В условиях единого таможенного пространства в большинстве секторов экономики, в первую очередь в производстве сельскохозяйственной продукции, продукции легкой и пищевой промышленности, белорусские предприятия имеют конкурентные преимущества, которые реализуют путем экспансии на российский рынок. В отличие от вступившей в ВТО Российской Федерации, Белоруссия по-прежнему проводит политику активной государственной поддержки различных отраслей экономики, в первую очередь сельского хозяйства, что делает многие виды продовольствия более конкурентоспособными. Вытеснение с российского продовольственного рынка продукции местного производства порождает множество проблем: от занятости до наполнения налогами региональных и местных бюджетов и в конечном итоге объективно способствует возникновению очередных «торговых войн». Гармонизации отношений в трансграничном регионе могла бы способствовать система договоров, согласно которым Белоруссия, сохранив значимое при-

Таблица 3

ВРП и ВРП на душу населения приграничных регионов России и Беларуси в 2010 г.

Области	ВРП			Среднегодовое население, тыс. чел.	ВРП в долларах США на душу населения
	ВРП в млрд. руб.*	ВРП в млн. долл. США	ВРП, %		
Белорусское приграничье	**46152,4**	**15416,2**	**55,3**	**3755,4**	**4105,1**
Витебская	14570,9	4867,1	17,5	1225,6	3971,2
Могилёвская	13006,1	4344,4	15,6	1092,7	3975,8
Гомельская	18575,4	6204,7	22,2	1437,1	4317,5
Российское приграничье	**377,7001**	**12440,7**	**44,7**	**2945,5**	**4223,6**
Псковская	84,3447	2778,1	10,0	676,5	4106,6
Смоленская	149,0914	4910,8	17,6	988,0	4970,4
Брянская	144,2640	4751,8	17,1	1281,0	3709,4
Все регионы приграничья	**–**	**27856,9**	**100,0**	**6700,9**	**4157,2**

*Примечание: *ВРП в млрд. руб. соответственно, в российских и белорусских рублях.*
Рассчитано по [1; 6, с. 14–18; 7].

сутствие на российском продовольственном рынке, повысила бы свое участие в поставках сельскохозяйственной продукции для переработки на предприятиях Смоленской, Брянской и Псковской областей.

Низкий уровень развития промышленности и сельского хозяйства, при близком уровне экономического развития (ВРП на душу населения) свидетельствует, что в российских регионах более активно протекает процесс терциализации экономики, т.е. повышении сферы услуг (табл. 3).

Более высокий уровень оплаты труда наёмных работников, в том числе в бюджетной сфере, существенно больший доход от собственности, более высокий уровень развития малого и среднего предпринимательства и рыночных институтов в целом, обеспечили существенное превышение среднедушевых денежных доходов населения российских регионов приграничья уже в 2010 г., в сравнении с белорусскими приграничными регионами при близком уровне их экономического развития (табл. 4).

Данные (табл. 4) свидетельствуют, что в 2011 г. в результате социально-экономического кризиса в Белоруссии произошло существенное отставание среднедушевых денежных доходов населения приграничных регионов Белоруссии в сравнении с приграничными регионами России, что привело к возникновению значительного градиента в доходах населения в регионах по разные стороны границы. В условиях прозрачности российско-белорусской границы это создало предпосылки для формирования значительных потоков трудовых мигрантов из Белоруссии в Россию в целом и из приграничных регионов в частности [8]. Помимо трудовой миграции, не связанной с переменой местожительства, усиление неравенства в доходах способствовало изменению вектора и результата межгосударственной миграции, связанной с переменой местожительства. Начиная с 2011 г., Российская Федерация в целом и все российские приграничные регионы имеют положительное сальдо миграции с Белоруссией.

Социально-экономическое развитие приграничных областей двух стран за последние годы убедительно свидетельствует, что экономика квазисоветского типа, сохранившаяся в белорусском приграничье и носящая по сути государственно-монополистический, директивный характер, подчас даже по отношению к организациям частной собственности не способна эффективно конкурировать с развивающейся рыночной экономикой российских приграничных регионов, обеспечивающей более высокий уровень доходов населения.

Имея относительно благоприятное географическое положение, и российская, и белорусская части трансграничного региона за последние десятилетия так и не обрели статуса успешной инвестиционной гавани. На три российских региона в 2008 и 2011 гг.

Таблица 4

Среднедушевые денежные доходы населения приграничных регионов России и Беларуси в 2010 и 2011 гг. (в месяц), долл. США

Области	Среднедушевые денежные доходы (в месяц)			
	2010		2011	
	тыс. руб. *	долл. США	тыс. руб. *	долл. США
Приграничные области РБ	**952,4**	**318,1**	**1457,7**	**260,0**
Витебская	839,8	280,5	1299,6	231,8
Могилёвская	823,3	275,0	1283,7	229,0
Гомельская	784,8	262,1	1212,5	216,3
Приграничные области РФ	**18,9508**	**624,2**	**20,7549**	**707,2**
Псковская	12,7976	421,5	14,1853	483,3
Смоленская	14,5460	478,8	15,9691	544,1
Брянская	13,3584	440,0	15,3476	522,9

*Примечание: * Среднедушевой денежный доход в тыс. руб. в месяц соответственно, в российских и белорусских рублях.* Рассчитано по [1; 6 с. 14-18; 7].

пришлось около 0,02% всех иностранных инвестиций в российскую экономику[2].

Несмотря на создание в каждой из приграничных с Россией областей Белоруссии свободных экономических зон: «Гомель-Ратон» (1998 г.), «Витебск» (1999 г.), «Могилёв» (2002 г.), на эти области в 2011 г. пришлось только 3,3% прямых иностранных инвестиций (ПИИ), поступивших в экономику Белоруссии, поскольку большая часть ПИИ была аккумулирована в Минске (92,3%) [2, с. 92].

Основным инвестором ПИИ в реальный сектор экономики приграничных областей Белоруссии традиционно является Российская Федерация. Её доля в общем объёме ПИИ, поступивших в экономику приграничных регионов Белоруссии в 2011 г., составила 30,2%. При этом Российская Федерация в 2011 г. была главным иностранным инвестором только в экономику Витебской области (доля России в ПИИ 40,1%). На первое место по поступлению ПИИ в Гомельской области в 2011 г. вышла Австрия (51,8%), а в Могилёвской области – Великобритания (35,7%).

Российские инвесторы активно работают в химическом производстве, производстве резиновых и пластмассовых изделий, пищевой промышленности, ритейле, секторе информационно-коммуникативных технологий.

Один из крупных инвестпроектов российских инвесторов в белорусском приграничье в 2011 г. – ввод в строй первой очереди Осиповичского вагоностроительного завода, который был создан на базе Осиповичского вагонного депо в 2008 г. Учредителями завода являются российское ЗАО «Гранд Экспресс», доля которого в уставном фонде составляет 74%, и Белорусская железная дорога, которой принадлежит 26 % акций. В 2013 г., после ввода в строй второй очереди завода, на нём будет выпускаться 2500 грузовых вагонов и 2000 танк-контейнеров в год.

В территориальной структуре экономики формирующегося трансграничного региона увеличивается удельный вес Гомельской, уменьшается доля Псковской области. Происходит углубление диспропорций между основными производственными сферами трех российских и трех белорусских областей в пользу последних, прежде всего, за счет мощной государственной поддержки промышленности и сельского хозяйства в регионах Беларуси и её недостатка в регионах российского приграничья [9, с. 3]. Однако в целом социально-экономическое развитие как российских, так и белорусских приграничных районов характеризуется невысокими темпами. Несмотря на относительно развитую инфраструктуру, они отстают от среднероссийских и среднебелорусских показателей экономической динамики, хотя именно они должны были извлечь максимальную выгоду от создания Таможенного союза.

Наиболее благоприятная социально-экономическая ситуация как в российских, так и белорусских приграничных регионах отмечается в крупных городах, особенно областных центрах. Периферийные регионы в приграничье двух стран в большинстве случаев являются депрессивными регионами, находящимися в состоянии перманентного

[2] Рассчитано по: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2012 г.

социально-экономического и демографического кризиса более двух десятилетий.

Характер социально-экономического развития большинства периферийных приграничных районов двух стран в постсоветский период свидетельствует о значительных деструктивных изменениях в их экономической и социальной сферах.

Так, в большинстве приграничных районов Смоленской области отсутствие работы и возможности получения профессионального образования способствует миграции молодежи после окончания школы за пределы районов проживания. В настоящее время ни в одном из семи приграничных районов нет государственных учебных заведений среднего профессионального образования. В 2010 г. даже в самом «благополучном» приграничном районе Смоленской области – Руднянском средняя начисленная заработная плата составила только 70,2% к среднеобластному показателю, в большинстве других приграничных районов она составляет 55–60% от областного уровня.

Проблем в демографическом, социально-экономическом и экологическом развитии регионов российско-белорусского приграничья предостаточно. Гомельская, Брянская и Могилёвская области – регионы, наиболее пострадавшие от радиоактивного загрязнения после катастрофы на Чернобыльской АЭС в 1986 г. Несмотря на выраженную пространственную экономическую асимметрию российско-белорусского приграничья, здесь продолжается формирование трансграничного региона. Свидетельством этого являются масштабы внешней торговли шести областей российско-белорусского приграничья (табл. 5)

Взаимный оборот торговли товарами шести регионов российско-белорусского приграничья в 2012 г. превысил 1230 млн. долл. (5% общего товарооборота и 8,5% всего российско-белорусского товарооборота регионов приграничья), из него на торговлю товарами трёх белорусских областей приграничья с Брянской областью пришлось 585 млн. долл., со Смоленской – 550 млн. долл., с Псковской областью – 95 млн. долл. Среднедушевой товарооборот российских приграничных регионов с белорусскими приграничными регионами в 2012 г. составил 425,6 долл. Из российских регионов наиболее вовлечена в приграничную торговлю Смоленская область (товарооборот торговли с белорусскими приграничными регионами на душу населения) – 564 долл., Брянская область – 446 долл., Псковская область – 145,4 долл.

Три белорусских области в 2012 г. экспортировали товаров в три области российского приграничья на сумму 851 млн. долл., а импортировали на 380 млн. долл. Отрицательное сальдо во взаимной торговле товарами сложилось для российских регионов в сумме 470 млн. долл.

Шесть областей российско-белорусского приграничья формируют две наиболее интегрированные группы областей. Первая группа объединяет Витебскую, Могилёвскую и Смоленскую области. Для Витебской и Могилёвской областей главный торговый партнёр в российской части приграничья – Смоленская область.

Вторая тесно взаимодействующая друг с другом группа образована Гомельской и Брянской областями. Обе области имеют тесные внешнеэкономические связи с Черниговской областью Украины.

Псковская область – российский регион, наименее интегрированный в основные потоки трансграничной торговли. Наиболее тесные экономические связи у Псковской области из белорусских регионов сложились с Витебской областью, на которую приходится

Таблица 5

Рейтинг российских регионов приграничья в товарообороте внешней торговли регионов России с Витебской, Могилёвской и Гомельской областями в 2012 г., по данным Национального статистического комитета Республики Беларусь

Приграничные области Белоруссии	Рейтинг приграничных областей России		
	Псковская область	Смоленская область	Брянская область
Витебская область	13	4	23
Могилёвская область	33	3	8
Гомельская область	22	8	4
Все регионы белорусского приграничья	20	7	5

почти 50% товарооборота Псковской области с приграничными регионами Белоруссии.

Поскольку основной объём торговли между двумя странами в приграничье осуществляется через крупнейшие городские центры, то главными фокусами приграничной торговли являются города Смоленск, Гомель, Брянск, Витебск, Могилёв, тандем городов Полоцк-Новополоцк, Орша, Великие Луки, Псков.

Ведущая роль Смоленска в торговле с Белоруссией предопределена исторически его географическим положением в непосредственной близости от крупных городских центров Белоруссии: Витебска, Могилёва и Орши. Треугольник с вершинами Витебск–Могилёв–Смоленск – основное ядро формирующегося трансграничного российско-белорусского региона.

Анализ демографического, экистического, социального и экономического развития приграничных регионов России и Белоруссии позволяет сделать вывод о наличии серьёзных проблем по обе стороны государственной границы. Однако, несмотря на все проблемы и асимметричность территориальной структуры хозяйства, расселения, природопользования, институциональной среды для развития рыночной экономики, идёт трудное становление трансграничного российско-белорусского региона, единство которого обусловлено не только современными социально-экономическими и культурными связями областей приграничья, но предопределено его историческим прошлым и географическим настоящим. Сегодня процесс формирования трансграничного российско-белорусского региона – закономерное явление самоорганизации регионов приграничья двух стран, но образование трансграничного региона может быть активизировано.

Будущее российско-белорусского приграничья в значительной степени зависит от политических решений, принимаемых в Москве и Минске. Для сохранения особой среды российско-белорусского приграничья необходима согласованная региональная политика соседних стран. Подобная политика должна учитывать в равной степени территориальные интересы как России и Белоруссии, так и регионов, сельских территорий, отдельных поселений приграничья. Конечной её целью может стать формирование особого трансграничного региона, модельного для организации трансграничного сотрудничества на границах государств будущего Евразийского Экономического Союза.

Библиографический список

1. Беларусь и Россия. 2011.: Стат. сб. – М.: Росстат, 2011. – 190 с.
2. Инвестиции и строительство в Республике Беларусь. Стат. сборник. – Минск, 2012. – 217 с.
3. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. Стат. сб. – М.: Росстат, 2012
4. Катровский А.П., Ридевский Г.В. Российско-белорусское приграничье как объект научных исследований // Российско-белорусское приграничье: двадцать лет перемен (монография) / Под ред. А.П.Катровского и Ю.П. Ковалёва. – Смоленск: Универсум, 2012. – С. 14–27.
5. Республика Беларусь: Карта автомобильных дорог. Минск: Государственный комитет по имуществу Республики Беларусь, РУП «Белкартография», 2012.
6. Регионы Республики Беларусь. 2013.: Стат. сб. Т.1. – Минск, 2013. – 739 с.
7. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2012.: Стат. сб. – М.: Росстат, 2012.
8. Ридевский Г.В. Экономический потенциал, уровень социально-экономического развития и денежные доходы населения приграничных регионов России и Беларуси // Менталитет славян и интеграционные процессы: история, современность, перспективы. – Гомель, 2013. – С. 72–74.
9. Шадраков А.В. Экономико-географическая оценка факторов конкурентоспособности трансграничного региона (на примере белорусско-российского пограничья). Автореф. дисс. ... канд. геогр. наук. – Минск, 2012. – 21 с.

Яськова Т.И. (Смоленск)

ТИПОЛОГИЯ РАЙОНОВ СМОЛЕНСКОЙ ОБЛАСТИ ПО ПОЛОЖЕНИЮ В СИСТЕМЕ ПРОСТРАНСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ «СТОЛИЦА – ПРИСТОЛИЧНЫЙ РЕГИОН»

Yaskova T. I.

TYPOLOGY OF THE SMOLENSK REGIONS LOCATION IN THE INTERCONNECTION SYSTEM «CAPITAL – NEAR-CAPITAL REGION»

Аннотация. *В статье рассматривается положение районов Смоленской области в системе отношений «столица – пристоличный регион». Предложена типология районов Смоленской области в зависимости от факторов пристоличности и периферийности. Выделены три типа районов: стабильная (традиционная) полупериферия, перспективная периферия и глубокая (крайняя) периферия. Для каждого района выделены функции пристоличной территории и рассмотрена их возможная хозяйственная специализация.*

Abstract. *The article discusses position of the Smolensk regions in the interconnection system "capital – near-capital region". The article proposes to consider typology of the Smolensk regions depending on factors of near-capital and periphery location. Three types of regions defined: stable (traditional) semi-periphery, perspective periphery and deep (extreme) periphery. Near-capital functions are characterized for every region as well as their possible economic specialization.*

Ключевые слова: *пристоличный регион, периферия, районы Смоленской области, типология, стабильная (традиционная) полупериферия, перспективная периферия, глубокая (крайняя) периферия, функции пристоличной территории, социально-экономическое развитие.*

Keywords: *near capital region, periphery, Smolensk regions, typology, stable (traditional) semi-periphery, perspective periphery, deep (extreme) periphery, functions of near-capital territory, social-economic development.*

Столица и пристоличный регион, под которым в исследовании понимается Смоленская область, взаимодействуют между собой в рамках хорошо известной модели пространственных отношений «центр – периферия». В зависимости от территориального масштаба исследования связей столицы и пристоличного региона меняется место последнего в цепочке взаимоотношений «центр – полупериферия – периферия». На макроуровне, уровне страны, пристоличный регион выступает в качестве полупериферии. На мезоуровне, уровне взаимодействия отдельных субъектов федерации – Москвы, Московской и Смоленской областей, речь идет о пристоличном регионе как о периферии, которая хотя и соседствует со столичным регионом, представляет собой противоположность ему. Она сосуществует с ним по причине социально-экономической и структурной зависимости и дополняет влияние главного центра (столицы) на места наличием своего местного центра, влияние которого не выходит за рамки этого региона. Под полупериферией в данном случае понимается столичный регион. На уровне взаимодействия с Центром отдельных административно-территориальных единиц объекта исследования, то есть на микроуровне, нами выделяются территории, характеризующиеся свойствами полупериферии, а также несущие признаки периферии. Периферия музоуровня, таким образом, расчленяется на микроуровне на две составляющие – полупериферию и собственно периферию.

Учитывая положение в системе «столица – пристоличный регион», которое складывается под влиянием факторов пристоличности и периферийности, районы Смоленской области могут быть типологизированы. Прежде чем перейти к типологии, потребовалось показать графически взаимосвязь деятельности московского капитала, географического положения районов по отношению к Московскому столичному региону и уровня их социально-экономического развития. Для этого уровень социально-экономического развития административно-территориальных единиц Смоленской области оценили при помощи непараметрического метода многомерного анализа – метода суммы мест. Этот метод отличается простотой, вместе с тем полученные в результате его использования оценки адекватно отражают изучаемые явления и дают объективную информацию об исследуемом объекте.

Для характеристики уровня социально-экономического развития районов были использованы следующие показатели (табл. 1):

Таблица 1

Показатели уровня социально-экономического развития административно-территориальных единиц Смоленской области (2011 г.)

Административно-территориальные единицы	X1	X2	X3	X4	X5	X6	X7	X8	X9	X10
Смоленск	329944	53037,6	275,7	27847	19899	39117	82,6	11871,7	6933439	4402,8
Десногорск	29420	26860,8	34,1	332	31386	14376	80,4	7940,8	251921	804,7
районы										
Велижский	11888	[1]	310,5	207	10263	1566	70,4	46,3	34469	[1]
Вяземский	79713	14982,9	1049,8	1632	17024	10888	64,9	1052,0	291641	767,0
Гагаринский	48037	9400,2	926,8	631	16729	2701	65,8	1631,9	331111	70,2
Глинковский	4773	2,5	169,3	[1]	10690	851	64,7	251,3	13810	[2]
Демидовский	13488	270	358,3	126	9896	4626	68,8	89,0	10257	[2]
Дорогобужский	28528	17147,7	297,6	12	17263	9799	74,6	479,7	7177899	277,5
Духовщинский	16143	3076,8	264,7	247	14386	3642	62,5	1233,8	20847	[2]
Ельнинский	14710	21,5	272,6	151	10660	2444	55,0	25,3	10150	[2]
Ершичский	6954	3,4	205,1	94	9766	1318	71,4	464,2	109833	[1]
Кардымовский	12070	49,1	193,5	[1]	10750	4746	80,0	439,4	88793	2,5
Краснинский	12696	[1]	403,5	788	9988	1602	74,0	368,9	63586	[1]
Монастырщинский	10264	[1]	661,7	253	10302	1851	77,4	49,7	46513	[2]
Новодугинский	10228	11,1	374,4	277	11841	969	76,5	165,4	79517	[2]
Починковский	30425	160,2	1126,3	426	11627	1256	65,2	2071,1	80880	[2]
Рославльский	74709	10334,6	919,4	377	13663	8015	80,1	1085,6	459565	156,5
Руднянский	24764	2358,9	640,4	157	10780	3024	87,9	142,7	183173	[2]
Сафоновский	60522	7629,7	761,1	617	15125	6926	73,8	1008,9	316534	[2]
Смоленский	47428	400,4	1514,1	974	12455	796	76,5	655,1	378556	826,1
Сычевский	13810	818,2	502,4	106	12086	1752	74,3	1148,7	118763	[2]
Темкинский	6221	[1]	172	[1]	10716	454	71,4	55,1	18484	[1]
Угранский	8677	[1]	186,7	[1]	9706	427	66,7	28,2	7330	[2]
Хиславичский	8740	[1]	559,1	[1]	9774	1903	71,4	58,9	28216	[2]
Холм-Жирковский	10369	14,6	286,5	164	14696	2543	65,5	808,9	97316	[2]
Шумячский	10342	[1]	401,7	297	10120	3416	75,7	39,7	25182	[2]
Ярцевский	55619	7184,2	397,7	148	13531	6513	72,2	951,7	319280	260,2

[1] Вид деятельности не осуществлялся или данные отсутствуют.

[2] Данные не публикуются в целях обеспечения конфиденциальности первичных статистических данных, полученных от организаций, в соответствии с Федеральным законом от 29.11.2007г. № 282-ФЗ «Об официальном статистическом учете и системе государственной статистики в Российской Федерации» (ст.4, п.5; ст.9, п.1).

Составлено автором по: [1; 2].

X1 – численность постоянного населения, чел.;

X2 – объем промышленной продукции, млн. руб.;

X3 – объем сельскохозяйственной продукции, млн. руб.;

X4 – оборот розничной торговли, млн. руб.;

X5 – среднемесячная начисленная номинальная заработная плата, руб.;

X6 – объем платных услуг на душу населения, руб.;

X7 – удельный вес прибыльных организаций, %;

X8 – инвестиции в основной капитал, млн. руб.;

X9 – сумма прибыли организаций, тыс. руб.;

X10 – объем работ, выполненных по виду экономической деятельности «строительство», млн. руб.

Метод суммы мест предполагает предварительное ранжирование всех регионов по каждому показателю, характеризующему моделируемое явление. При этом первые места присваиваются наилучшим их значениям. Вычислив суммы мест по всем рассматриваемым показателям, представляется возможным установить ранги районов по уровню их социально-экономического развития (табл. 2).

Вид деятельности не осуществлялся или данные отсутствуют.

Данные не публикуются в целях обеспечения конфиденциальности первичных статистических данных, полученных от организаций, в соответствии с Федеральным законом от 29.11.2007 г. № 282-ФЗ «Об официальном статистическом учете и системе государственной статистики в Российской Федерации» (ст. 4, п. 5; ст. 9, п.1).

Таблица 2

Расчет интегральной оценки уровня социально-экономического развития административно-территориальных единиц Смоленской области методом суммы мест

Административно-территориальные единицы	Места административно-территориальных единиц по показателям										Сумма мест	Ранг
	X1	X2	X3	X4	X5	X6	X7	X8	X9	X10		
Смоленск	1	1	19	1	2	1	2	1	2	1	31	1
Десногорск	9	2	27	9	1	2	3	2	9	2	66	4
районы												
Велижский	18	21	16	14	21	20	18	24	19	10	181	21
Вяземский	2	4	3	2	4	3	24	8	8	4	62	3
Гагаринский	6	6	4	5	5	13	21	4	5	8	77	6
Глинковский	27	20	26	23	18	24	25	17	24	10	214	26
Демидовский	15	13	15	19	24	9	19	20	25	10	169	20
Дорогобужский	10	3	17	22	3	4	10	13	1	5	88	8
Духовщинский	12	9	21	13	8	10	26	5	22	10	136	13
Ельнинский	13	16	20	17	19	15	27	27	26	10	190	24
Ершичский	25	19	22	21	26	21	15	14	12	10	185	22
Кардымовский	17	15	23	23	16	8	5	15	14	9	145	14
Краснинский	16	21	11	4	23	19	12	16	17	10	149	16
Монастырщинский	21	21	7	12	20	17	6	23	18	10	155	18
Новодугинский	22	18	14	11	13	23	7	18	16	10	152	17
Починковский	8	14	2	7	14	22	23	3	15	10	118	11
Рославльский	3	5	5	8	9	5	4	7	3	7	56	2
Руднянский	11	10	8	16	15	12	1	19	10	10	112	10
Сафоновский	4	7	6	6	6	6	13	9	7	10	74	5
Смоленский	7	12	1	3	11	25	8	12	4	3	86	7
Сычевский	14	11	10	20	12	18	11	6	11	10	123	12
Темкинский	26	21	25	23	17	26	16	22	23	10	209	25
Угранский	24	21	24	23	27	27	20	26	27	10	229	27
Хиславичский	23	21	9	23	25	16	17	21	20	10	185	23
Холм-Жирковский	19	17	18	15	7	14	22	11	13	10	146	15
Шумячский	20	21	12	10	22	11	9	25	21	10	161	19
Ярцевский	5	8	13	18	10	7	14	11	6	6	98	9

Составлено автором.

Таблица 3

Взаимосвязь пристоличного положения Смоленской области и уровня социально-экономического развития ее административно-территориальных единиц

Административно-территориальные единицы	Ранг	Положение на «московской» оси развития	Вхождение в 300-километровую зону влияния столичной агломерации	Наличие крупных и средних предприятий столичной корпоративной собственности	Реализуемые или перспективные инвестиционные проекты с участием Москвы
Смоленск	1	+	-	+	+
Рославльский	2	+	-	+	+
Вяземский	3	+	+	+	+
Десногорск	4	+	-	+	+
Сафоновский	5	+	+	+	+
Гагаринский	6	+	+	+	+
Смоленский	7	+	-	+	+
Дорогобужский	8	-	+	-	-
Ярцевский	9	+	+	+	+
Руднянский	10	+	-	+	-
Починковский	11	-	-	+	-
Сычевский	12	-	+	+	+
Духовщинский	13	-	-	+	-
Кардымовский	14	+	-	+	+
Холм-Жирковский	15	-	+	+	+
Краснинский	16	+	-	-	-
Новодугинский	17	-	+	+	+
Монастырщинский	18	-	-	-	-
Шумячский	19	+	-	-	-
Демидовский	20	-	-	+	-
Велижский	21	-	-	-	-
Ершичский	22	-	-	-	-
Хиславичский	23	-	-	-	-
Ельнинский	24	-	+	-	-
Темкинский	25	-	+	-	-
Глинковский	26	-	-	+	+
Угранский	27	-	+	-	-

Составлено автором.

Исходя из ранжирования единиц административно-территориального деления области, следует, что основной социально-экономической потенциал Смоленщины, помимо областного центра, выполняющего для региона центральные функции, приурочен к «московским» осям. Районы и города областного подчинения, занимающие верхние строчки ранжированного ряда, имеют на своей территории крупные предприятия столичной собственности, реализуют инвестиционные проекты или имеют перспективы стать инвестиционными площадками для московских инвесторов (табл. 3).

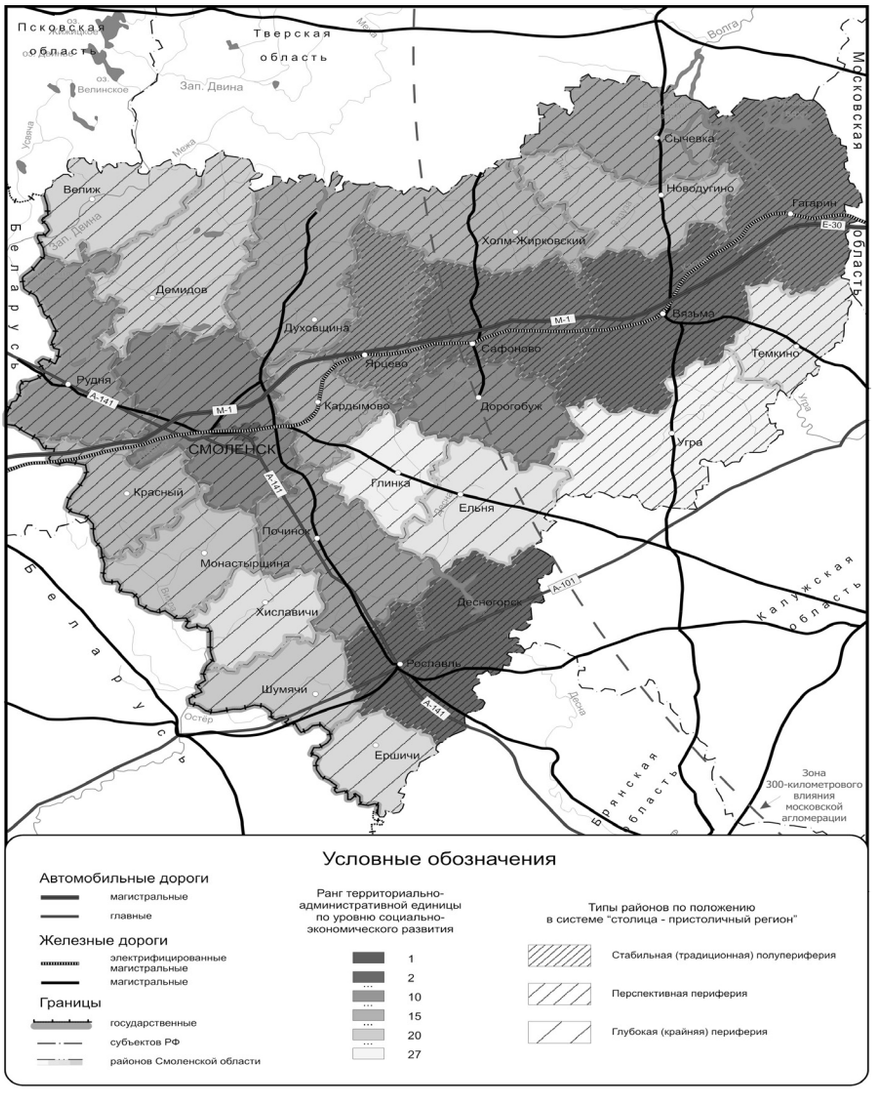
Связь занимаемого административно-территориальными единицами места в ранжированном ряду социально-экономического развития, положения районов области на «московских» осях развития, а также интереса, проявляемого к ним столичными инвесторами, мы склонны воспринимать как проявление фактора пристоличности, нарастающего при продвижении от нижних строк ранжированного ряда к верхним. Противоположность ему – фактор периферийности, определяет многие отрицательные явления и процессы, протекающие в районах области, и, как следствие, положение в нижней части таблицы. Оценка степени влияния данных факторов позволила разделить административно-территориальные единицы Смоленской области на две группы: стабильную (традиционную) полупериферию и периферию. Последняя, в свою очередь, разделяется на подгруппы: глубокую (крайнюю) периферию и перспективную периферию (табл. 4, рис. 1).

Таблица 4.

Типология районов Смоленской области по положению в системе пространственных отношений «столица – пристоличный регион»

Стабильная (традиционная) полупериферия	Периферия	
	Перспективная	Глубокая (крайняя)
г. Смоленск г. Десногорск Рославльский Вяземский Гагаринский Сафоновский Ярцевский	Угранский Темкинский Демидовский Новодугинский Кардымовский Краснинский Холм-Жирковский Духовщинский Сычевский Починковский Руднянский Смоленский Дорогобужский	Глинковский Ельнинский Ершичский Хиславичский Велижский Шумячский Монастырщинский

Составлено автором.



Составлено автором.

Рис. 1. Типология районов Смоленской области по положению в системе пространственных отношений «столица-пристоличный регион», 2011 г.

1. Стабильная (традиционная) полупериферия. Первую группу составили районы и города областного подчинения, заметно выделяющиеся по важнейшим социально-экономическим показателям на фоне других районов области. На их долю приходится 69% населения области. Они традиционно имеют со столичным регионом тесные взаимоотношения, проявляющиеся стабильно высоким миграционным оттоком в столичный регион (или значительными маятниковыми миграциями), наличием градо- и системообразующих предприятий крупного и среднего бизнеса, управляемых из Москвы, размещением крупных инвестиционных проектов, которые есть суть «трансляции достижений», в системе «центр – периферия» наделены признаками полупериферии.

- Город Смоленск – политический и экономический центр области, в сложившейся иерархии центральных мест региона первым получает «импульс развития», исходящий из Центра. Отличается наибольшим количеством и отраслевым разнообразием предприятий столичной корпоративной собственности. На долю Смоленска приходится 9% планируемых и 12% реализуемых (без учета Десногорска) в 2011–2013 гг. инвестиционных вливаний столичного капитала. В непосредственной близости от Смоленска проходит важнейшая для развития региона в целом автомагистраль М1, железнодорожные пути, соединяющие Москву со странами Европы. Смоленск традиционно лидирует по показателям миграционного обмена с МСР, при этом режим «промывной» или «замещающей» миграции проявляется в нем наиболее ярко.
- Вяземский район – второй в области по численности населения. Фактор пристоличности проявляется здесь в полной мере. Выдвинутая к Москве (расстояние 210 км), по аналогии с центрами других пристоличных областей (за исключением Ярославской), Вязьма выглядит наиболее предпочтительной в качестве центра Смоленской области. В XVII в. Вязьма являлась крупнейшим городом смоленских земель, входивших в Московское государство, что, во многом, определило дальнейшую промосковскую ориентацию восточных земель Смоленщины. Автомагистраль М1 и железная дорога «Москва-Брест» определяют транзитно-транспортную функцию района, наличие предприятий московской корпоративной собственности и инвестиционных проектов – функцию периферии промышленно-развитого района. Обладая инвестиционным портфелем порядка 30 млн. руб. на 2011–2013 гг., Вяземский район остается востребованным столичным капиталом не в полной мере. Возможно, этому способствует второй по величине в области миграционный отток в Москву, а также значительные маятниковые миграции трудоспособного населения.
- Рославльский район также имеет прямые транспортные выходы на столичный регион посредством автомагистрали «Москва – Варшава», пересекающей прежде Калужскую область. Перспективы Москвы расширить свои административные границы до границ Калужской области, делают возможным считать по принятому нами определению Рославльский, Ельнинский и Угранский районы Смоленской области пристоличными I порядка. Это будет способствовать расширению и углублению выполняемых территорией функций.
- Гагаринский район является пристоличным районом I порядка. Фактор пристоличности выводит на первый план функцию донора трудовых ресурсов. Район лидирует по объему маятниковой трудовой миграции в Московский столичный регион, а также по показателю доли выбывших на постоянное место жительства в столичный регион (68%) среди выбывших за пределы Смоленской области. Близость к Москве, экологическая составляющая, наличие сформировавшегося туристского бренда – наделяют Гагаринский район неоспоримыми преимуществами перед другими районами в распределении инвестиционных средств. Инвестиционный портфель района на ближайшие несколько лет

превышает 5 млрд. руб. Ввиду транзитности и близости Москвы, район имеет хорошие перспективы строительства логистических терминалов и центров. Близость Москвы определяет рекреационную функцию территории. Функция периферии промышленно-развитого района проявляется в большей мере обеспечением продовольственной безопасности столицы, чем развитием высокотехнологичных производств, хотя на территории района действуют крупные машиностроительные предприятия, управляемые из Москвы.

- На главной планировочной оси области располагается четвертый по величине – Сафоновский район. Мощный индустриальный толчок середины XX в. определил выполнение функции периферии промышленно-развитого района. Однако предприятия столичного капитала в силу разных причин переживают серьезный спад. Обладая инвестиционными площадками и ресурсной базой, район мог бы усилить свои позиции, прояви столичные инвесторы интерес к развитию инновационных производств. Тем временем 51% выезжающих из района за пределы области переселяются в МСР.
- Ярцевский район имеет все шансы ощутить преимущества пристоличной территории, вследствие развития филиальной сети столичных производств, крупнейшие из которых – ГУП г. Москвы – «ЛПЗ» и ОАО «Ярцевский ХБК», – во многом определяют социальную среду города Ярцево. Значительная по сравнению с Гагаринским и Вяземским районами удаленность Москвы не позволяет развиться маятниковой миграции в столичный регион, вследствие чего район находится под пристальным вниманием столичных инвесторов. Положение на главных магистралях области приносит свою положительную ренту в виде развития притрассового сервиса.
- Город Десногорск интересен главным образом как место расположения одной из крупнейших в ЦФО АЭС. За счет этого город несколько десятилетий держится в лидерах по важнейшим социальным и экономическим показателям в области.

2. Перспективная периферия в наибольшей степени дифференцирована. Проявление интереса столичного капитала незначительно и не повсеместно. Представляет собою группу районов Смоленской области, где фактор периферийности проявляется в большей степени, чем фактор пристоличности, использование в перспективе пристоличного положения будет способствовать повышению уровня социально-экономического развития районов в случае специализации каждого из них на выполнении конкретной функции.

В функциональном ряду данную группу районов объединяет функция донора трудовых ресурсов, дифференцирует – действующая и потенциальная специализация на рекреационной функции (Темкинский, Угранский, Демидовский, Кардымовский районы), на выполнении функции транзита (Руднянский, Краснинский районы), функции периферии промышленно-развитого района, в частности, а) на обеспечении продовольственной безопасности столицы (Починковский, Смоленский, Новодугинский, Духовщинский районы), б) на развитии обрабатывающих производств (Холм-Жирковский, Дорогобужский, Сычевский районы).

- Темкинский район является соседом I порядка для МСР, несмотря на это выгоды пристоличного положения используются не значительно из-за отсутствия прямого транспортного сообщения с Москвой. Район находится вне основной сети внутриобластных связей, по сути, являясь тупиковым. Основной является железнодорожная связь с Вязьмой. Вследствие территориальной близости к Москве, при должном уровне развития транспортного сообщения, район мог усилить рекреационную функцию, сосредоточившись на организации природно-экологического туризма и отдыха. Миграционные показатели 2011 г. говорят о возросшей роли района как зоны переселения москвичей нетрудоспособного возраста: 49% прибывших в район из-за пределов Смоленской области – бывшие жители столичного региона.
- Угранский район – сосед II порядка по отношению к столичному региону,

также как и Темкинский район является периферийным, находится вне основной сети внутриобластных связей, не имеет прямого транспортного сообщения с Москвой. С точки зрения использования пристоличного положения район в наибольшей степени перспективен для развития природно-экологического отдыха и исторического туризма на базе природного парка «Угранский» в бассейне р. Угра. По показателям доли прибывших в 2011 г. из столичного региона район занимает второе место (36% среди прибывших из-за пределов области).

- Демидовский район находится в стороне от главной транспортной оси области «Москва – Минск», что усиливает периферийность. Видимый эффект пристоличного положения области способна создать специализация на выполнении рекреационной функции. В пользу этой точки зрения говорит наличие на территории района национального парка и недавнее приобретение компанией – столичным резидентом главной областной здравницы – санатория им. Н.М. Пржевальского [3].
- Кардымовский район, благодаря выгодному транспортно-географическому положению (проходит автомагистраль М1 и электрифицированная железная дорога из Москвы в страны Европы), соседству со Смоленским районом, а также грамотной политике местного руководства, имеет все шансы развития территории путем специализации на транзитно-транспортной (строительство логистических терминалов) и рекреационной (природно-экологический, исторический, событийный туризм) функций пристоличной территории. Специализация на выполнении функции периферии промышленно-развитого района вероятна в меньшей степени, но, в случае привлечения квалифицированных трудовых ресурсов извне, также имеет шансы быть.
- Руднянский район относится к группе приграничных с Беларусью районов. Фактор пристоличности проявляется в развитии района опосредованно – через использование выгод транзитно-транспортного положения, – непосредственно – через выполнение функции периферии промышленно-развитого района (ведущее предприятие района – молочно-консервный комбинат – управляется из Москвы). Перспективы роста социально-экономических показателей в большей степени вероятны в результате специализации на выполнении функции транзита.
- Краснинский район – главные западные экспортно-импортные ворота автоперевозок не только Смоленской области, но и России в целом. Основная часть грузов, проходящих через район, оседает в Москве. Это определяет специализацию Краснинского района на транзитно-транспортной функции.
- Смоленский район – выглядит наиболее предпочтительно для использования фактора пристоличности среди районов обозначенной группы, являясь лидером в области по объему произведенной сельскохозяйственной продукции, занимая третье место по обороту розничной торговли и объему работ, выполненных по виду деятельности «строительство», четвертое место по сумме прибыли организаций и седьмое место по численности населения. Перечисленные показатели, а также положение на главной транспортной магистрали области, могли бы способствовать отнесению Смоленского района к полупериферии, однако отсутствие крупных промышленных предприятий, не соответствующее потенциалу развитие сферы услуг и весьма скромные сопутствующие показатели не позволили нам этого сделать. Специализация на обеспечении продовольственной безопасности столицы могла бы дать положительный эффект в использовании пристоличного положения. Целесообразно также использование территории для строительства логистических центров.
- Починковский район занимает второе место в области по объемам производимой сельскохозяйственной продукции, третье место по инвестициям в основной капитал, восьмое место в

области по численности населения. На фоне отсутствия крупных промышленных объектов, наличия объектов туризма, значимых в масштабах области, но не позволяющих говорить о туризме как отрасли специализации района, перечисленные показатели дают возможность выделить функцию обеспечения продовольственной безопасности столицы как ведущую в использовании фактора пристоличности. Наличие двух крупных агропредприятий столичной собственности свидетельствуют в поддержку этой точки зрения.

- Духовщинский район Смоленской области удален от транспортных магистралей, связывающих с Москвой; интересен главным образом локализацией Смоленской ГРЭС, имеющей столичную корпоративную принадлежность. Во многом благодаря этому район занял в 2011 г. пятое место в области по показателю инвестиций в основной капитал. Однако дорогая электроэнергия, производимая из углей и газа, не способствует развитию функции периферии промышленно-развитого района. Численность занятых в сельском хозяйстве, превосходящая численность занятых в обрабатывающем производстве в четыре раза, указывает на приоритет функции обеспечения продовольственной безопасности столицы как потенциально-ведущей пристоличной функции данной территории.
- Новодугинский район, входящий в 300-километровую зону влияния столичной агломерации, но удаленный от главной автомагистрали области, подвержен в большей степени воздействию фактора периферийности, нежели пристоличности, о чем свидетельствуют довольно скромные показатели социально-экономического развития. Планируемые масштабные инвестиции столичного капитала в агропромышленный комплекс района, позволяют выдвинуть функцию обеспечения продовольственной безопасности столицы на первый план в использовании пристоличного положения.
- Дорогобужский район – центр химической индустрии области. По причине неблагополучной экологической ситуации развитие сельского хозяйства и рекреационной функции затруднено (за исключением событийного туризма). Наиболее перспективной в плане использования пристоличного положения является функция периферии промышленно-развитого района, но в настоящее время столичный капитал не проявляет к району должного интереса.
- Холм-Жирковский район в новейшее время принял на себя роль центра деревообработки области, о чем свидетельствует реализуемый инвестиционный проект с участием столичного капитала стоимостью более 7 млрд. руб. Близость основного рынка сбыта создает все условия для успешного выполнения функции периферии промышленно-развитого района.
- Сычевский район принял на себя выносимые из столичной агломерации функции промышленного производства в 50-е гг. XX в. и продолжает выполнять их в настоящее время, выводя на первый план в использовании фактора пристоличности. Растущие объемы производства сельскохозяйственной продукции, лишь немного уступающие объемам промышленного производства, делают перспективным обеспечение продовольственной безопасности столицы в качестве фактора роста социально-экономических показателей территории.

3. К группе ***глубокой (крайней) периферии*****,** согласно проведенному анализу, были отнесены районы нижней части составленного ранжированного ряда – это: Глинковский, Ельнинский, Ершичский, Хиславичский, Велижский, Шумячский, Монастырщинский районы. Фактор пристоличности практически не оказывает влияние на их социально-экономическое развитие, достижения Центра затухают, не достигнув их границ. Для данной группы районов характерны негативные демографические процессы, низкий уровень промышленного и сельскохозяйственного производства, низкий объем розничного товарооборота и платных услуг населению, минимальный объем

инвестиций или их отсутствие. Интересно отметить, что, за исключением Глинковского и Ельнинского районов, все районы данной группы относятся к приграничным с Беларусью. Во многом благодаря этому, для данной группы районов свойственны достаточно низкие показатели доли выбывших в столичный регион. В долгосрочной перспективе, при грамотной организации инвестиционных предложении, все же возможно предположить выполнение районами данной группы функций пристоличной территории. Для Монастырщинского, Хиславичского и Глинковского районов такой функцией могла бы стать функция обеспечения продовольственной безопасности столицы, для Шумячского – транзитно-транспортная функция.

Приведенная выше типология районов Смоленской области впервые позволила группировать административно-территориальные единицы региона по признаку комплексного влияния столицы, которое определено нами как фактор пристоличности. Исходящая из пристоличного положения хозяйственная специализация районов носит рекомендательный характер и может быть использована в рамках стратегии долгосрочного планирования развития территории.

Библиографический список

1. Основные показатели социально-экономического развития районов и городов Смоленской области за 2012 год. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://econ.admin-smolensk.ru/deyatelnost/socialno-ekonomicheskoe_razvitie/monitoring_i_analiz_socialno-ekonomicheskogo_razvitiya/[12.06.12].
2. Социально-экономические показатели развития городов и районов Смоленской области. Статистический сборник. – Смоленск, 2012. – 165 с.
3. Степанов, К. Второе рождения «Санатория имени Пржевальского» [Электронный ресурс] / Кирилл Степанов. – Электрон. ст. – Режим доступа к ст. http://www.rabochy-put.ru/news/18489-vtoroe-rozhdenie-sanatorija-imeni-przhevalskogo.html [19.06.13]

ПРИГЛАШЕНИЕ К ДИСКУССИИ

Скалон А.В. (Смоленск)

ПРОБЛЕМЫ И РИСКИ РАЗВИТИЯ РОССИИ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

Skalon A.V.

CHALLENGES AND RISKS OF RUSSIA IN TERMS OF HIGHER EDUCATION

Аннотация. *Проблемы, с которыми столкнулась Россия в развитии высшей школы, имеют одним из базовых оснований дефицит социального опыта, который частично можно компенсировать. Высшее образование является важнейшим компенсаторным механизмом потерь XX столетия, когда из развития страны были исключены целые слои населения. Но такая задача налагает на систему образования особые требования, не умещающиеся в прокрустово ложе «болонского процесса». Модернизацию страны необходимо начинать с высшей школы, вернув в нее фундаментальную науку, создавая классические университеты, что пока не получается.*

Abstract. *Russia has faced the problems, which, from the higher school point of view, are grounded upon a social memory deficit that can be partly compensated. Higher education is a major compensatory mechanism for damages of XX century, when the entire levels of population were excluded from the development. However, such task imposes special requirements that do not fit in the Procrustean bed of the 'Bologna process'. It is essential to start modernization of the country from the higher school, returning fundamental sciences and creating classical universities. This has not worked out yet.*

Ключевые слова: *Россия, высшая школа, Академия наук, фундаментальная наука, управление наукой, дефицит и деформации социальной памяти, модернизация, когнитивная наука, экологические риски.*

Key words: *Russia, high school, university, Academy of Science, fundamental science, science management, deficit and deformation of social memory, modernization, cognitive science, ecological risks.*

Пореформенная Россия уже достаточно давно не испытывает прямой военной угрозы. Ее место заняла скрытая и явная «ресурсная» война, но это «сражение» идет в течение всей человеческой истории. Пока, и это давно не новость, Россия проигрывает. Эта тема обсуждается политиками, звучит с трибун крупных конференций, напрашиваются уже некоторые решения, разрабатываются основательные стратегии. Но есть совокупность проблем, довольно широко обсуждаемых, которые представляют серьезную опасность для страны, только вступающей в когнитивную эру в период «турбулентного состояния» (А. Гранберг) экономики. И эти проблемы не только далеки от решения, но предлагаемые пока пути решения создают проблемы еще большие, если не ведут к катастрофе.

Это проблемы вызванные дефицитом и грубыми искажениями социального опыта (далее: СО) под воздействием событий далеко не только XX в. Фокусом, ключевой точкой понимания этих проблем автор считает высшую школу (далее: ВШ), где они принимают выраженные и болезненные формы [1, 2, 3].

Высшая школа или университет?

Переходная экономика это не только момент перехода на новые пути развития, но и редкий шанс, в диагностических целях, оценить ранее пройденный путь. Большинство проблем нашей страны коренятся в особенностях пройденного ею пути, уходя в далекое прошлое. В первую очередь это проблемы институционального характера, бывшие предметом обсуждения в образованном обществе на протяжении всего XIX в. (упомянем только этапные имена тех, кто мыслил программно и системно: М.М. Сперанский, Б.Н. Чичерин, К.Н. Леонтьев, а в

естественных науках наследовали им Д.И. Менделеев и, ближайший к нам, В.И. Вернадский). Советский период не дал ученых, способных подхватить традицию системного взгляда на образование, свойственную нашей ВШ XIX в., а те, что пытались это сделать, либо не публиковались, либо исчезали. Власть явно и недвусмысленно боялась независимой и потому критической, нелицеприятной и непредсказуемой научной мысли, а появление в науке идеологически правильных «выдвиженцев», политизация науки и возникновение партийных карьерных лестниц в научном сообществе породили до сих пор неизжитые феномены, одним из которых являются Министерство образования и Академия наук, органы призванные управлять наукой в интересах государства. Следует задать вопрос: если система оказалась в катастрофически неэффективном состоянии, нет ли в том вины системы управления? Нужен серьезный исторический анализ причин и масштабов произошедшего (и уже есть такие попытки как со стороны историков, так и научного сообщества).

Но вот что примечательно: идея «централизации науки», а на деле – централизованного контроля над ней, принадлежит вовсе не большевикам, как можно слышать сегодня от сторонников реформы системы образования. Известно, что В.И. Вернадский вступил в резкий спор с ключевыми идеями (автором которых считают тогдашнего министра образования А.Н. Шварца) нового (подан в Думу в 1908 г.) законопроекта о высшем образовании. «Они пытаются превратить университеты в лицеи», – писал Вернадский, отзываясь на законопроект, замысел которого заключался в сосредоточении всей научной деятельности в Академии наук, а в высших учебных заведениях – только преподавания. В лицеях научная работа не ведется – пишет ученый. – Это значит сделать ученого-преподавателя рядовым учителем, работающим по спущенным из министерства планам и инструкциям. Суть университетской жизни – в общении ученого и студента, в искании научной истины. И потому помогающая этому процессу академическая свобода, пишет Вернадский, не пустой звук и не каприз независимой личности, а самая насущная необходимость [4].

Еще четче и гораздо более жестко и прямо высказался С.Ю. Витте: «…тот, кто сам не прошел курса в университете, не жил в университете, тот никогда не в состоянии правильно судить о потребностях университета, тот никогда не поймет, что означает «университетская наука», т. е. не поймет разницу между университетом и высшею школой» [5].

Здесь надо сделать особое и важное примечание: С.Ю. Витте и значительная часть современных ему отечественных ученых, специалистов, профессоров четко разделяла *высшую школу* и *университет*. Цитируем далее: «…разница между университетом и школою заключается в том, что университет живет свободной наукою. Если университет не живет свободной наукой, то в таком случае, он не достоин звания университета. Тогда, действительно, лучше уже обратить университет в школу, потому что школа все-таки тогда может давать деятелей с определенным запасом знаний, между тем как университет без свободной науки не даст людей ни с большими знаниями, ни с большим научным развитием» [6].

Смещение понимания *университета*, как ученого сообщества ориентированного на свободный поиск истины и образование, в сторону *школы, как профессионального сообщества ориентированного на передачу имеющегося знания с целью дисциплинирования и специализации молодого ума,* свидетельство патологического *недоверия власти* к результатам развития и применения критического разума, имеет смысл целиком политический, о чем осторожно писал Вернадский, адресуясь к перепуганным террором и первой русской революцией властям. Витте, со свойственной ему желчностью и с высоты своего положения, практически не обмолвился, прямо именуя инициаторов перевода университета в школу «теми, кто не прошел курса университета» – более чем прозрачный намек на глубокое невежество реформаторов (придворной камарильи, как выражался автор).

Не премину напомнить, что С.Ю. Витте называл своим учителем Д.И. Менделеева, точка зрения которого на роль Академии наук и университетов была сформулирована не менее четко. «…Петр основывал вовсе не академию в смысле академии парижской, а академию в смысле академии голландской,

то есть университет…». И далее: «Призванная к делу педагогическому, к несению обязанностей, она получила права, так сказать, в вознаграждение за обязанности, которые она должна была исполнять. Обязанности кончились, а привилегии остались и даже увеличены». Один из выводов Д.И. Менделеева звучит так: «Университеты и представляют такие учреждения, в России рассеянные, число которых, по всей вероятности, будет возрастать. Со временем университеты и будут теми местными академиями, каких желал Петр, основатель русской Академии…» [7]. Трудно не согласиться.

Как видим, спор давний, в очередной раз выигранный властью, которой нужна руководящая сила, планирующий, направляющий и контролирующий орган, но не научное (независимое, жестко и публично конкурентное) сообщество, привлеченное к продвижению и воспроизводству актуального научного знания. Научное знание далеко от ортодоксальности, критически нацелено на обнаружение и обнародование ошибок и заблуждений, вызывающе дискуссионно, независимо в своем стремлении к обнаружению истины. Это не могло нравиться ни имперскому истеблишменту, ни сугубо ортодоксальным иерархам и активистам любых конфессий, равно как не могло не внушать опасений пришедшим к власти идеологически озаренным, не менее ортодоксальным революционерам. Так или иначе, но власти стремились подчинять, ограничивать, направлять и управлять развитием знания и образования. Именно для этого создавались и приспосабливались структуры подобные Министерству образования, Госкомитету по науке и технике и Академии наук. В СССР существовала целая литература, посвященная *управлению наукой*.

Интересно отметить, что Петр I, закладывал Петербургскую Академию (носившую разные названия в разное время) в виде *научно-педагогического образования*, с особым вниманием к привлечению и внедрению новейшего научного знания *в среде юношества* тесно соединяя новейшее научное знание и просвещение/образование. После смерти М.В. Ломоносова университетская деятельность Академии стала угасать, хотя задачи высшего и среднего образования, а также научного просвещения продолжали оставаться в центре внимания Академии, но сама Академия начала обрастать управленческими функциями. Роль бюрократическая победила научную и педагогическую и вышла на первый план.

Постепенное разделение академической (фундаментальной) науки и ВШ и есть одна из самых болезненных ее проблем, начиная от тотального падения качества образования и заканчивая отдаленными эффектами в развитии страны. Налицо типичная ошибка плохого менеджмента – подменить эффективное (гибкое, адаптивное, но сложное, требовательное к компетенциям) управление и самоуправление централизованным (жестким, ригидным, зато нетребовательным к компетенциям управляющих) давлением. Одна из главных проблем неэффективного менеджмента – стремление избежать личной ответственности, когда на каждую проблему создается комиссия и вопрос или умирает сам собой, или забалтывается до утраты к нему интереса. Но, в точном соответствии с законом Паркинсона, комиссия не исчезает, а фиксируется и начинает сама искать себе работу и создавать проблемы, которые призвана «решать».

Нарастающая таким образом самодовлеющая сложность системы управления в принципе расходится со сложностью управляемой системы и решаемые ею проблемы столь же расходятся с реальными проблемами объекта управления. В попытке преодолеть нарастающее противоречие, высший эшелон власти неизбежно пытается «восстановить» управляемость (известная попытка создания «вертикали власти»). Это приводит к необходимости создания новых звеньев, структур, процедур, валовому росту отчетности, которую никто не в силах даже просто прочитать, не то чтобы осмыслить, и, в конечном итоге, новому витку роста численности и сложности аппарата управления. Усилия «управляющих» повысить «управляемость» – это не что иное как система с положительной обратной связью, что, пока не происходит катастрофа (кризис/катарсис), повышает издержки (*цену*) управления до неприемлемых величин. Система стагнирует и порождает многочисленные артефакты, одним из которых представляется повальное бегство дееспособных ученых из страны.

Потребность концентрации полномочий власти, до полного единоначалия, ведет, как

известно, к радикальному упрощению управляемой системы, а неизбежно нарастающая сложность общества вступает в болезненное противоречие с падающей эффективностью управляющего усилия. В конечном счете, кризис становится неизбежным. Его мы сейчас и наблюдаем.

Через высшую школу в будущее

Основным инструментом решения глубоких российских противоречий, если обойти стороной их институциональные и политические аспекты, как прерогативу власти, является ВШ. Она единственная сочетает освоение и генерацию новых знаний с формированием новых «действующих лиц», со временем образующих новое поколение лиц, принимающих решения (ЛПР), являющихся носителями новой парадигмы развития общества. Она же дает кадры для общеобразовательной школы, нуждающейся в модернизации не меньше, если не больше остальных образовательных учреждений. Только ВШ может служить площадкой для интенсивного взаимодействия гуманитарного и естественного знания в рамках междисциплинарных методологических схем и проектов, формировать носителей новых гипотез, очерчивать и структурировать конфликтные гносеологические области недоступные узко специализированному знанию, давать уникальные кадры экспертного сообщества. Можно представить себе ВШ как ведущего агента модернизации общества, но это будет только полуправдой. Необходима еще одна сторона процесса: производительные силы, стремящиеся освоить/капитализировать человеческие ресурсы и получить временный выигрыш (сверхприбыль). Но это будет реально только когда производители будут находиться в жесткой конкуренции за ресурсы, как сырьевые и энергетические, так и за человеческие.

В дальнейшем мы рассматриваем ВШ как совокупность университетской научной и педагогической функций, с теми современными ее особенностями, которые тесно связывают научное сообщество и бизнес. Вопрос о том, имеют ли право учебные заведения присваивать себе имя «университет» только потому, что сочетают гуманитарное и естественное образование, безотносительно к научной деятельности, выходит за рамки нашего обзора и, по нашему убеждению, решится автоматически, по мере элиминации неуспешных образовательных проектов и дифференциации вузов по конкурентоспособности.

Составной частью высшего образования является собая культура мышления, рафинированное, обостренное умение видеть новое в том, что прочим представляется рутиной. Об этом писали Семенов-Тян-Шанский, Менделеев, И. Мечников, Докучаев и другие отечественные исследователи, что было важнейшей заслугой российской образовательной школы. Формализовать этот вид опыта невероятно сложно и его усвоение идет в личном общении, от учителя к ученику, чаще всего невербально и незаметно для наблюдателя.

К сожалению, все рассуждения о «модернизации» на основе «опережающего» научного потенциала – не более чем благие пожелания. Как мы видим, отечественная ВШ планомерно и неукоснительно производит прекрасные рабочие кадры… для зарубежных работодателей.

Когнитивная экономика – это синтез достижений индустриальной эры, колоссального научного потенциала и информационных технологий, обеспечивающих немыслимые скорости, формы и качество обмена информацией/знаниями. И формировалась эта новая экономика прежде всего в высшей школе, а точнее – в университетах с ярко выраженной научной составляющей.

* * *

Автор давно убежден в том, что только трезво оценив историю болезни, можно поставить правдоподобный диагноз и предложить эффективное лечение. Проблемы, мешающие развитию, нельзя ни отбросить, ни забыть, чтобы начать жить с «чистого листа». Нам надо четко понимать, что предстоит сделать нашей ВШ, с какими проблемами ей приходится иметь дело. Попытки свести все к «проклятым либералам» и не менее «проклятым коммунистам» - не решают проблемы. Надо понимать, что российским проблемам – не первый век, что именно на последние 100–150 лет пришлись самые печальные события. Но если в царской России институциональные проблемы и ригидность власти вели к издержкам политического и экономического характера, не задевая существенно основ жизни насе-

ления, а направленные на развитие страны реформы медленно, но осуществлялись, то пришедшие к власти левые радикалы терпением и благомыслием не отличались. Страна была подвергнута реформам не имевшим никакого, даже приблизительного экономического смысла для России, имея целью Мировую революцию. Переворот этот имел самые тяжелые последствия.

Демографическая катастрофа. На первое место по влиянию на другие проблемы, сложности и ресурсоемкости следует поставить проблему демографическую. Она является прямым следствием самой впечатляющей социальной катастрофы в истории человечества: по мнению специалистов-демографов Россия (СССР) потеряла с начала XX в. в войнах, революциях, тюрьмах и лагерях от 60–80 до 100–110 млн чел. (счетные оценки прямых или физических потерь) и, в общей сложности, недосчиталась от 120 до 180 млн чел. (минимальные *демографические потери*, рассчитанные по темпам роста населения). «…Общее число преждевременных смертей за первую половину века достигает 50–65 млн., что только для России, в ее нынешних границах, дает примерно 25–35 млн. чел., но, конечно, – лишь в первом приближении». К началу 1954 г., по расчетам авторов, демографические потери только РСФСР достигли 76 млн. чел., а это, как замечают авторы, «целая Россия начала XX в. – …демографическая цена социальных потрясений и катастроф, обрушившихся на страну в первой половине минувшего столетия» [8]. Стоит добавить, что из жизни страны были выведены лучшие, наиболее образованные, успешные, здоровые, работоспособные и предприимчивые граждане: отрицательный отбор во всей своей циничной красоте.

Очень трудно, если возможно вообще, оценить *генетические потери* нашего общества (отбор шел на выбывание физически лучших – армейские призывы; а также наиболее активных и самостоятельных, в основном, мужчин фертильного возраста). Сегодня мы испытываем уже вторую, после Великой Отечественной войны, волну негативных последствий демографического кризиса и когда они «затихнут», сказать сложно.

Деформация социального опыта. Прямо связана с этой проблемой другая, менее яркая, меньше обсуждаемая, но от того не менее острая проблема – это системный, глубокий и длительный дефицит социального опыта и знаний (человеческого капитала) в обществе. Остановимся на ней несколько подробнее, поскольку именно в ней мы видим корни многих сегодняшних проблем России, а также средоточие основных грозящих ей опасностей.

Суть проблемы сводится к тому, что в процессе последовательного уничтожения очагов потенциального сопротивления в обществе, большевики в первую очередь отбирали по социальным признакам (классовым, используя расплывчатое общее определение «буржуазия», а затем еще более расплывчатое - «классовый враг») ту часть российского населения, которая сосредоточила в себе важнейшие достижения многовекового развития страны:

- **профессионалов в управлении** – от государственных чиновников всех рангов, генералов и офицеров, до служащих земств – все отбирались и уничтожались списочно и поименно, а с ними исчезал безвозвратно уникальный опыт государственного управления и организации общества;
- **профессоров и преподавателей** – по приблизительным оценкам историков только за первые два года советской власти были уничтожены, выехали в эмиграцию или бежали на юг с белыми около 60 тыс. профессоров и преподавателей высшей и средней ступени образования. Это была одна из самых тяжелых интеллектуальных потерь страны, если принять во внимание, что один профессор способен обучить за годы работы до 3000 студентов, около 20–30 аспирантов и выпустить примерно 200 трудов на самые актуальные темы современной ему науки;
- **журналистов** и оппозиционно настроенных публицистов, способных ясно выражать мысли и влиять на общество, выступая публично. Мало того, что были закрыты все газеты не контролируемые властью, но была организована поименная охота на известных противников левых и радикальных течений, уничтожавшихся бессудно, под абсурдными предлогами, на месте ареста;

- **духовенство** – по самой минимальной оценке, более 6000 священнослужителей погибли мученической смертью. Власть справедливо рассматривала православную церковь как важнейшую опору морального сопротивления насилию, но вместе с ней была ликвидирована нравственная и культурная роль церкви, а народу показаны образцы непомерной жестокости и цинизма;
- **носителей культуры** – дворянство в целом, интеллигенция, все не успевшие эмигрировать выдающиеся деятели в сфере науки, права, техники, искусства, журналистики подвергались шельмованию и уничтожались, либо принуждались к сотрудничеству на условиях власти, как В.И. Вернадский;
- **предпринимателей** – особыми указами преследовались не только крупные капиталисты, часть которых успела бежать за границу, но даже мелкие ремесленники и лавочники - сначала их грабили, а потом физически уничтожали и, что особенно странно,
- **квалифицированных рабочих** и наиболее успешных крестьян, которых никак нельзя отнести к буржуазному классу.

Важнейшим и критическим признаком отбора была **активность**, наличие собственной позиции и принципов, критический взгляд, независимость суждений, смелость публично выразить свое мнение, желание и воля защищать собственные интересы, говоря другими словами - *базовые признаки индивидуализма и сознания собственной значимости*. Таким образом в течение почти полувека (считая по демографическим критериям, по 25 лет на поколение, два поколения попали под террор) страна испытывала «отбор наоборот».

Результатом «отрицательного» отбора стали огромные *лакуны в наследуемом социальном опыте*, глубокие *диспропорции в социальной структуре общества*, *нарушения социальной мобильности* (как вертикальной, так и пространственной). Утрачены прежде всего передававшиеся внутри семьи семейные и родовые традиции; культура поведения, речи и делового общения; утрачены образованные веками *сословные ценности*, против которых особенно ополчилась новая власть, и ценности общенациональные (вспомним знаменитый «великорусский шовинизм», обвинение в котором стало политическим ярлыком и приводило к расстрелу); утрачены профессиональные навыки и деловая этика, те самые неписанные законы, на которых стояла, стоит и стоять будет любая экономическая система любой страны.

В нормально развивавшемся государстве именно этот слой социального опыта отвечает за адаптивные реакции и резистентность общественного организма, обеспечивает фундаментальные условия для производства национального экономического продукта, именно он принимает на себя тяжесть экономических, экологических и политических кризисов и формирует адекватный ответ на них. Жалкие попытки заменить утраченную деловую этику «Кодексом строителя коммунизма» не породили ничего, кроме нескольких горьких анекдотов.

И нет ничего удивительного в том, что когда перед Россией (СССР) встал тяжелый вызов технологического и экономического соревнования на выживание, экономика не выдержала. Проблема была не в «навязанной нам гонке вооружений», которая стала стимулом к мощному развитию США, а в полной неэффективности самой концепции отечественной экономической системы, в порочной ориентации на внешние по отношению общества цели. Ложность идеи, на которой строились общественные отношения в стране, стала особенно очевидной когда на фоне строительства БАМа, гигантских расходов на космос и «торжества» мелиорации, хлеб и корма приходилось покупать на нефтяные деньги, сформировался четырехмиллионный слой бомжей, а для обеспечения советских женщин нижним бельем пришлось создавать специальную комиссию ЦК КПСС.

По различным данным от 70–80% экономического потенциала страны работало на оборону и вооружение, а это единственный вид продукции общества в принципе предназначенный только для разрушения. Такого соотношения, таких целей и такой стратегии не может выдержать никакое общество, никакой ресурсный потенциал, никакая экономическая система. Отсюда понятно, почему все потребности обычного гражданина удовлетворялись по «оста-

точному принципу», если конечно что-то оставалось. Очереди за мылом и спичками, карточки на продовольствие возникли не в 1992 г., как иногда это пытаются представить, а перманентно присутствовали в нашей стране с февраля 1917 г. Повальное пьянство, фрустрация, воровство, разрушение трудовой этики, экологические катастрофы и тотальное падение производительности труда стали естественным следствием такого положения вещей.

Деформация производственной и пространственной структуры государства. Отсутствие частной собственности на ресурсы, рынка ресурсов и механизмов сравнения эффективности ресурсопользования (прежде всего – конкуренции за ресурсы) в течение исторически длительного периода жизни общества привело к возникновению еще одной проблемы, сложность и глубину которой нам еще предстоит измерить. Размещение крупнейших предприятий страны, да и само их возникновение сразу в гигантских формах, подчинялось в первую очередь политическим приоритетам и военно-стратегическим критериям, причем эффективность ресурсопользования стояла на одном из последних мест в этом списке. Более того. Даже строительство городов с населением в сотни тысяч человек (Нижневартовск, к примеру) подчинялось задаче освоения определенного ресурса или работе одного крупного предприятия (Новокузнецк, Рубцовск). Прямая зависимость города от предприятия привела к образованию в России нескольких сот городов-ловушек: исчерпание месторождения, смена приоритетов (с черной на цветную металлургию, к примеру) ставит их население на грань выживания.

Отдельно следует отметить, что эффективность равнинных водохранилищ или крупных мелиоративных проектов никогда не оценивалась с учетом потерянной продукции занятой ими навечно плодородной земли, точно так же, как не включается в цену производства атомной энергии цена возникших ущербов (в том числе, причиненного Чернобыльской аварией и другими, предшествовавшими ей), стоимость хранения и контроля (около 3 лет для короткоживущих; до 150–6000 и более лет для долгоживущих изотопов) радиоактивных отходов и разборки отслуживших свой срок АЭС, с дезактивацией их «горячего» оборудования (около $1 млрд. на станцию).

Равным образом, никто не может оценить каких масштабов катастрофа заложена на дне Баренцева или Охотского моря, где захоронены без какой либо дополнительной защиты отработавшие реакторы подводных лодок и не пригодившееся химическое оружие военных времен.

Эта тема достаточно широко освещена в отечественной литературе, добавим только, что влияние этого обстоятельства на потенциальную конкурентоспособность отечественной продукции немаловажно. Чтобы сформулировать адекватную стратегию развития страны, отдельного региона или района, необходимо понять, как скажутся на экономике страны и отдельных территорий эти «скрытые» ущербы и опасности (оценить риски). Мы пока даже приблизительно не знаем, каковы их масштабы и сроки влияния на экономику России.

Подводя короткий итог: на перспективах развития России лежит дополнительная нагрузка, цена которой может оказаться очень высока. Если не исследовать вопросы экологической безопасности, не составлять кадастра «горячих» точек, не организовать скрининг потенциальных аварий, качество жизни населения страны, как важнейшая цель развития, да и сама жизнь миллионов людей, может оказаться под угрозой. Это как раз тот случай, когда профилактика в сотни и тысячи раз дешевле лечения неожиданной болезни.

Деградация природной среды. Это направление в меньшей степени связано с демографической проблемой, но прочно коренится в потере преемственности социального опыта и неэффективности и порочности экономической системы. Примеры дикого и варварского обращения с доставшимся нашей стране природным потенциалом перечислять нет необходимости. Напомним только, что и катастрофа Байкала, и Чернобыль, и волжские мертвые моря – это прямое следствие изначально, с «Наброска плана научно-технических работ» В.И. Ленина, принятой на вооружение **жесткой, технократической стратегии развития**, цели которой были очень далеки и от экологоприемлемости, и от простого человеколюбия (которое автор «Набросков» называл слюнтяйничанием).

Примеры технократического подхода в изобилии можно встретить в любой современной развитой стране. Особенно типичен хрестоматийный образ США, где война с природой велась самыми современными средствами. Но, в отличие от СССР, Америка быстро научилась считать прибыли и убытки и уже в 1905 г. Теодор Рузвельт обращаясь к нации заявил: «Мы должны или охранять природу, или умереть». Экономика, а точнее, осознание нарастающих снежным комом *рисков и ущербов*, заставила США сначала идти на компромиссы, а затем и экологизировать производство все убыстряющимися темпами. И что интереснее всего, в основе многих американских разработок лежат идеи российских ученых, от В.В. Докучаева до В. Леонтьева.

Отечественная экономическая машина была лишена важнейшего *ценового регулятора*. Лишенная сигналов отрицательной обратной связи она оказалась нечувствительна к развитию катастрофических ситуаций. Даже такие сильные факторы как аварии с человеческими жертвами не влекли принципиальных изменений в стратегических ориентирах и средствах развития. Отмеченное многими исследователями «запаздывание» решений в плановой экономике, по мере ее усложнения и перехода на развитый индустриальный уровень превратилось в тормоз, а затем в реальности воплотился предсказанный еще в тридцатых годах результат – запаздывающее (а затем и фиктивное) планирование стало разрушать экономику, а с ней – ресурсную среду и человеческие отношения. Еще печальнее то, что возникли целые кластеры «ученых» обслуживавших интересы власти, сознательно лгавших обществу на любую тему, от проблемы Байкальского целлюлозно-бумажного комбината, до основ так называемой политэкономии социализма. Поэтому странно удивляться тому, что сегодня налицо целые коллективы, специализирующиеся на изготовлении фальшивых диссертаций, дипломных и курсовых работ, а фальсификация науки достигла высот невозможных в просвещенном обществе.

Как нам представляется, ВШ самой сутью своей призвана стать центром, опорной точкой реформирования страны. Рассмотрим эту проблему на примере природопользования, системообразующего процесса в любой стране.

Концепция системного ответа на экологические риски

Экономический рост для России и регионов, ее составляющих – сейчас и на среднесрочную (10–15 лет) перспективу – *категорический императив*. Экономический рост необходим по многим широко известным причинам, и едва ли не главная – в том, что бедное государство разрушает имеющихся у него природных ресурсов больше, а получает от них меньше, чем богатое. Но не менее категорична необходимость экологизации развития России и, в значительной мере, снижения уже имеющейся нагрузки на природные системы. Нельзя ли найти в этом внешне противоречивом положении конструктивное начало?

Да, можно. Это *осуществление экономического роста исключительно экологически приемлемыми средствами*. Тенденции мирового экономического процесса указывают на высокую эффективность капиталовложений в *экологизацию* технологий; *производство* высококачественной *экологичной техники и технологий*, *экологически чистой продукции*. Этот фактор делает «экологичную» стратегию развития привлекательной и перспективной сферой для капиталовложений. Но следует принять во внимание, что подобные результаты наблюдаются только в высокоразвитых рыночных системах, в условиях интенсивной конкуренции, отбора по эффективности (качеству) и жесткой элиминации производителей не отвечающих условиям рынка.

Таким образом, первая и главная опасность саморазрушения нашего общества может быть преодолена только за счет *качественного* экономического роста; продуманным, без рывков и отступлений переходом на нормальные экономические рельсы; государственной заботой о возвращении населению уверенности в будущем и мощной многолетней образовательной программой, нацеленной прежде всего на восстановление утраченных деловых навыков (и создание навыков экологических), *что возможно только и исключительно в рамках и при содействии ВШ*.

Но надо ясно отдавать себе отчет в том, что, будучи *реально* поставлена и оснаще-

на инструментами ее исполнения (соответствующее законодательство, нормативы, полномочия для контролирующих органов, адекватное давление на предпринимателей), *экологизация станет серьезным тормозом темпов развития страны*, по крайней мере на первых этапах адаптации к ней хозяйствующих субъектов. Это не только неизбежное расходование значительных средств на реализацию всех установлений: рост расходов на деятельность ответственных институтов власти, затраты на реорганизацию производства и приобретение новых технологий, но и косвенные расходы, выражающиеся в основном в росте стоимости транзакций (это явление аналогично езде на автомобиле с включенными тормозами). Все это так или иначе войдет в цену продукции и может сделать ее на длительное время неконкурентоспособной по отношению к продукции зарубежных производителей. Иными словами, расплачиваться придется потребителю и он сделает выбор не в пользу отечественной продукции. Это серьезный риск и на него необходимо идти. Нашим союзником здесь может стать уже имеющийся правовой инструментарий стран-членов ВТО и, в первую очередь, Евросоюза. Но здесь необходимо отказаться от порочной практики слепого переноса правовых инструментов и процедур из полутысячелетней рыночной среды Европы в Россию, где право на частную собственность было признано за гражданами всего два десятилетия тому назад.

Ясно, что попытка *жестко* (как это иногда предлагают экстремисты от экологии) сменить курс развития нереалистична и просто опасна. Необходима политика *«мягкого вытеснения»* неэффективно хозяйствующих субъектов, устаревших производств, опасных технологий, некомпетентных руководителей.

И здесь у России огромное преимущество, даваемое Историей один раз: мы знаем *в принципе* что и как надо делать и, начиная рыночное развитие практически с чистого листа, имеем в виду лучшие образцы «расширенного экономического порядка» (Хайек, 1992), прошедшего через горнило экологического кризиса и получившего иммунитет к самым опасным его проявлениям.

Вряд ли могут оправдаться надежды сторонников «государственного попечения» экономики на то, что созданием очередных властных структур (как водится – «центральных», «единых и сильных») можно решить эту проблему. Решить проблемы сохранения природной среды, не имея сильных рычагов влияния на экономическое и политическое поведение субъектов права, невозможно. Рыночная экономика, жесткая конкурентная среда, широкое распространение потребительских стандартов качества и демократическая организация общества дают нам такие рычаги - надо только научиться ими пользоваться. *ВШ способна в значительной степени помочь решить эту проблему. Между тем в наших вузах исчезают курсы экономической и социальной географии, социальной экологии, региональной политики и основ природопользования. Чтобы восстановить их необходим запрос на выпускников подобной специализации, что возможно только если эти проблемы станут в центр внимания региональных и федеральных властей, крупного бизнеса.*

Дело это очень небыстрое, но так или иначе, все эти задачи на федеральном уровне осознаются и понемногу начинают осуществляться. К сожалению, на региональном уровне далеко не все губернаторы, а с ними и чиновники согласны с этой логикой. Время открытого саботажа реформ прошло, но зато мы имеем дело с другим поворотом этой же темы: затягиванием, промедлением и фальсификацией результатов.

Неконкурентные капиталы, чаще всего возникшие во времена лихой горбачевской «приватизации», органически сроднены с властью, и иногда именно этой властью и являются. Отсюда возникла реальная опасность что неэффективные капиталы будут толкать власть на неэффективные (и антиэкологичные!) действия. К сожалению, их самоубийственность становится понятна слишком поздно.

Нужна большая *политическая воля и мудрость*, чтобы понять эту проблему и противостоять различным отраслевым лобби и группам влияния в осуществлении эффективной региональной политики. Правда, надо заметить, что рыночная экономика сама уже расставляет точки над **i** - неконкурентные капиталы в силу некомпетентности их хозяев быстро меняют своих владельцев и становятся «конкурентными», но это тоже не быстрый процесс.

Ключевые действия

Необходимы реальные и решительные шаги по проведению экономической реформы, в основе которой следующие ключевые действия:

- радикальное сокращение числа функций, носящих экономический характер, находящихся в компетенции власти (тема неоднократно серьезно обсуждалась на семинарах в ВШЭ, проводимых под руководством Е. Ясина. Прекрасный пример ВШ как экспертной площадки, осталось только добиться умножения такого образца за счет региональных университетов);
- приватизация функций, которые могут быть отчуждены без потерь для безопасности государства, причем начало этому процессу положено на муниципальном и региональном уровнях (например, ситуация с ЖКХ постепенно нормализуется);
- открытая обсуждению и критике экономическая политика поддержки предпринимателей; свобода торговли, защита рынка и конкуренции; охрана прав собственности (в поиске перспективных направлений и обсуждении недостатков ВШ незаменима);
- создание гибких и поощрительных правовых условий для эффективного ведения хозяйства в условиях жесткой конкуренции извне и не только в индустриально-технологических центрах (без консолидированного экспертного сообщества, способного авторитетно сообщить свое мнение региональной власти, эта проблема не решается);
- щадящая элиминация слабых хозяйств, вытеснение с рынка производителей некачественной продукции, освоение высвобождающихся трудовых ресурсов в критически важных направлениях развития за счет переподготовки кадров (в связке «фирма-ВШ»);
- эффективные федеральные и региональные нормы поощряющие и поддерживающие экологически приемлемые формы природопользования (источником и критериями которых должны быть региональные экспертные сообщества ВШ);
- разумное зонирование территории и законодательное исключение налогообложения для земель защитного назначения (лесополосы, живые изгороди, кулисы и пр.), включая, может быть, всю получаемую с них побочную продукцию; жесткое наказание экологических нарушений, таких как пожоги и весенние палы, распашка лесополос, браконьерство, нарушение заповедных и заказных режимов природопользования (ВШ именно то место, где может быть организовано обсуждение таких проблем и налажен общественный контроль);
- введение нормы частной собственности в лесное законодательство и институциональная поддержка «таежных ферм» [9, 10, 11, 12], способных не только поддерживать таежные сообщества в близком к естественному состоянии, но и обеспечивать рентабельное хозяйство, дающее продукцию уникального качества (подобные рекомендации в стенах ВШ звучат с послевоенных лет и, пока, никак не услышаны государством);
- система резервирования и реабилитации нарушенных и истощенных земель и значительные усилия власти по созданию страховых трастфондов, способных накапливать необходимые резервы для компенсации потерь от природных и техногенных катастроф, которые впредь будут только расти; реализации нормативных актов и региональных экологических программ (источник и инициатор таких программ – прежде всего научное сообщество, а студенты ВШ – прекрасные волонтеры и будущие проектные/программные администраторы);
- срочно необходим квалифицированный рынок земли и региональные Земельные банки, где можно брать поддерживаемые государством ипотечные ссуды под землю; неизбежны и должны быть инициированы изменения в водном законодательстве, устанавливающие плату за воду для сельскохозяйственных нужд и разрешающее свободные цены на воду (рынок воды) как важнейший лимитирующий фактор; необходимо повысить

роль экологической прокуратуры и суда в соблюдении природоохранного законодательства России;

- нам нужно серьезно пересмотреть вопрос об экспертной роли ВШ в осмыслении проблем природопользования; предназначить серьезные средства на исследования в области регионального развития, стратегии, политики и экономического поведения субъектов природопользования. И нам необходимо восстановить доверие как внутри научного сообщества (например: публичное рецензирование проектных решений, проектов правовых актов, публикаций в профессиональных журналов) так и в триаде государство–наука–общество.

На работу в актуальных направлениях нужны серьезные средства и принципиальный отказ от дискриминации частных вузов в интересах государственных. Помочь неимущим студентам могли бы частные фонды (яркий пример: Благотворительный фонд Владимира Потанина), региональные и муниципальные, а также корпоративные и прочие накопительные системы.

Высшая школа – это то пространство, где указанные проблемы уже обсуждаются; где ведется последовательная работа по подготовке кадров, которым придется взять на себя управление страной через 10–20 лет. Только ВШ дает экспертов, способных структурировать сложнейшие проблемные области и выступить в защиту уничтожаемой природы. К сожалению, у ВШ связаны руки: низкая платежеспособность подавляющего большинства студентов, ведущая к дефициту средств у большинства вузов; порочные схемы распределения и без того нищенских грантовых средств; тотальная перегруженность преподавателей текущей учебной работой – все это не способствует росту научной деятельности в ВШ.

* * *

В отношении ВШ логически замкнулся круг, начатый имперской политикой Александра III и Николая II (страх и недоверие к научному знанию; ограничение самостоятельности университетов и политика жесткого управления научным сообществом) и продолженный в гипертрофированном виде большевиками (тотальный контроль научного знания, принуждение вплоть до каторжного труда; «плановое» управление ВШ, с заменой уничтожаемых «спецов» «выдвиженцами», вплоть до появления таких абсурдных артефактов, как «народный академик» Лысенко). В пореформенной России в течение двух десятилетий из разных соображений поддерживали советскую систему организации науки и ВШ, что привело к колоссальным потерям людей, средств и, главное, времени.

С усердием, достойным лучшего применения, одна за другой осуществляются попытки модернизации системы образования: вузы подвергают различным перестроениям… и все это – *сверху*. Создаются «федеральные университеты», призванные «оптимизировать» региональные системы образования, но *опять – сверху*, опять – в рамках вертикали власти. Еще более странно выглядят идеи «стандартизации» образования, которые, по мысли авторов реформ, должны привести к появлению в ВШ новых и оригинальных направлений развития. Реформу ВШ превратили в «бумажную пургу»: бессмысленные и никому не нужные отчеты, бездна бесполезных показателей, формальные «рейтинги», оправдываемые переходом на «болонский процесс» – все это давит прежде всего на заведующих кафедрами, учебные отделы и деканаты, преподавателей и очень далеко от той работы, которая действительно необходима и о которой писали и В.И. Вернадский, и Д.И. Менделеев.

Нищенская плата вынуждает молодых и не очень преподавателей тянуть по две, а то и три ставки, совместительствовать в нескольких вузах… О какой научной работе может идти речь?

Защита диссертаций превратилась в утомительную формальность, которую легко преодолевают только люди вовсе не имеющие к науке и преподаванию отношения. Степени и должности в вузах получают субъекты, которых нельзя и на пушечный выстрел подпускать к преподаванию.

Попытки влить в старые мехи командной модели ВШ молодое вино когнитивной экономики – явно неконструктивны.

Никакие, даже самые красивые «стандарты», учебно-методические комплексы, компьютерные обучающие программы и тесты не могут заменить общения студен-

тов с исследователем, ученым, готовым сообщить им свои новейшие соображения. Именно поэтому мы предлагаем в качестве точки отчета и ориентира вернуться к концу XIX века, когда университеты переживали свой расцвет.

Нам нужен мост в прошлое, ценности, идеалы, мотивы русской науки составившей славу России. Нам нужны доверие науке и вузам; свободные университеты и высшие школы; тесно связанные с производством специализированные и политехнические институты, техникумы и колледжи, ориентированные на сиюминутные и растущие потребности страны. Устройство системы высшего образования должно отвечать самым высоким требованиям студентов, преподавателей и общества, а не бюрократической иерархии.

Библиографический список:

1. Скалон А.В. К концепции высшей школы: собственность, независимость, качество. 01.02. 1996–05.12.2001. http://www.povestka.ru/ssl/mat/mat4.stm
2. Скалон А.В. Некоторые проблемы высшей школы в преддверии когнитивной экономики // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2005. – Вып. 9. – С. 35–39.
3. Скалон А.В. Высшая школа как ключевое звено решения проблем России // Региональные исследования. – 2008. – № 5. – С. 31–38.
4. Владимир Вернадский: Жизнеописание. Избранные труды. Воспоминания современников. Суждения потомков / Сост. Г. П. Аксенов. – М.: Современник, 1993. – 688 с.
5. Витте С.Ю. Конспект лекций о народном и государственном хозяйстве. – М.: Фонд «Начала», 1997.
6. Витте С.Ю. Воспоминания. URL: http://ruslit.com.ua/russian_classic/vitte_syu/vospominaniya. 3429 /?page=17
7. Менделеев Д. И. Какая же академия нужна в России? // Новый мир. – 1996. – № 12.
8. Демографическая модернизация России, 1900–2000 / Под ред. А.Г. Вишневского. – М.: Новое издательство, 2006, – С. 443.
9. Скалон В.Н. Русские землепроходцы XVII века в Сибири. – 2-е изд. – Новосибирск: ИД «Сова», 2005.
10. Скалон А.В., Вавилихин И.А. Таежная ферма – путь рационального использования ресурсов тайги // Мат. конф. по разв. производительных сил ГААО. – Горно-Алтайск, 1989
11. Скалон А.В. Республика Алтай: возможная линия развития в области природопользования. // Горный Алтай и Россия 240 лет. Материалы к международному симпозиуму. – Горно-Алтайск, РИО «Универ-Принт», Г-АГУ, 1996. – С. 17–24.
12. Скалон А.В. Высшая школа как ключевое звено решения проблем России: http://avskalon.livejournal.com/2013.html.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

РЕЗОЛЮЦИЯ

V СОВЕЩАНИЯ-СЕМИНАРА ЗАВЕДУЮЩИХ КАФЕДРАМИ ЭКОНОМИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ПРОФИЛЯ УНИВЕРСИТЕТОВ РОССИИ С МЕЖДУНАРОДНЫМ УЧАСТИЕМ И ЗАСЕДАНИЯ СЕКЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ И СОЦИАЛЬНОЙ ГЕОГРАФИИ УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКОГО СОВЕТА ПО ГЕОГРАФИИ УМО ПО КЛАССИЧЕСКОМУ УНИВЕРСИТЕТСКОМУ ОБРАЗОВАНИЮ

Высшее профессиональное образование испытывает в нашей стране в ходе постоянных и глубоких реформ целый ряд общесистемных трудностей и проблем. Особую тревогу у научной и педагогической общественности вызывает состояние географического образования в высшей школе, что стало предметом обсуждения участников V совещания-семинара заведующих кафедрами экономико-географического профиля университетов России и заседания Секции экономической и социальной географии Учебно-методического Совета по географии УМО по классическому университетскому образованию. Последние 13 лет (с 2000 г.) с периодичностью в 2–3 года под эгидой Секции на базе географических факультетов Московского и Санкт-Петербургского университетов проводятся подобные форумы, что дает возможность не только осуществлять мониторинг состояния, но и выявлять наиболее значимые проблемы высшего экономико-географического образования, требующие своевременного принятия предложений и решений по корректировке действий в данной сфере.

V совещание-семинар заведующих кафедрами экономико-географического профиля университетов России и заседание Секции экономической и социальной географии Учебно-методического Совета по географии УМО по классическому университетскому образованию состоялось 12–13 сентября 2013 г. на базе географического факультета Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова. В работе Совещания и заседания Секции приняли участие: около 100 экономико-географов и представителей смежных наук из 39 университетов, а также из академических институтов России и стран СНГ; 41 заведующий кафедрами, в т.ч. 32 – кафедрами экономико-географического профиля; из них 28 – из классических университетов России; 42 доктора наук, в т.ч. 37 – географических наук. В рамках форума прошли тематические заседания, отражающие современные вызовы и поиск оптимальных путей дальнейшего развития экономико-географического образования.

Участники объединенного заседания отметили, что в последние десятилетия профессиональный уровень обоснования принятия управленческих решений, требующих экономико-географических знаний, представлений и подходов, на федеральном, региональном и локальном уровнях значительно снизился. В условиях постоянного реформирования среднего и высшего профессионального образования снижение качества профессиональной подготовки географов, прогрессирующее географическое невежество современных школьников – будущих граждан России – подрывает интеллектуальный потенциал страны. Такое положение усугубляется сокращением подготовки специалистов в области социально-экономической географии, региональной политики, стратегического и территориального планирования, закрытием и перепрофилированием кафедр экономико-географического профиля, а в последнее время – и целых географических факультетов, в университетах

страны. Сложившаяся ситуация может быть охарактеризована как кризисная и требующая срочных мер и действий.

С учетом выше сказанного участники Совещания-семинара и заседания Секции приняли следующие решения и рекомендации:

1. Одобрить в целом работу Секции экономической и социальной географии Учебно-методического совета по географии УМО по классическому университетскому образованию за период с 2010 по 2013 гг.

2. Для повышения качества принимаемых управленческих решений на всех уровнях, стратегического и территориального планирования, регионального управления считать необходимым внесение в «Государственный реестр профессий РФ» профессий экономико-географического профиля. После проработки вопроса рекомендовать выйти с данным предложением в Министерство образования и науки и Правительство Российской Федерации.

3. Рекомендовать Учебно-Методическому Совету по географии УМО по классическому университетскому образованию:

- провести анализ институциональных изменений в высшем географическом образовании в университетах страны за последние годы, оценить их значимость, современные и перспективные негативные последствия и на основе полученных результатов подготовить и провести расширенное заседание Президиума Учебно-Методического Совета по географии УМО по классическому университетскому образованию, посвященное обсуждению проблемы и выработке системы мер, адекватных угрозе разрушения высшего географического образования;
- расширить в рамках основной образовательной программы по направлению «География» (бакалавриат и магистратура) возможности для подготовки в университетах страны специалистов в таких важных для страны научно-прикладных сферах (профилях), как «Региональная политика и управление территориальным развитием», «Геоурбанистика и планирование городского развития», «Стратегическое и территориальное планирование»;
- организовать работу по изданию современных учебников и учебных пособий по основной образовательной программе по направлению «География» в рамках ФГОС с грифом УМО;
- организовать размещение электронных версий учебников и учебных пособий по дисциплинам федерального компонента основной образовательной программы высшего профессионального образования по направлению «География» в национальных электронных библиотечных системах.

4. Рекомендовать ректорам и заведующим кафедрами экономико-географического профиля российских университетов:

- остановить процесс ликвидации, слияния и перепрофилирования кафедр экономико-географического профиля в университетах страны как стратегически неверный;
- для повышения общегеографической культуры у выпускников университетов, их знаний территориальной организации российского общества расширить преподавание экономико-географических дисциплин и усилить присутствие экономико-географов в основных образовательных программах высшего профессионального образования;
- при разработке учебных планов по подготовке бакалавров и магистров по направлениям «География». «Экология и природопользование», «Картография» предусмотреть в вариативной части практикоориентированные экономико-географические дисциплины, усиливающие конкурентные преимущества выпускников на рынке труда;
- в рамках основной образовательной программы по направлению «География» разрабатывать и внедрять в учебный процесс магистерские программы в сферах «Региональная политика и управление территориальным развитием», «Геоурбанистика и планирование городского развития», «Стратегическое и территориальное планирование»;
- всемерно поддерживать периодические издания экономико-географического профиля, обращая особое внимание на качество публикаций, их актуальность и научную значимость;
- поощрять выступления экономико-географов в печатных и электронных

средствах массовой информации на федеральном и региональном уровне по актуальным проблемам социально-экономического развития России, её регионов и городов;

- инициировать включение экономико-географов в экспертные и общественные советы и иные структуры общественного контроля с целью повышения качества и эффективности принимаемых управленческих решений в сфере социально-экономического развития на локальном, региональном и федеральном уровнях;
- усилить взаимодействие с естественно-географическими направлениями (физическая география, экология, природопользование и др.) с целью совершенствования экономико-географического образования и повышения эффективности комплексных географических исследований.

Участники Совещания и заседания Секции выражают признательность географическому факультету, в том числе кафедре экономической и социальной географии России МГУ имени М.В.Ломоносова за организацию и четкое проведение данного мероприятия, направленного на совершенствование экономико-географического образования в университетах нашей страны.

Резолюция принята единогласно 13 сентября 2013 г. участниками V совещания-семинара заведующих кафедрами экономико-географического профиля университетов России с международным участием и заседания Секции экономической и социальной географии Учебно-методического Совета по географии УМО по классическому университетскому образованию; подлежит опубликованию в журнале «Региональные исследования» и рассылке во все заинтересованные структуры.

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

Юбилей профессора М.Д. Шарыгина

8 ноября 2013 г. исполняется 75 лет Заслуженному деятелю науки РФ, Почетному профессору Пермского государственного национального исследовательского университета, заведующему кафедрой социально-экономической географии ПГНИУ, доктору географических наук, профессору **Михаилу Дмитриевичу Шарыгину**.

Михаил Дмитриевич является одним из самых известных ученых-географов на всем постсоветском пространстве. Являясь крупным специалистом в области общественной географии, в то же время профессор М.Д. Шарыгин по праву считается теоретиком и последователем идей единой географии. В стенах Пермского университета, в котором он работает с 1966 г., благодаря своей энергии и творческой деятельности он создал научную школу, представители которой трудятся как над фундаментальными вопросами географической науки, так и над повышением результативности общественно-географических исследований, их реализацией в практической плоскости.

Будущий профессор родился в Яранском районе Кировской области в крестьянском семье. После окончания средней школы Михаил Дмитриевич поступил в Кировский педагогический институт. Получив диплом с присвоением квалификации «учитель биологии и географии» в 1962 г., Михаил Дмитриевич выбрал в качестве своего первого места работы среднюю школу №1 в карельском городке Олонец.

После службы в армии будущий профессор был принят на кафедру экономической географии родного вуза ассистентом. Здесь начался его путь в большую науку. О доверительном отношении к молодому преподавателю говорит хотя бы тот факт, что первым курсом, который читал Михаил Дмитриевич в вузе, стал курс «Экономическая география СССР», наверно самый объемный и значимый для студентов-географов.

Чувствуя необходимость самосовершенствования и получив возможность реализации своих научных планов, в 1966 г. М.Д. Шарыгин поступил в аспирантуру Пермского государственного университета к известному специалисту – экономико-географу, профессору В.А. Танаевскому (1886–1969). Научно-методологической базой своей будущей диссертации он выбрал работы Н.Н. Колосовского. Концепции энергопроизводственных циклов и территориально-производственных комплексов (ТПК) в то время только начинали находить

широкую поддержку у географической общественности. В связи с этим можно отметить, что кандидатская диссертация М.Д. Шарыгина явилась одной из первых, раскрывавших сущность этих идей на конкретных территориальных примерах. Успешно реализовав свои научные замыслы, в 1970 г. в совете МГУ Михаил Дмитриевич защитил диссертационную работу на тему «Формирование и развитие территориально-производственного комплекса северо-востока Кировской области».

Уже через два года он стал заведующим кафедрой экономической географии ПГУ. Эту деятельность Михаил Дмитриевич с успехом выполняет и сегодня, уже на протяжении 42 лет. Надо отметить, что на этом ответственном посту М.Д. Шарыгин проявляет себя как прекрасный организатор, работающий на перспективу. На протяжении всего времени заведования Михаил Дмитриевич одновременно решал и решает многие задачи (учебно-воспитательные, финансовые, методические, научно-исследовательские), что позволяет коллективу кафедры и (географическому факультету в целом) успешно развиваться в непростой для высшего образования и науки ситуации.

В 1980 г. Михаил Дмитриевич блестяще защитил докторскую диссертацию «Проблемы дробного экономического районирования и развития локальных территориально-производственных комплексов (на примере Уральского экономического района)», в которой одним из первых в отечественной экономической географии раскрыл теоретико-методологические вопросы исследования территориальной организации производительных сил экономического района путем выделения дробных районов, а также методологические основы управления, планирования и прогнозирования локальных ТПК. Работа нашла живой отклик со стороны всех членов диссертационного совета при МГУ им. М.В. Ломоносова, которые отметили ее новизну и конструктивность. В качестве оппонентов по диссертации выступили известные ученые-географы: Ю.Г. Саушкин, С.Я. Ныммик и К.П. Космачев. Каждый из них дал на работу положительный отзыв.

В 1981 г. М.Д. Шарыгину было присвоено ученое звание профессора, а уже в 1982 г. на кафедре экономической географии Пермского университета была открыта аспирантура под его руководством. На сегодняшний день учениками Михаила Дмитриевича являются более 30 человек, из них двое – доктора географических наук. Надо отметить, что среди учеников Михаила Дмитриевича не только сотрудники возглавляемой им кафедры. Еще это ученые-исследователи, преподаватели и представители административных органов из Воронежа, Ижевска, Казани, Кирова, Кудымкара, Омска, Тюмени, Якутска и других центров.

Продолжением этой работы по воспитанию научных кадров стало открытие собственного диссертационного совета при ПГНИУ, сначала кандидатского (1996), а затем и докторского (2002). Его бессменным председателем является профессор М.Д. Шарыгин.

Михаила Дмитриевича называют одним из наиболее авторитетных ученых-исследователей в области общественной географии. Он внес значительный вклад в развитие таких идей, как теории территориальных социально-экономических систем, территориальных общественных систем, территориальной организации общества, социально-экономического микрорайонирования, интегрального общественно-географического районирования. Его исследования также охватывают проблемы изучения регионов, региональной политики, территориального управления и планирования, теории и методологии общественной географии и географической науки в целом.

Научный «багаж» профессора М.Д. Шарыгина включает более 500 научных работ, среди которых заметное место занимают монографии, учебники и учебные пособия. Среди основных работ необходимо выделить такие фундаментальные труды, как «Экономическая и социальная география: новый этап» (Л., 1990, в соавторстве с А.И. Чистобаевым), «Региональная организация общества» (Пермь, 1992), «Региональная социально-экономическая география» (Пермь, 1994, в соавторстве с Е.Г. Анимицей), «Социально-экономическая география: современные категории науки» (Самара, 2001, в соавторстве с В.В. Ворониным, А.М. Трофимовым), «Территориальные общественные системы» (Пермь, 2003), «Общая география: вопросы теории и методологии» (Пермь, 2007, в соавторстве с А.М. Трофимовым), «Территориальная организация региональной социоэкономики» (Самара, 2013, в соавторстве с В.В. Ворониным и Ю.В. Жичкиным).

Весомый вклад Михаил Дмитриевич внес и в развитие географического образования. С 1970-х гг. он бессменный член Секции экономической и социальной географии Учебно-методического совета по географии УМО по классическому университетскому образованию. С большим одобрением он поддержал создание в мае 2010 г. Ассоциации российских географов-обществоведов, работа которой, как он считает, должна быть направлена на консолидацию научных усилий представителей нашей науки и популяризацию ее достижений в российском обществе. Также благодаря его всемерной поддержке в Пермском университете были открыты специальности «Социально-культурный сервис и туризм» (2002), «Картография и геоинформатика» (2009). Еще в 1998 г. кафедра социально-экономической географии ПГНИУ перешла на систему двухуровневой подготовки специалистов «бакалавриат – магистратура», получив тем самым бесценный опыт работы с магистрантами еще до повсеместного внедрения положений Болонской конвенции в высшее образование. Сегодня на кафедре реализуются две магистерские программы: «Экономическая и социальная география», «Территориальное планирование и управление».

Михаил Дмитриевич является пятикратным лауреатом премии Пермского университета по науке, лауреатом премии по науке Пермского края. Он награжден дипломом Русского Географического общества «За выдающиеся работы в области географии». Его имя внесено Американским биографическим институтом в список 1000 выдающихся личностей XX века.

Михаил Дмитриевич – удивительно талантливый, целеустремленный, трудолюбивый человек и ученый. При этом он всегда остается добродушным наставником, чутким собеседником и успешным руководителем. Общение с ним всегда приятно, а его наставления всегда корректны, интеллигентны и конструктивны.

Редколлегия журнала желает профессору М.Д. Шарыгину крепкого здоровья и долголетия, творческих успехов, больше радостных событий в работе и жизни.

Сердечно поздравляем Михаила Дмитриевича!
Желаем крепкого здоровья и долголетия,
творческих успехов, больше радостных событий
в работе и жизни!

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Антонов Евгений Викторович – аспирант кафедры экономической и социальной географии России географического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.
E-mail: antonovmtg@inbox.ru

Болычев Олег Николаевич – кандидат экономических наук, научный руководитель Лаборатории сетевых исследований Балтийского федерального университета имени И. Канта.
E-mail: lsi@kantiana.ru

Великанова Ирина Алексеевна – студентка кафедры международных отношений и международного права Брянского государственного университета имени И.Г. Петровского.

Гельдыева Галина Викторовна – доктор географических наук, профессор, главный научный сотрудник ТОО «Институт географии Казахстана» (Алматы). E-mail: geldyev@gis-terra.kz

Калинина Ирина Владимировна – кандидат географических наук, научный сотрудник лаборатории математического моделирования динамики региональных систем Института комплексного анализа региональных проблем ДВО РАН, г. Биробиджан.

Катровский Александр Петрович – доктор географических наук, профессор кафедры географии и туризма, проректор Смоленского гуманитарного университета.
E-mail: alexkatrovsky@mail.ru

Карачурина Лилия Борисовна – кандидат географических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой демографии НИУ Высшая школа экономики. E-mail: lkarachurina@hse.ru

Кашкина Лариса Владимировна – аспирант кафедры общего и стратегического менеджмента Северного Арктического федерального университета имени М.В. Ломоносова, г. Архангельск. E-mail: kashkinal@mail.ru

Кузнецова Татьяна Юрьевна – кандидат географических наук, доцент кафедры географии, природопользования и территориального развития Балтийского федерального университета имени И. Канта. E-mail: tikuznetsova@kantiana.ru

Лопатников Дмитрий Леонидович – доктор географических наук, профессор кафедры региональной экономики и экономической географии Финансового университета при Правительстве РФ. E-mail: imartos@mail.ru

Миронова Галина Леонидовна – кандидат географических наук, доцент кафедры международных отношений и международного права Брянского государственного университета имени И.Г. Петровского.

Надыров Шерипжан Марупович – доктор географических наук, профессор кафедры географии, землеустройства и кадастра Казахского национального университета им. Аль-Фараби (Алматы). E-mail: scharipjan@mail.ru

Нюсупова Гульнара Нурмухамедовна – доктор географических наук, профессор**,** заведующая кафедрой географии, землеустройства и кадастра Казахского национального университета им. Аль-Фараби (Алматы). E-mail: gulnaran@mail.ru.

Ридевский Геннадий Владимирович – кандидат географических наук, доцент, заведующий региональным центром по Могилёвской области ГНУ «НИЭИ Министерства экономики Республики Беларусь». E-mail: ridgeo@yandex.ru

Савлов Михаил Евгеньевич – аспирант кафедры социально-экономической географии зарубежных стран географического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.
E-mail: savlm@yandex.ru

Савоскул Мария Сергеевна – кандидат географических наук, ведущий научный сотрудник кафедры экономической и социальной географии России географического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: savoskul@yandex.ru

Святоха Наталья Юрьевна – аспирант кафедры географии и регионоведения Оренбургского государственного университета. E-mail: osugeo@yandex.ru

Скалон Александр Васильевич – кандидат географических наук, доцент кафедры географии и туризма Смоленского гуманитарного университета. E-mail: avskalon@

Смайлов Сейфулла Шай-Ахметович – старший преподаватель кафедры географии и химии Павлодарского государственного педагогического института, Казахстан.
E-mail: s_smaile@mail.ru

Тархов Сергей Александрович – доктор географических наук, ведущий научный сотрудник отдела социально-экономической географии Института географий РАН (Москва), ведущий научный сотрудник кафедры социально-экономической географии зарубежных стран географического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: tram.tarkhov@gmail.com

Фаддеев Алексей Михайлович – студент 2 года обучения магистратуры кафедры экономической и социальной географии России географического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: faddeev@list.ru.

Чубаров Илья Георгиевич – аспирант кафедры мирового хозяйства географического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Ушаков Евгений Александрович – аспирант Тихоокеанского института географии ДВО РАН (Владивосток). E-mail: ushakov.tig.dvo@gmail.com

Яськова Татьяна Ивановна – старший преподаватель кафедры географии и туризма Смоленского гуманитарного университета

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ МАТЕРИАЛОВ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ В ЖУРНАЛЕ «РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ»

Журнал «Региональные исследования» выходит в свет 4 раза в год, его объем и рубрики варьируются в зависимости от содержания поступившего материала и тематики номера.

Журнал публикует статьи по теории, методике региональных исследований, региональной политике в России и за рубежом, экономической, социальной, политической и рекреационной географии, региональной экономике, библиографические обзоры и рецензии, а также информацию о проведенных научных мероприятиях по проблемам экономической географии, региональной экономики, региональной политики и регионального развития.

Направляемые в журнал статьи следует оформлять в соответствии со следующими **требованиями:**

- материалы предоставляются в электронном виде (текстовый файл формата MS Word с расширением файла *doc.; текст – без использования знаков переноса)
- объем материалов не должен превышать 1,5 авторского листа (60 тысяч знаков, или 25 страниц)
- иллюстрации и рисунки предоставляются файлами в черно-белом варианте (graysckale) с разрешением не менее 300 dpi и расширением *pdf., *tif., *jpg., *psd.)
- каждый рисунок (таблица) должен быть сгруппирован и пронумерован, иметь название и ссылку в тексте
- все изображения (таблицы) должны быть предоставлены в масштабе 1:1 и иметь размер не более 140 x 230 mm
- автор обязан указать источники всех цитат, иной информации, пояснить использованные аббревиатуры (кроме общеупотребительных)
- авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, экономико-статистических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений, а также за использование данных, не предназначенных для открытой печати
- принимаемые материалы должны быть снабжены аннотацией (не более 5–6 строк) на русском и английском языке, перечнем ключевых слов на русском и английском языке.

В редакцию журнала представляется справка об авторе, содержащая Ф.И.О. (полностью), официальное наименование места работы с указанием должности, сведения о ученой степени и ученом звании, e-mail, адрес.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна. Рукописи подвергаются рецензированию. Рукописи могут быть возвращены на доработку. При незначительных замечаниях рукопись может быть отредактирована, без возвращения автору.

Публикуемые в журнале материалы могут не отражать точку зрения учредителя, редколлегии и редакции.

Редакция